

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Федеральное государственное бюджетное учреждение
Институт Дальнего Востока Российской академии наук

**Взаимоотношения
России – Китая – США
в рамках
стратегического
треугольника**

Москва
ИДВ РАН
2020

УДК [327+339.5](470+571:510:73)
ББК 65.59(2Рос)(5Кит)(7Сое)+66.4(2Рос)(5Кит)(7Сое)
В40

*Утверждено к печати
Учёным советом ИДВ РАН*

Рецензенты:

к. полит. н. *П. Б. Каменнов*, д. фил. н. *А. В. Лукьянов*

*Данное исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ
в рамках научного проекта № 19-014-00009*

В40 Взаимоотношения России—Китая—США в рамках стратегического треугольника / Рос. акад. наук, Ин-т Дальнего Востока; отв. ред.-сост. Ю. В. Морозов. — М. : ИДВ РАН, 2020. — 288 с.

ISBN 978-5-8381-0374-1

Коллективная монография, подготовленная научными сотрудниками Института Дальнего Востока и Института США и Канады РАН, посвящена анализу перспектив развития взаимоотношений России—Китая—США в рамках стратегического треугольника. Научной основой написания данной работы стал круглый стол, состоявшийся в Центре изучения стратегических проблем США и ШОС в марте 2019 г., в ходе которого были рассмотрены международно-правовые аспекты деятельности акторов треугольника, а также актуальные проблемы безопасности России в глобальном масштабе. В исследовании представлены новые теоретические и практические подходы к вопросам раскрытия потенциала взаимодействия России, Китая и США в рамках стратегического треугольника. Особое внимание уделено анализу региональных проблем и возможностей развития российско-китайских отношений в конкретных сферах экономики, политики и культурно-гуманитарного сотрудничества.

Книга адресована широкому кругу читателей, студентам и преподавателям вузов, а также ученым и специалистам-практикам, занимающимся проблемами безопасности и перспективами взаимоотношений акторов в рамках стратегического треугольника РФ—КНР—США в XXI веке. Оценки и выводы являются полностью авторскими и не всегда совпадают с позицией ИДВ РАН.

Ключевые слова: Россия, Китай, США, стратегический треугольник, регионы мира, политика, стратегия, безопасность, угрозы, взаимоотношения.

УДК [327+339.5](470+571:510:73)
ББК 65.59(2Рос)(5Кит)(7Сое)+66.4(2Рос)(5Кит)(7Сое)

ISBN 978-5-8381-0374-1

© Коллектив авторов, 2020
© Морозов Ю. В., составление, 2020
© ИДВ РАН, 2020

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Federal state budgetary institution of science
Institute of the Far Eastern Studies
of the Russian Academy of Sciences

**RUSSIA—CHINA—US
RELATIONS
IN THE FRAMEWORK
OF THE STRATEGIC TRIANGLE**

Moscow
Russian Academy of Sciences
Institute of Far Eastern Studies
2020

*Recommended for publication by:
Academic Council of the Institute for Far Eastern Studies
Russian Academy of sciences*

Russia—China—US relations in the framework of the strategic triangle / ed.-comp. Yu. V. Morozov. Moscow, RAS IFES Press, 2020.

A monograph prepared by the scientific staff of the Institute of the Far East and of the Institute of USA and Canada studies devoted to the analysis of prospects of development of relations between Russia—China—USA in the framework of the strategic triangle.

The scientific basis for writing this work was a round table held at the center for the study of strategic problems of the NEA and the SCO in March 2019, during which international legal aspects of the activities of the actors of the triangle, as well as topical issues of Russia's security on a global scale considered. The study presents new theoretical and practical approaches to the issues of revealing the potential of interaction between Russia-China — the United States in the framework of the strategic triangle. Special attention paid to the analysis of regional problems and opportunities for the development of Russian—Chinese relations in specific areas of economy, politics and cultural and humanitarian cooperation.

The book is addressed to a wide circle of readers, students and professors, as well as scientists and practitioners working on issues of security and relations between actors in the strategic triangle Russia—China—USA in the XXI century. Estimates and conclusions of the monograph are completely author's and do not always coincide with the position of the IFES RAS.

Keywords: Russia, China, USA, strategic triangle, regions of the world, politics, strategy, security, threats, relationship.

© The Authors Board, 2020
© Morozov Yu. V., comp., 2020
© IFES RAS, 2020

Содержание

Введение (<i>С.Г. Лузянин</i>)	9
<i>Батюк В.И.</i> Структура взаимоотношений и особенности функционирования «стратегического треугольника» Россия—Китай—США	14
<i>Морозов Ю.В.</i> Политика и стратегия Китая, США и России в важнейших для них регионах мира	27
<i>Гордиенко Д.В.</i> Геополитический компонент политики РФ в «стратегическом треугольнике» Россия—Китай—США	58
<i>Гордиенко Д.В.</i> Геополитический компонент политики КНР в «стратегическом треугольнике» Россия—Китай—США	78
<i>Гордиенко Д.В.</i> Геополитический компонент политики Соединённых Штатов в «стратегическом треугольнике» Россия—Китай—США	92
<i>Балакин В.И.</i> Американский синдром Китая в Афганистане	114
<i>Морозов Ю.В.</i> Деятельность акторов «стратегического треугольника» в Арктическом регионе	124
<i>Евсеев А.С.</i> Политика США, России и Китая на Ближнем Востоке и в Центральной Азии	159

Давыдов А.С.

Некоторые политико-военные аспекты взаимоотношений
США и КНР в текущем десятилетии 179

Морозов Ю.В.

Совершенствование Вооруженных сил США, России и Китая
под влиянием новейших технологий 188

Уянаев С.В.

«Треугольник» РФ—КНР—США: сфера ракетного контроля
и некоторые аспекты общей динамики 215

Клименко А.Ф.

Военный компонент России как элемент защиты
ее национальных интересов 234

Клименко А.Ф.

Пути развития ШОС: текущие цели и задачи
в контексте построения «Большого евразийского пространства» . . . 250

Заключение (*Морозов Ю.В.*) 259

Summary 269

Авторы 277

Content

Introduction (<i>Luzyanin S.G.</i>)	9
<i>Batyuk V.I.</i> Structure of relations and features of functioning of the «strategic triangle» Russia—China—USA	14
<i>Morozov Yu.V.</i> Policy and strategy of China, the United States and Russia in the most important regions of the world for them	27
<i>Gordienko D.V.</i> Geopolitical component of the Russian Federation within the “strategic triangle” Russia—China—USA	58
<i>Gordienko D.V.</i> Geopolitical component of the China within the “strategic triangle” Russia—China—USA	78
<i>Gordienko D.V.</i> Geopolitical component of the United States within the “strategic triangle” Russia—China—USA	92
<i>Balakin V.I.</i> American syndrome of China in Afghanistan	114
<i>Morozov Yu.V.</i> Activity of the «strategic triangle» actors in the Arctic region	124
<i>Evseenko A.S.</i> Policy of the USA, Russia and China in the Middle East	159

Davydov A.S.

Some political and military aspects of US-China relations
in the current decade 179

Morozov Yu.V.

Development the USA, Russia and China armed forces
under influences of modern technologies 188

Uyanaev S.V.

“Triangle of Russia—China—USA”: the sphere of missile control
and some aspects of the general dynamics 215

Klimenko A.F.

Russian military component as an element of protection
of its national interests 234

Klymenko A.F.

Ways of SCO development: current goals and tasks
in the context of building a «Large Eurasian space» 250

Conclusion (*Morozov Yu.V.*) 259

Authors 283

Введение

Лузянин С.Г.

Актуальность изучения взаимоотношений между Соединёнными Штатами, Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в формате «стратегического треугольника» объективно определяется ростом значения взаимодействия этих акторов для обеспечения безопасности и экономического развития мирового сообщества в современных условиях. Являясь ядерными державами, они несут особую ответственность за поддержание стратегической стабильности и нераспространения оружия массового уничтожения. Огромное значение для поступательного развития мировой экономики имеют американо-китайские и, в меньшей степени, — российско-китайские экономические связи.

При этом сложившийся после окончания холодной войны баланс сил между этими державами быстро меняется. В начале XXI века Соединённые Штаты уже неоднократно показали, что они уже не справляются со своей миссией в рамках модели однополярного мира, установленного Вашингтоном после дезинтеграции СССР и Варшавского Договора. А Россия в последние годы существенно укрепила свою военную мощь и продемонстрировала политическую волю применить ее для реализации своих политических целей. Особую тревогу у американской стороны вызывает то обстоятельство, что в весьма чувствительном для Вашингтона восточноевропейском регионе американские ВВС и ВМС, а также военно-воздушные и

военно-морские силы их натовских союзников, могут утратить столь привычное для них превосходство на море и в воздухе.

Но не только в Европе соотношение сил меняется не в пользу США и их союзников. Аналогичные перемены происходят и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Существенные оборонные расходы КНР в последние годы принесли свои плоды. Китай теперь способен в своей прибрежной зоне проводить в отношении США стратегию «ограничения доступа/воспрещения присутствия» в этом регионе. Тем самым он сумел радикальным образом изменить привычное для США соотношение сил в АТР. Аналогичная ситуация сложилась и в Центральной Азии, где под предлогом глобальной борьбы с терроризмом в 2001 г. США удалось закрепиться в регионе. Однако после провала американской операции «Несокрушимая свобода» Соединенные Штаты лишились здесь своего военного плацдарма под нажимом России и Китая, оставив там лишь несколько военных баз.

Постепенно меняется и соотношение экономических сил в современном мире. С 2014 г. не США, а КНР — крупнейшая в мире экономика. В этом году КНР вышла на 1-е место в мире по расчетам ВВП и по паритету покупательной способности. Поэтому обострение торгово-экономических отношений между Соединёнными Штатами и Китаем после прихода к власти администрации Трампа является неслучайным: китайская конкуренция грозит экономическим позициям американского бизнеса не только на внешних рынках, но и на внутреннем рынке. В силу этого в фокусе американского давления находится не китайский экспорт как таковой, а способность КНР наращивать собственный технологический и инновационный потенциал, в частности в рамках национальной программы «Сделано в Китае 2025». Китай также стал основным экспортером энергетических ресурсов в мире. Эта трансформация, а также успех соглашения в рамках ОПЕК+ предоставляет России новые возможности влияния на международных энергетических рынках.

Изучение взаимоотношений между США, РФ и КНР в формате «стратегического треугольника» актуально и с учетом того, что текущий торговый конфликт между США и Китаем, а также международный инфраструктурный проект КНР «Один пояс, один путь» и его сопряжение в российскими проектами в рамках ЕАЭС, позволя-

ют эффективно развивать торгово-экономические отношения с европейскими и азиатскими странами, и способствует устранению рисков блокировки морских торговых артерий Китая со стороны США.

В этих условиях будут неизбежно меняться взаимоотношения между тремя участникам «стратегического треугольника», где постепенное военно-политическое и экономическое сближение России и Китая, имеющее антиамериканскую направленность — объективный факт. Поэтому необходимо выяснить, в какой мере это сближение является долгосрочным трендом в развитии международных отношений в сфере политики, экономики и в области военных отношений.

Актуальность исследований обусловлена и тем, что проблема российско-китайско-американского «стратегического треугольника» на протяжении долгого времени находится в центре внимания российских и американских исследователей, однако только в рамках анализа их двусторонних отношений. Так, в настоящее время, как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях, отсутствуют аналитические труды, посвященные современному развитию американо-российско-китайских отношений начиная от перезагрузки американо-российских отношений и заканчивая новой «холодной войной» между ними, а также всестороннему анализу, посвященному стремлению США сдержать рост влияния Китая и России в мировых делах. С учетом этих обстоятельств, целью данной монографии являлся анализ современной структуры американо-российско-китайских отношений. Для достижения этой цели потребовалось решить следующие исследовательские задачи:

- проанализировать эволюцию и функционирование норм и правил поведения трех держав в рамках функционирования «стратегического треугольника»;
- выявить изменения динамики в балансе сил между США, РФ и КНР;
- подвергнуть анализу взаимоотношения между тремя державами в военно-политической и торгово-экономической сферах;
- установить роль «стратегического треугольника» в современных международных отношениях.

При этом авторы монографии в своих статьях исходили из того, что данная «трехсторонняя» структура американо-российско-китайских отношений динамично развивается, адаптируясь к изменениям международной обстановки. Другую задачу они видели в изучении эволюции российско-американо-китайского «стратегического треугольника» и выявлении современных и перспективных угроз для национальных интересов России в динамично развивающемся мире, а также в нахождении путей нейтрализации этих угроз для нее.

Исходя из поставленных целей и задач монографии, была сформирована ее структура и содержание. В ней определена структура взаимоотношений и особенности функционирования «стратегического треугольника» и подходы КНР, США и РФ в их борьбе в сфере политики в регионах мира. Определен геополитический компонент США, России и Китая в рамках «стратегического треугольника». Исследована борьба акторов «треугольника» за геополитическое влияние в Евразии и их деятельность в Арктическом регионе. Проанализирована политика США, России и Китая на Ближнем Востоке и влияние американского синдрома Китая в Афганистане. Определен уровень взаимоотношений между США и КНР в военно-политической сфере и тенденции их военного строительства. Исследована роль России, Китая и США в венесуэльском кризисе как пример интернационализации конфликта. Проанализирована сфера ракетного контроля и ряда других аспектов динамики отношений в рамках «треугольника РФ—КНР—США». Также определены возможные пути развития ШОС, текущие цели и задачи организации в контексте построения «Большого евразийского пространства» и роль военного компонента России в качестве элемента защиты ее национальных интересов.

В Заключении монографии изложены обобщенные выводы, отражающие степень раскрытия темы исследований и степень достижения цели и поставленных задач в форме синтеза полученных в процессе исследования результатов. При этом обращено внимание на необходимость защиты российских интересов в рамках «треугольника» и определен ряд потенциальных направлений взаимодействия акторов этого «треугольника» и других заинтересованных в

этом государств и их союзов, открывающих новые возможности для поддержания мира и стабильности на планете.

Практические наработки этой монографии могут найти своё непосредственное применение в деятельности Администрации Президента РФ, Совета Безопасности РФ, в профильных комитетах Государственной Думы и Совета Федерации РФ, Министерства иностранных дел, Министерства обороны и иных органов государственного управления России.

В.И. Батюк

СТРУКТУРА ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА» РОССИЯ—КИТАЙ—США

«Стратегический треугольник» — вчера и теперь

«Стратегический треугольник» Америка—Китай—Россия (СССР) возник в начале 1972 г., когда президент США Р. Никсон совершил визит в КНР (февраль) и в Советский Союз (май—июнь). Проводимая Вашингтоном политика разрядки с красным Китаем и с СССР позволила американской стороне занять доминирующее положение в этом «стратегическом треугольнике», поддерживая лучшие отношения с Москвой и Пекином, чем они — друг с другом. Это обстоятельство позволило Соединенным Штатам прекратить политику сдерживания в отношении КНР, сосредоточив силы и средства на сдерживании Советского Союза. Более того, США подтвердили свое намерение поддержать КНР в случае нарастания угрозы со стороны СССР, а Китай обещал продолжить линию дистанцирования от Москвы. С другой стороны, советская сторона была вынуждена затратить огромные силы и средства на развертывание крупной советской военной группировки на Дальнем Востоке и на территории МНР, поскольку в Москве рассматривали Китай после 1972 г. как союзника США и чуть ли не как «шестнадцатого члена НАТО»¹.

В тот период существования «треугольника» взаимоотношения между тремя великими державами были сконцентрированы на военно-политических аспектах их взаимоотношений: советско-китайские экономические связи были сведены к нулю, развитие советско-американских торгово-экономических связей были заморожены поправкой Джексона-Вэника, американско-китайская торговля была в 1970-х годах в зачаточном состоянии.

В дальнейшем, однако, этот «стратегический треугольник» претерпел серьезную трансформацию. С одной стороны, существенно изменился характер взаимоотношений между США, СССР и КНР в военно-политической сфере. Во второй половине 1980-х годов прекратилась «холодная война» между Соединенными Штатами и Советским Союзом, а в советско-китайских отношениях наметилась нормализация, кульминацией которой стал визит советского лидера М.С. Горбачева в Китай в июне 1989 г.

С другой стороны, в американско-китайских торгово-экономических связях произошла настоящая революция, которая трансформировала не только взаимоотношения между двумя этими странами, но и мировую экономику в целом. Оборот взаимной торговли между Китаем и Америкой увеличился с 2,5 млрд долл. в 1979 г. до 519,6 млрд долл. в 2016 г., т. е. в 208 раз². США и КНР, таким образом, стали крупнейшими торговыми партнерами друг для друга.

Перемены во взаимоотношениях трех великих держав привели к практическому исчезновению «стратегического треугольника» в 1990-х годах. Тогда, после окончания «холодной войны» многим политикам и экспертам-международникам казалось, что наступил «конец истории» противоборства великих держав за власть и влияние на международной арене.

Более того, многим казалось самоочевидным, что важнейшей характерной чертой новой системы международных отношений будет безоговорочное доминирование Соединенных Штатов и их ближайших союзников, т. е. так называемого Запада. Для такого вывода, казалось, имелись все основания. После окончания «холодной войны» экономическое, военное и идеологическое превосходство США и Запада представлялось абсолютным.

Неудивительно, что и среди российских, и среди зарубежных специалистов-международников до недавнего времени преобладала та точка зрения, что основанная на западных, либеральных и демократических ценностях, новая система международных отношений, которая будет доминировать в мире после «холодной войны», покончит с насилием (особенно вооруженным) на мировой арене, узаконив приоритет морали и права перед силой и обеспечит лучшее качество управления при решении глобальных проблем. При этом казалось само собой разумеющимся, что национальный суверенитет тех стран, которые оказались за бортом так называемого золотого миллиарда, будет постепенно уходить в прошлое, а ключевые решения на международной арене будут приниматься транснациональными (преимущественно западными) корпорациями и международными организациями, где также будут доминировать представители Запада³.

В этих условиях представлялось, что российскому и китайскому руководству надо думать не об укреплении своих великодержавных позиций в «треугольном» формате, а о скорейшем присоединении к этому самому «золотому миллиарду». И действительно, на протяжении 1990-х годов ни Москва, ни Пекин не имели ни политической воли, ни реальных возможностей, чтобы бросить вызов американской гегемонии.

«Стратегический треугольник», таким образом, перестал существовать. Россия стремилась интегрироваться в западные политические и экономические институты (включая НАТО и Евросоюз), а Китай сконцентрировал свои усилия на развитии национальной экономики, для чего китайской стороне крайне важно было сосредоточиться на всемерном развитии американо-китайских торгово-экономических связей, и ради этого Пекин был готов (на некоторое время) ограничить свои внешнеполитические амбиции.

Почему РФ и КНР не смогли встроиться в однополярный мир?

В начале нового тысячелетия, однако, ситуация во взаимоотношениях между Россией, Китаем и Америкой начала меняться. Выяснилось, что российские мечтания об интеграции в западные воен-

но-политические и экономические структуры, вроде Североатлантического Альянса и Европейского Союза, оказались совершенно несостоятельными. Ни НАТО, ни ЕС не спешили открыть свои двери перед Российской Федерацией после того, как эта страна вышла на международную арену в качестве независимого государства. В этих условиях России пришлось выстраивать свои отношения с США и Западом на основе суверенного равенства, равноправия и взаимности.

Это обстоятельство вызвало негативную реакцию в американских правящих кругах. Вот цитата из доклада экспертной группы по России палаты представителей конгресса США, опубликованного в сентябре 2000 г.: «Восемь лет спустя после того, как Россия заявила о стремлении создать формальный союз с США, ее внешняя политика регрессировала до доперестроечного уровня «холодной войны»... Российское правительство активизировало свое противодействие расширению НАТО и рьяно пытается ослабить связи между США и их партнерами по НАТО в Европе. Политика России в последнее время возрождает предложения советской поры о замещении нынешней системы безопасности, в основе которой лежит Североатлантический альянс, на новую панъевропейскую систему безопасности»⁴.

Восемнадцать лет спустя в опубликованном в январе 2018 г. влиятельным Советом по международным отношениям докладе «Сдерживание России. Как реагировать на вмешательство Москвы в американскую демократию и растущий геополитический вызов» говорилось буквально следующее: «Москва значительно активизировала свои усилия, чтобы противостоять США и их союзникам в политическом и военном плане, и противостоять американскому влиянию в мире. Она вторглась и аннексировала Крым; вторглась и оккупировала части Восточной Украины; развернула значительные вооруженные силы и предприняла безжалостную бомбардировочную кампанию в Сирии, чтобы поддержать режим Башара Асада и победить поддерживаемую Америкой оппозицию; значительно расширила свои вооруженные силы и развернула ракеты в нарушение договорных обязательств; провела крупные военные учения, призванные запугать восточноевропейские государства... и использова-

ла угрозу прекращения поставок газа в качестве рычага воздействия на наиболее энергозависимые европейские государства»⁵. Возрождение конфронтации Москвы и Вашингтона стало полной неожиданностью для американской политико-академической элиты — ведь в американских правящих кругах после 1991 г. привыкли рассматривать Россию как исчезающе малую величину на международной арене, которой можно смело пренебречь.

Столь же неожиданным для американцев стал и рост экономических и военно-политических проблем в американо-китайских отношениях. Начиная с Шанхайского коммюнике от 28 февраля 1972 г. американский политический класс хранил твердую уверенность в том, что, по мере экономического прогресса и роста народного благосостояния в КНР эта страна встанет на путь либерализации и не только экономического, но и политического сближения с США и Западом.

Этого, однако, не произошло. Наоборот, укрепление экономической мощи материкового Китая способствовало не ослаблению, а укреплению коммунистической диктатуры в последние годы. Кроме того, в американо-китайских торгово-экономических связях сложилась крайне неприятная для официального Вашингтона ситуация экономической взаимозависимости между США и КНР, каковую взаимозависимость Соединенные Штаты не в состоянии разорвать в одностороннем порядке. В любой обозримой перспективе американской стороне придется мириться с торговым дефицитом в торговле с Китаем, измеряемым сотнями миллиардов долларов⁶.

Американцев беспокоит и стремительный рост экономического присутствия китайцев в мире, и то обстоятельство, что Китай использует «дипломатию долга», т. е. сотни миллиардов долларов, которые Пекин предлагает правительствам стран Азии, Африки, Латинской Америки и даже европейским странам, для расширения своего не только экономического, но и политического влияния⁷.

Серьезную озабоченность у американской стороны вызывает и наращивание китайской военной мощи в последние годы. Сокращая общую численность Народно-освободительной армии Китая (НОАК), Пекин сумел, в то же время, нарастить технический потенциал своих вооруженных сил. Абсолютное американское военное

превосходство в прибрежных районах КНР, которым США располагали со времен второй мировой войны, более не существует. Так, по американским оценкам, уже сейчас Китай обладает возможностью нейтрализовать американские попытки помешать китайскому вторжению на Тайвань. Тем самым китайские военные теперь способны применить в отношении США тактику «воспреещение доступа/блокирования зоны» (Anti-Access/Area Denial), радикально изменив привычное для США соотношение сил в регионе.

Начиная с 2010 г., Китай стал проводить более напористую политику, занимать жесткие позиции в территориальных спорах со своими соседями. Официальные заявления и действия китайской стороны в отношении того, что в Пекине называют «ближними морями», в Вашингтоне расценили как «прямой вызов общепринятому пониманию международного права и установившимся международным нормам». Вашингтон не скрывает своей обеспокоенности относительно той жесткой позиции, которую Пекин занял относительно территориальных споров, а также растущего потенциала ВМС и ВВС НОАК, который может быть использован для подкрепления своих территориальных претензий к соседям. Что еще больше тревожит американское руководство — так это расширение китайского военного присутствия в мире, и прежде всего в западных районах Тихого океана⁸.

После окончания «холодной войны» в американских кругах сохранялась твердая уверенность в сохранении противостояния между Москвой и Пекином — прежде всего из-за сохранения китайских территориальных претензий на российскую Сибирь и Дальний Восток⁹. Этого, однако, не произошло — с середины 1990-х годов наблюдается неуклонное сближение России и Китая в самых различных областях, от экономики до туризма.

За последние годы удалось завершить демаркацию российско-китайской границы, полностью сняв тем самым сильнейший раздражитель в отношениях двух азиатских гигантов. В последние годы большое развитие получило взаимодействие двух стран в экономике, науке и культуре. Достаточно сказать, что в 2018 г. торговый оборот России с КНР превысил 100 млрд долл.: тем самым Китай стал крупнейшим торговым партнером РФ. Опыт военно-техниче-

ского сотрудничества с Россией включает в себя не только поставки готового российского вооружения, но и поставки комплектующих для ВВТ КНР, а также организацию лицензионного производства вооружения на территории КНР. Кроме этого, китайцы активно осваивают российские инновационные технологии посредством обмена специалистами с РФ. Китай будет и впредь приобретать новейшую российскую технику, например, Ил-476, Су-35 и С-400.

Многие американские эксперты исходят из того, что и Китай, и Россия в настоящее время смогли подорвать абсолютное американское военное превосходство, которым США располагали после «холодной войны». Как полагает директор оборонных программ ультраконсервативного Центра новой американской безопасности Э. Колби, «Китай, в частности, и в меньшей степени Россия, представляет самые серьезные угрозы для архитектуры нашего альянса. Некогда подавляющее американское обычное военное превосходство над этими крупными державами подорвано и будет продолжать разрушаться, если Соединенные Штаты и их союзники и партнеры не будут уделять этому первостепенное внимание и прилагать соответствующие усилия»¹⁰. Кроме того, Россия и Китай активно взаимодействуют и в многостороннем формате, в рамках созданной в 2001 г. Шанхайской организации сотрудничества, которая фактически является противовесом Соединенным Штатам в их евроазиатской политике¹¹.

Новый «стратегический треугольник»?

Разумеется, одновременно обострение американо-китайских и российско-американских отношений само по себе создало мощнейший стимул для российско-китайского сближения на антиамериканской основе (несмотря даже на все значение конструктивного диалога с Соединенными Штатами и для Москвы и, особенно, для Пекина). Отношение к этому возможному российско-китайскому сближению среди представителей американской политико-академической элиты весьма разнородно.

Так, некоторые американские эксперты выражают серьезную озабоченность относительно такой перспективы. Так, по мнению

покойного З. Бжезинского, «Соединенные Штаты должны помнить о серьезной опасности заключения стратегического альянса между Китаем и Россией, к которому их может отчасти подтолкнуть внутренняя политическая и идеологическая инерция, а отчасти непродуманная внешняя политика США... Для Соединенных Штатов не может быть ничего опаснее тесного союза этих двух держав»¹².

Разделяя эти опасения, бывшая сотрудница госдепартамента США А. Маньюэль считает, что Соединенным Штатам надо сделать ставку на укрепление отношений с КНР и изоляцию РФ: «Китай и Россия будут решительно поддерживать друг друга, если их загнать в угол. Из них Китай гораздо важнее для долгосрочного процветания Соединенных Штатов. Новая холодная война с Китаем не отвечает ничьим интересам и отвлечет ресурсы США от важных приоритетов внутри страны. Если США хотят избежать попадания Си в руки Путина, это не обязательно означает, что они должны капитулировать перед требованиями Си... В то же время США могут протянуть руку для сотрудничества с Китаем, где это возможно, например, по сделке об изменении климата, согласованной в 2014 году»¹³.

С другой стороны, такие крупнейшие эксперты по внешней политике США как Г. Эллисон и Д. Саймс, полагают, что, решая задачу развала российско-китайского альянса, направленного против Соединенных Штатов, американцам следует сделать ставку как раз на Россию. Эллисон и Саймс предупреждают, что попытки «наказать» российскую сторону за «недопустимое» международное поведение может только подтолкнуть Москву к «странному» (по их мнению) союзу с Китаем. В этих условиях, как считают Эллисон и Саймс, американским политикам потребуется существенно пересмотреть свои стратегические цели в отношении с российской стороной¹⁴.

С этим подходом согласен вице-президент Центра за новую американскую безопасность Э. Ратнер, который полагает, что Китай — это главный враг Америки, и ради противостояния Пекину Соединенные Штаты могут пойти на некоторое ослабление санкционного нажима на Россию и, в частности, снять санкции против поставок российских вооружений и военной техники таким странам, как Вьетнам и Индия, которые, как полагает Ратнер, могут стать противовесом китайской мощи¹⁵.

Наконец, есть и такие американские специалисты, которые считают, что Америка достаточно сильна, чтобы сокрушить всех своих врагов одновременно. Как полагает авторитетнейший эксперт-международник М. Мандельбаум, «геополитическая логика и исторический опыт указывают, что лучше всего уменьшить количество угроз. Соединенные Штаты именно так и поступали, объединив силы с Советским Союзом для разгрома нацистов, а затем, найдя общий язык с маоистским Китаем, чтобы одержать победу над СССР. Постсоветская Россия могла стать естественным партнером Запада. Но Москву без всякой на то необходимости исключили из этого логичного геополитического партнерства, занявшись расширением НАТО, в результате чего вопреки возражениям России иностранные армии оказались прямо у нее на пороге. В данный момент все три ревизионистские державы пользуются внутренней поддержкой, проводя враждебную националистическую политику в отношении западных демократий в целом и США в частности, и отвергая саму мысль об участии в ведомой Вашингтоном коалиции. К счастью, Россия намного слабее Советского Союза, Китай удастся сдерживать, и он знает, что военный конфликт навредит его экономике, а Иран является всего лишь региональной державой. Поэтому Соединенным Штатам по силам сдерживание всех трех стран одновременно (при условии, что Америка будет действовать в составе сильных коалиций)»¹⁶.

Как бы ни реагировали представители американской политико-академической элиты на российско-китайское сближение, все они, однако, признают, что американо-российско-китайский «стратегический треугольник» воскрес из пепла и теперь именно эта структура будет определять характер взаимоотношений трех великих держав. Это понимание нашло свое отражение и в одобренной президентом Д. Трампом в декабре 2017 г. Стратегии национальной безопасности США, в которой прямо говорится, что Китай и Россия бросают вызов американской мощи, влиянию и интересам, пытаются подорвать американскую безопасность и процветание¹⁷.

Разумеется, новый «стратегический треугольник» будет непохож на тот, что существовал полвека назад. Изменились и три великие державы, и мир в целом.

Во-первых, современный мир стал гораздо более единым и глобализированным, чем биполярный мир на рубеже 1960-х — 1970-х годов. Нет больше «железных» и «бамбуковых» занавесов; все ведущие страны мира интегрированы в мировую экономику вне зависимости от своего социально-политического строя. Это обстоятельство, безусловно, уже сказывается на политике современных великих держав: они больше не могут игнорировать глобальные экономические процессы подобно тому, как это они делали в XX столетии. Вот почему есть все основания полагать, что, как бы ни обострялись политические противоречия между странами — членами «стратегического треугольника», они не пойдут на полный разрыв отношений и самоизоляцию.

Во-вторых, в современном мире теряют свое былое значение военные союзы, направленные против великих держав или коалиций великих держав. После окончания «холодной войны» Соединенные Штаты сумели сохранить ту систему военно-политических альянсов, которую они создали в период «холодной войны». Но вот новых военных союзов, вроде НАТО или японо-американского союза, за последние три десятилетия не появилось. ОДКБ или ШОС направлены против *негосударственных акторов*, вроде международной оргпреступности или террористических группировок — *но не против других государств*. Это обстоятельство, безусловно, служит подтверждением того, что новые центры силы в современном мире (вроде Китая, России, Индии и др.) не готовятся к *большой войне*. Но это же обстоятельство, безусловно, самым непосредственным образом сказывается на поведении великих держав на международной арене. Конкретно, в рамках современного «стратегического треугольника» и Америка, и Россия, и Китай будут стремиться в максимальной мере сохранить *свободу рук* в своей внешней политике.

В-третьих, существенно изменилось соотношение сил в рамках современного «стратегического треугольника». Если в начале 1970-х годов самым слабым элементом «треугольника» был Китай, то теперь — Россия, хотя последняя и остается ядерной сверхдержавой. И важнейшая задача, которая будет стоять перед Москвой в сложившихся условиях — не попасть в одностороннюю зависимость от гораздо более экономически сильных Пекина и Вашингтона.

В-четвертых, если в период формирования первого «стратегического треугольника» наблюдался спад идеологического противостояния и в советско-американских, и в американско-китайских отношениях (а в дальнейшем, в 1980-х годах, эта же тенденция распространилась и на советско-китайские отношения), то в настоящее время мы видим возрождение идеологического конфликта между США, с одной стороны, и РФ и КНР — с другой. Так, по мнению американских исследователей А. Кендэлл-Тэйлор и Д. Шульмана, Россия и Китай воспринимают американские усилия по распространению демократии как попытку расширить американское влияние и осуществить «смену режимов» в американских интересах. Американской демократии Москва и Пекин, по мнению авторов, стремятся противопоставить «национализм» и «суверенитет», а также «ленинско-капиталистическую форму правления в Китае». Российско-китайскому «антидемократическому» альянсу, по мнению А. Кендэлл-Тэйлор и Д. Шульмана, необходимо противопоставить идеологическую мобилизацию США и их союзников¹⁸.

Заключение

Как бы то ни было, и в 1970-е годы, и в наши дни всем «вершинам» «стратегического треугольника» приходилось и приходится считаться с действиями других «вершин» — и соответствующим образом реагировать на эти действия. Представляется, что в современных условиях ни Москва, ни Пекин не заинтересованы в обострении идеологической конфронтации с Соединенными Штатами — наоборот, РФ и КНР предпочли бы строить свои отношения с Вашингтоном на началах реализма.

К сожалению, в любой обозримой перспективе американские правящие круги будут рассматривать свои отношения с Россией и Китаем именно через призму идеологической конфронтации. Как указывается в Национальной оборонной стратегии США 2018 г., «центральным вызовом американскому процветанию и безопасности является восстановление долгосрочного стратегического соперничества со стороны тех, кого стратегия национальной безопасности классифицирует как ревизионистские державы. Становится всё

более ясно, что Китай и Россия хотят изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью»¹⁹.

Следует подчеркнуть в этой связи, что идеологизация американской политики на российском и китайском направлениях будет способствовать сближению двух этих стран — причем на антиамериканской основе. Теперь уже отношения между РФ и КНР в военно-политической сфере ближе, чем отношения каждой из этих двух держав — с Соединенными Штатами. И это — еще одно отличие нынешнего «стратегического треугольника» от того, который существовал полвека назад.

Примечания

¹ Батюк В.И. История международных отношений: учебник. М.: Юрайт, 2016. С. 400—401.

² Торгово-экономические отношения Китая и США в цифрах. 15:13.25/02/2017. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2017/0225/c31518-9182648.html>

³ Батюк В.И. Мировая политика: учебник. М.: Юрайт, 2016. С. 11—12.

⁴ Путь России к коррупции. Как администрация Клинтона экспортировала бюрократические структуры вместо свободного предпринимательства и подвела российский народ. Доклад экспертной группы по России палаты представителей 106-го конгресса США (резюме) // Коммерсантъ. 22.09.2000. С. 10.

⁵ Blackwill R. and Gordon P. Containing Russia How to Respond to Moscow's Intervention in U.S. Democracy and Growing Geopolitical Challenge. Council on Foreign Relations. Council Special Report No. 80 January 2018. P. 4.

⁶ Chellaney B. The End of America's China Fantasy // Project Syndicate. Oct. 22, 2018. URL: <https://www.project-syndicate.org/commentary/us-china-policy-trade-war-competition-by-brahma-chellaney-2018-10>

⁷ Ramton R. Pence to tell China: We will not be intimidated in South China Sea. October 4, 2018. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-china-pence/pence-to-tell-china-we-will-not-be-intimidated-in-south-china-sea-idUSKCN1ME05W>

⁸ Annual Report to Congress. Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2018. Office of the Secretary of Defense. May 16, 2018. P. 65—68.

⁹ Хилл Ф., Гэдди К. Сибирское бремя. Просчеты советского планирования и будущее России / пер. с англ. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2007. С. 237.

¹⁰ Testimony before the Senate Armed Services Committee. Hearing on Implementation of the National Defense Strategy. By Elbridge A. Colby Director of the Defense Program, Center for a New American Security January 29, 2019. P. 3.

¹¹ Батюк В.И. Мировая политика... С. 204—205.

¹² Бжезинский З. Кризис мировой власти и тройственный союз США, Китая и России // Россия в глобальной политике. 9 января 2017. URL: <http://www.globalaffairs.ru/global-processes/Krizis-mirovoi-vlasti-i-troistvennyi-soyuz-SShA-Kitaya-i-Rossii-18528>

¹³ Manuel A. It is Not Too Late to Prevent a Russia-China Axis. Here is how the U.S. can avoid driving the two countries together // The Atlantic. September 14, 2018. URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/09/china-russia-alliance-military-exercises/570202/>

¹⁴ Эллисон Г., Саймс Д. Китайско-российский альянс вновь угрожает Америке. США должны пересмотреть свою политику в отношении Москвы, чтобы противостоять угрозе растущего Китая. URL: <https://inosmi.ru/politic/20190131/244492369.html>

¹⁵ Blunting China's Illiberal Order: The Vital Role of Congress in U.S. Strategic Competition with China. Prepared statement by Ely Ratner Executive Vice President and Director of Studies Center for a New American Security before the Senate Armed Services Committee. January 29, 2019. P. 11.

¹⁶ Mandelbaum M. The New Containment. Handling Russia, China, and Iran // Foreign Affairs. March/April 2019. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2019-02-12/new-containment>

¹⁷ National Security Strategy of the United States of America. December 2017. P. 3—4.

¹⁸ Kendall-Taylor A, Shullman D. How Russia and China Undermine Democracy. Can the West Counter the Threat? // Foreign Affairs. October 2, 2018. URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/china/2018-10-02/how-russia-and-china-undermine-democracy>

¹⁹ Summary of the 2018 National Defense Strategy of the United States. P. 2.

Ю.В. Морозов

ПОЛИТИКА И СТРАТЕГИЯ КИТАЯ, США И РОССИИ В ВАЖНЕЙШИХ ДЛЯ НИХ РЕГИОНАХ МИРА

Основные тенденции развития обстановки в мире в 2019 году

С конца XX века планету охватила эпоха бурного развития геополитики, включающая активное перераспределение сфер влияния между государствами мира. О своих геополитических интересах заявляют не только мировые державы, но и другие страны мира. Это приводит к упрочению или ослаблению существующих альянсов между ними, а также к конфликтам между отдельными странами, которые ищут наиболее выгодную для себя линию поведения в XXI в. в стратегически важных для их национальных интересах регионах мира. При этом взаимоотношения сверхдержав США, России и Китая, образующих так называемый «стратегический треугольник», все больше привлекают внимание международной общественности. Прежде всего, потому, что они составляют «трио» крупных мировых держав, каждая из которых обладает отличиями от других стран мира. США обладают современным экономическим и научно-технологическим потенциалом, Китай — громадными демографическими ресурсами, в сфере экономики он становится ведущим государством в мире, оттесняя США на второй план, в ответ по отношению к КНР применяются методы «торговой» войны, что обуславливает рост их соперничества. Россия обладает наибольшей территорией, обширными запасами полезных ископаемых и мощным ракетно-ядерным потен-

циалом, стремясь вернуть себе статус великой державы, чему препятствуют Запад, вводя по отношению к РФ санкции и противостоя ее инициативам в сфере геополитики¹.

Актуальными являются новые геополитические процессы в Европе, ставящие под вопрос реальность сохранения «европейского единства» из-за выхода Великобритании из ЕС, активно поддерживаемого США. Это открывает перед Вашингтоном перспективу заключения с Лондоном нового торгового соглашения, отменяющего любые тарифы и квоты для США. Помимо этого, Америка принимает все зависящее от нее, чтобы сохранить НАТО и повысить вклад европейских членов альянса в повышение боевых возможностей блока. Это нашло свое подтверждение в выступлении Д. Трампа на юбилейном саммите НАТО в Лондоне в декабре 2019 г., хотя альянс раздирают внутренние конфликты, в связи с чем президент Франции диагностировал что у НАТО наступила «смерть мозга».

В ряде государств мира набирают силу сепаратистские настроения и процессы. Их питательной средой являются обострившиеся межнациональные отношения, острые противоречия и споры, негативные экономические реалии и появление в этих странах политических элит с националистическими призывами. При этом угроза международного терроризма приобрела настолько значительные масштабы и формы, что не считаться с ней стало опасно. Терроризм стал негласно использоваться стратегами некоторых государств как инструмент их политики.

Окончательно оформилась тенденция к перемещению больших масс людей из нестабильных и бедных стран мира в более развитые и благополучные. Их миграционные волны постепенно размывают берега общественно-политической стабильности многих стран Европы, что создает предпосылки к появлению новых геополитических реальностей и новых вызовов, и угроз в этих странах. В зоне американских интересов продолжает находиться весь мир, что говорит о гегемонистском характере политики США, фундаментом которой является ее индустриальное благополучие².

Обозначенные глобальные тенденции позволяют определиться с геополитикой Китая, США и России в стратегически важных регионах мира и уточнить их цели и намерения.

Политика акторов «треугольника» на глобальном уровне

Современная геополитика *Соединенных Штатов* исходит из необходимости сохранения обеспечения их лидерства во всем мире с использованием при необходимости военной силы. Эта закреплена в военной стратегии США и «Четырехгодичном докладе о состоянии обороны», где определены главные цели: «расширить сферы военного присутствия по всему миру и обеспечить ВС США средствами, позволяющими адаптироваться к внезапности»³. Однако проецирование военной мощи США на мировое пространство оказывает влияние на сокращение финансов на их военные возможности. Так, к 2020 г. планируется существенное сокращение личного состава сухопутных сил (с 570 тыс. до 482 тыс. человек) и корпуса морской пехоты (с 220 до 175 тыс. человек). В связи с чем Вашингтон отказался от концепции одновременного ведения «двух больших войн» в разных регионах мира. Вместо этого военное планирование исходит из задачи ведения «одной большой войны» и «предотвращения второй потенциальной войны», в которой ВС США ставится задача остановить агрессора в условиях, когда основные силы уже заняты в одной крупномасштабной операции⁴.

Китай, как и США, имеет свои интересы по всему миру. В поле его влияния находятся не только соседние государства, но и стратегически важные регионы мира. Основным содержанием геополитики КНР становится глобальное экономическое и все более частое политическое противостояние с Америкой. Особенностью геополитики Китая является то, что она включает в себя дипломатическую и военную стратегии, такие как «установление временного союза с отдаленным государством для разгрома ближнего врага» и «объединение по горизонтали и вертикали»⁵. Известно и о трех геополитических «линиях» Китая. Северо-западная линия включает в себя страны Центральной Азии (ЦА), Монголию и Россию, сохранившую сильное влияние на Республики ЦА. Юго-западная линия включает в себя Индию, Пакистан, Афганистан, Бутан, Непал и Бангладеш. Линия «Восток—Юг» включает в себя КНДР, РК, Японию, десять стран АСЕАН, а также Австралию, Новую Зеландию и другие страны юго-западной части Тихого океана. На этой линии США оказы-

вают наибольшее влияние и там для КНР формированы основные угрозы для ее безопасности. Это связано с тем, что Китай противится поддержанию однополярной модели мира во главе с Вашингтоном, выступая за многополярность, и выстраивает внешнюю политику, ориентированной на отстаивание своих интересов. При этом Пекин напрямую не заявляет о претензиях на глобальное господство, а последовательно проводит «тихую» экспансию мира, хотя до последнего времени между США и КНР постоянно рос объем торговли. Однако Вашингтон все чаще стал пытаться навязать Пекину свои сценарии поведения в мире, и если тот не соглашается, то он подвергается санкциям, на что руководство КНР принимает свои контрмеры. В связи с этим отношения между Китаем и США постоянно балансируют между противостоянием и партнерством. В частности, постоянным камнем преткновения между ними является будущее острова Тайвань, который Пекин считает неотъемлемой частью материкового Китая.

Основой геополитики *России*, на которой зиждется ее внешняя политика, как на глобальном уровне, так и на региональном, является принцип равенства с ключевыми мировыми державами, подразумевающий многополярность мировых отношений. Вторым элементом является «формирование пространства равной и неделимой безопасности»⁶. В-третьих, Россия настаивает на том, что центральная роль должна отводиться международному праву и Совбезу ООН. Четвертым элементом российской внешней политики является понятие суверенитета, подразумевающее невмешательство во внутренние дела других государств для поощрения каких бы то ни было политических изменений. Поэтому Россия поддерживает позицию Китая по Тайваню. Это связано с тем, что в XXI в. КНР стала важнейшим стратегическим партнером для нее. Между ними постоянно усиливаются торговые связи, растет обмен технологиями, заключаются политические соглашения. При этом КНР блюдет свои интересы и неуклонно их отстаивает. И России порой приходится идти на уступки Китаю, но обе страны понимают стратегическую значимость их партнерства, и на сегодняшний день Китай — важный, но сложный и расчетливый экономический партнер России, а их геополитические позиции по многим глобальным проблемам совпадают.

Геополитика Китая, США и России в Евразии

Весной 2019 г. председатель *Китая* Си посетил с визитами ряд стран Евросоюза для укрепления связей и продвижения проекта «Один пояс — один путь» (ОПОП). Китай рассматривает этот союз в качестве своеобразного «супермаркета возможностей» для собственного развития и нейтрализации оппозиции китайской геополитике, пытаясь извлечь выгоду из внутренних неурядиц ЕС для упрочения своих позиций в Европе, создавая в странах Центральной и Восточной Европы свою экономическую и финансовую инфраструктуру. Некоторые из них превратились в китайские опорные пункты после финансового кризиса 2008 г., а другие присоединились к инфраструктурному проекту ОПОП, который укрепляет связь европейского континента с КНР. Проблема этих стран состоит в том, что по условиям контрактов участия в этом проекте им приходится брать кредиты у китайских банков, чтобы расплачиваться с их же подрядчиками, поэтому они все больше становятся должниками Китая⁷.

Не стоит забывать и о том, что рост Китая сделал его не только партнером, но и конкурентом Европы в евразийской политике. Поэтому, в 2019 г. на заседании Еврокомиссии были представлены ограничительные меры в отношении с КНР, которые преследуют две цели. Во-первых, Европа будет усиливать взаимодействие с Китаем опираясь на четко определенные принципы. Во-вторых, ЕС будет выстраивать более совершенные экономические отношения с КНР с учетом собственных интересов. Но эти меры нельзя считать радикальным изменением европейской политики в отношении КНР. Это связано с тем, что в Брюсселе осознали, что Китай в экономическом плане изменился и с ним нужно договариваться на равных⁸.

Для *Соединенных Штатов* Европа является приоритетной в геополитическом раскладе сил и ее главный военный плацдарм в Евразии. Мощный военно-политический инструмент США — НАТО дает Вашингтону возможность оказывать политическое и военное давление на страны, расположенные как в Европе, так и в Евразии, где в качестве стратегического противника США выбрана Россия, а в АТР — Китай. По замыслу администрации Д. Трампа на западном

фланге Евразии решающую роль в решении задач по противодействию РФ будут играть члены НАТО. Америка же продолжит расширение военного плацдарма в странах Балтии, Польше и Румынии. А в АТР, геополитика и стратегия США будет направлена на его сдерживание КНР за счет военно-политических союзов с участием Японии, Южной Кореи, Австралии и Новой Зеландии.

Таким образом, Вашингтон сумел привлечь на свою сторону десятки государств, как в Европе, так и в АТР, сделав их союзниками и одновременно заложниками проводимой им политики. Единственное, чего пока не удалось США, так это переложить часть ответственности в сфере обороны и безопасности на своих союзников по НАТО, нежелающих или не располагающих возможностью увеличить свои военные расходы⁹. При этом США беспокоит самостоятельность ряда стран региона в их взаимоотношениях с РФ в таких областях, как безопасность и энергетика. В этой связи американцы возлагают надежды в проведении Евросоюзом более согласованной политики в отношении России по оси Германия-Польша.

В Восточной Европе Соединенные Штаты заинтересованы в военной победе Киева над ЛНР и ДНР и создании украинского государства, «свободного от российского влияния». Для этого оказывает экономическое содействие Киеву в проведении военной реформы, оказание ему военной и финансовой помощи с целью оказания давления на Москву. Но даже если эти задачи будут решены, Вашингтон продолжит усилия по изоляции России, чтобы компенсировать ущерб американскому влиянию в мире, нанесенный крымским инцидентом. В других странах постсоветского пространства, администрация США будет продолжать сохранять существующие для РФ санкции, увеличивать помощь Грузии, активнее участвовать в разрешении конфликтов в Приднестровье и Нагорном Карабахе, энергичнее оказывать политическую поддержку странам, занимающимся добычей и транспортировкой энергоресурсов на Запад.

Жизненно важные интересы *России* в Евразии неразрывно связаны с ее геополитикой, проводимой на этом континенте, которая должна преодолеть отчуждение России от интеграционных процессов в Европе и в Азии, сделав РФ ключевым звеном евразийского пространства. Она также может предотвратить фрагментацию совре-

менного мира, связав два крупнейших центра глобальной экономики, как Европа и Азия, которые поддерживают тесные финансово-экономические связи с США, но в меньшей степени взаимодействуют друг с другом. Исходя из этого, евразийская стратегия России призвана обеспечить ее устойчивость в рамках «стратегического треугольника» и стать «экономическим мостом» между Востоком и Западом, что позволит ей выстроить равноправные отношения с ними, несмотря на то, что ряд стран Евразии превосходят Россию в экономике и по размерам ВВП. Это также будет способствовать снижению угроз, с которыми может столкнуться Россия в будущем¹⁰.

При этом следует учитывать тот факт, что положение России в Евразии таково, что Запад во главе с США будет продолжать мешать ее возрождению как мощного государства. Элементами их политики являются свертывание связей с Россией в экономической, научно-технической сфере и оказание давления на другие государства с целью побудить их ограничить сотрудничество с Москвой. Поэтому в настоящее время Россия окружена тремя «санитарными кордонами», которые затрудняют реализацию ее геополитических интересов.

Первый — это стремление ряда постсоветских государств проводить политику дистанцирования от России при поддержке Запада. Такую направленность демонстрируют государства Балтии, где развернуты части НАТО, способные наносить удары по экономическим и политическим центрам на территории РФ, а также Украина, которая тоже втянута в орбиту влияния НАТО и США. Второй «кордон» образуют бывшие страны Варшавского договора, сделавшие русофобию доктринальным принципом своих отношений с Россией, особенно Польша, Румыния и ряд других стран. Третий «кордон» образуют традиционные западные противники России, которые не заинтересованы в росте ее могущества и влиянии в международных отношениях. Именно со стороны этого «кордона» Россия испытывает нажим и получает удары, которые наносят урон ее позициям на международной арене¹¹.

Для нейтрализации последствий этих ударов Москва предложила Европе партнерство на экономической базе совместного управления трубопроводами «Северный поток-2», «Турецкий поток»,

«Ямал—Европа», а также взаимовыгодный доступ европейских и российских корпораций на рынки друг друга, что является альтернативой конфронтационной стратегии Запада. Зримые преимущества этой альтернативы продемонстрировали правительства ряда государств Европы, сформированные после недавних выборов. Вопреки англо-американским расчетам они сохранили как неприятие конфронтационных замыслов США, так и заинтересованность в партнерстве с Россией. При этом и РФ, и Евросоюз полагают необходимым сохранение основ современного миропорядка, особенно когда речь идет о таком вызове как ИГИЛ. Представители западного бизнеса убеждены в необходимости снятия санкций с России, поскольку эти меры приводят к потерям в странах Евросоюза. Однако ЕС и Россия расходятся во мнении относительно условий возобновления экономических отношений. При этом Москва и Брюссель признают необходимость объединения усилий для урегулирования конфликта на территории Украины, стабилизации ситуации на Ближнем Востоке и борьбы с терроризмом, но в тоже время они придерживаются разных точек зрения относительно мер, которые должны быть приняты для достижения этих целей. В этих условиях будет сохраняться адресное сотрудничество Москвы и Брюсселя в интересах устранения общих угроз и решения экономических вопросов, представляющих обоюдный интерес¹². А для улучшения отношений с НАТО, которые в настоящее время заморожены, России и членам альянса придется сделать еще много шагов на пути к возобновлению их сотрудничества.

При этом слабым звеном геополитики России в Европе является недоучет влияния «мягкой силы» на постсоветском пространстве. Так, после распада СССР Москва, доверяя договоренностям с лидерами западных стран о том, что образовавшийся после «холодной войны» «статус-кво» нарушаться не будет и что Запад не станет расширять НАТО и вторгаться в сферу интересов РФ на постсоветском пространстве, не уделяла достаточного внимания развитию отношений с бывшими республиками СССР. Она финансировала там свои мероприятия «мягкой силы» по остаточному принципу, в расчете на то, что эти государства экономически и исторически, и так прочно связаны с Россией. Запад же во главе с США, в нарушение догово-

ренностей — явно или тайно действовал. Путем масштабного финансирования и при помощи неправительственных организаций он не только создавал на территории этих стран «пятые колонны», но и «перекраивал» их в соответствии со своими интересами. В силу этого ряд государств региона стали переориентироваться от РФ в сторону США и ЕС. Сначала это было осуществлено странами Восточной Европы и Балтии, а затем Грузией и Украиной. В 2008 г. РФ оказала помощь Южной Осетии, а затем восточным областям Украины. В результате она оказалась в западной изоляции и была представлена их СМИ в качестве инициатора конфликтов. И когда Москва осознала истинную подоплеку этого процесса, пропагандировать притягательность сотрудничества с Россией оказалось уже поздно. Так ей был дан серьезнейший урок на тему роли «мягкой силы» в области геополитики¹³.

Что касается союзников или надежных партнеров в Евразии, то Москве в этом вопросе гордиться нечем — публичная поддержка политики РФ на международной арене ощущается слабо. Сдержанное одобрение Пекина и Дели ряда действий Москвы, дружественный нейтралитет по отношению к РФ со стороны ряда стран, явно недостаточно, чтобы заставить Вашингтон уважать мнение России. Однако ситуация не столь трагична. Важными для нее странами — являются члены ШОС и ОДКБ, которые совместно с российскими и китайскими экспертами активно работают над сопряжением евразийского проекта ОПОП в рамках ЕАЭС. Организацию БРИКС тоже по некоторым аспектам ее политики можно считать союзницей России. И если структуры БРИКС заработают, то можно будет говорить о рождении новой международной финансовой системы, которая будет способствовать подрыву позиции доллара США на мировой финансовой арене.

Стратегия Китая, США и России в Арктическом регионе

Среди государств, которые по своему географическому положению не относятся к приарктическим государствам, наиболее активно в Арктике ведет себя *Китай*. В связи с чем Стокгольмский Ин-

ститут исследования проблем мира опубликовал целевое исследование «Китай готовится к Арктике, свободной ото льда»¹⁴. В этом регионе КНР действует осторожно, поскольку мало кто из международных акторов заинтересован в том, чтобы одно из крупнейших экономических государств мира получило доступ еще и к арктическим ресурсам. А для Китая принципиально важно показать всему миру, что он является великой державой не только в сфере экономики, но и в геополитической стратегии и доказывает это на деле, в том числе и в Арктике. Для этого на 8-й сессии Арктического совета (АС) Китай получил статус наблюдателя этой организации. Стремление Пекина участвовать в деятельности АС объясняется стратегической важностью этого региона, которая постоянно растет, и где основным лейтмотивом стратегии Китая является экономическая выгода¹⁵. КНР также заинтересована в расширении прав на судоходство и в возможности свободного прохода по Северному морскому пути (СМП), а также в свободе ведения хозяйственной деятельности на архипелаге Шпицберген для добычи полезных ископаемых. Китай готов участвовать в природоохранной деятельности в Арктике, но наибольшие суммы им вкладываются в сферу логистики и добычи энергоресурсов. Для этого Китай формирует там свою инфраструктуру, наращивает технологический и кадровый потенциал¹⁶. Однако нерешенность разделения границ арктического шельфа накладывает ограничение на усиление присутствия Китая в Арктике.

В 2008 г. *Соединенные Штаты* обнародовали стратегический план развития Арктического региона. Его концептуальная основа разработана «Комиссией по арктическим исследованиям», занимающаяся разработкой вопросов геополитики. В ее поддержку учреждена межведомственная «Группа анализа и оценки обстановки в Арктике». Они рассматривают стратегию приполярных стран с целью юридического закрепления за собой территорий арктического шельфа и считают необходимым для сдерживания «территориальной экспансии» конкурентов Соединенных Штатов в Арктике¹⁷. Для решения этой задачи Комиссией разработан перечень территориальных претензий США на арктический шельф. Базируясь на их основе, Вашингтон не принимает ни один из вариантов уточнения сектораль-

ного деления границ арктического шельфа, которые предлагаются приполярными государствами, оставаясь страной, не ратифицировавшей Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. Вашингтон также настаивает на «интернационализации» Северо-Западного прохода и СМП. Кроме того, он стремится дополнительно получить территорию, простирающуюся на 965 км от Аляски к Северному полюсу, что позволит США по совокупной площади обойти Россию, Китай, Канаду¹⁸.

При этом Вашингтон особое внимание уделяет формированию негативного отношения международного сообщества к приполярным государствам, для чего он проводит кампанию по дискредитации их действий в Арктике. Исподволь формируется мнение, что только расширение экономического, гуманитарного, а впоследствии и политического присутствия США в российской Арктике может спасти этот регион «от деградации». По сути, готовится почва для новой «гуманитарной интервенции» США в будущем. Она хорошо зарекомендовала себя на Балканах, когда США в рамках «гуманитарной интервенции» способствовали отделению Косово от Сербии, а также для смены режимов в Ираке и Ливии¹⁹.

Одновременно США наращивают свои военные возможности в Арктике. На территории Аляски расположены морская, армейская и военно-воздушные базы, и ещё 54 других военных объектов. Строятся две новые передовые базы береговой охраны в Барроу и в Номе. Аляска также выполняет роль наземного «щита» Америки в глобальной системе ПРО на базе в Форт-Грили. Этот щит дополняет система ПРО передового морского базирования. Ее зенитные управляемые ракеты «Стандарт-SM3» могут запускаться с крейсеров проекта «Тикондерога» и с эсминцев типа «Орли Берк». А для отражения ударов МБР из России в США Пентагон постоянно держит в высоких широтах оперативную группу в составе трех-четырёх крейсеров и четырех-шести эсминцев. Их суммарное вооружение (не менее 1000 противоракет), что достаточно для того, чтобы частично гарантировать безопасность США от атак с севера.

В интересах развития арктической зоны *России* в 2019 г. было принято постановление Правительства «О внесении изменений в

государственную программу социально-экономического развития Арктической зоны РФ» в дополнении к «Стратегии освоения Арктики» до 2020 г.²⁰ Эти документы определяют основные принципы политики РФ в этом регионе с решением ряда стратегических задач. Так, в области социально-экономического развития Арктики приоритетными задачами являются: разработка и внедрение новых видов техники для освоения морских месторождений полезных ископаемых в арктических условиях; реструктуризация объемов грузоперевозок по СМП, оптимизация «северного завоза», использования в регионе возобновляемых и альтернативных источников энергии и т. д. Следует отметить, что потенциальным союзником России в освоении ресурсов Арктического региона может стать Китай, который стремится выйти из-под американского контроля поставок энергоресурсов в страну из нефтедобывающих государств арабского мира. Альтернативой зависимости от экспорта энергоресурсов из этих стран является развитие энергопоставок из России, в том числе и из Арктики. РФ может оказать КНР помощь в проведении исследований в Арктике и в развитии флота, предназначенного для плавания в северных широтах. В свою очередь она заинтересована в финансовых инвестициях из Китая на развитие инфраструктуры своих северных территорий²¹. Но нерешенность разделения границ арктического шельфа обуславливает относительную нерешительность КНР в процессе участия в российских арктических инвестиционных проектах²².

В области военной безопасности России в Арктике идет процесс воссоздания группировки войск, где построено 425 военных объектов и происходит оптимизация системы комплексного контроля обстановки в регионе, включая контроль в пунктах пропуска через границу и на маршруте СМП. Наиболее значимая группировка ВС РФ развернута на Новой Земле, что делает этот архипелаг центром всей арктической позиции России. Однако развертывание в Заполярье одной бригады, сил ПВО и авиации, пока не позволяют говорить о полной защите северных территорий РФ. Но особенности Арктики заключаются в том, что даже эти весьма малые силы могут сыграть стратегическую роль, первыми заняв ту, или иную важную точку в этом регионе.

Политика и стратегия Китая, США и России в АТР

В связи с ростом влияния *Китая* в АТР и увеличением его военно-стратегического потенциала претерпевает значительные изменения баланс сил в этом регионе. На первый план у Китая выходит «азиатско-тихоокеанский регионализм», который является особой формой интернационализации его хозяйства. Этот принцип соблюдается в затянувшемся процессе подготовки трехстороннего соглашения о свободной торговле между Китаем, РК и Японией, несмотря на то, что двусторонние контакты более уязвимы в случаях обострения между этими странами политических проблем. С таких же позиций Китай участвует и в консультациях в формате «АСЕАН плюс...». Поддерживая в принципе идею создания «Восточноазиатской зоны свободной торговли» в формате АСЕАН+3, или зоны в формате АСЕАН+6, Китай не форсирует шаги по ее созданию, предпочитая больше использовать консультации в этих форматах для отстаивания своих позиций. В целом КНР с настороженностью относится к любым международным проектам и форматам, где она не будет иметь возможности блокировать решения, идущие вразрез с ее интересами. В этом случае Китай станет объектом давления со стороны США по тем вопросам, которые являются предметом споров в их двусторонних отношениях — курс юаня, степень прозрачности китайской экономики и политики и иные проблемы²³. Эти споры во многом определяются конфронтационным характером американо-китайских отношений. При этом Китай подчеркивает, что он не стремится к конфронтации с США и демонстрирует готовность к сотрудничеству на основе взаимоуважения и взаимной выгоды.

Однако *США* видит в Китае главную угрозу их интересам в АТР, рассматривая столкновения их финансово-экономических и военно-политических интересов в регионе как неизбежные. Поэтому они пытаются укрепить свое положение в АТР путем заключения соглашений о зоне свободной торговли со странами региона. Для этого в 2017 г. администрация Трампа издала ряд документов, излагающих основы американской политики в современном мире. Среди них важным документом является «Стратегия национальной безопасности», который был опубликован в конце этого года²⁴.

В нём немалое место уделено АТР, который Д. Трамп посетил в ноябре 2017 г. Претворяя его визит в Индию, госсекретарь Тиллерсон выступил с речью в Центре стратегических и международных исследований в Вашингтоне, которая содержала ряд установочных заявлений о политике США в АТР²⁵. А в январе 2018 г. глава Пентагона объявил свое видение тенденций, происходящих в этом регионе. Согласно его заявлению — «американские дипломаты всегда будут выступать «с позиции силы» благодаря мощи вооруженных сил страны»²⁶.

На практике эти заявления подтверждены следующими акциями 45-го президента США: вывел США из «Транс-Тихоокеанского партнерства»; поставил крест на «Трансатлантическом партнерстве»; и заявил, что в регионе будут проводить «Индо-Тихоокеанскую» стратегию²⁷. Она расширяет понятие АТР и отражает намерения укрепить связи США с Индией, которая становится важным экономическим и стратегическим актором на акватории двух океанов. Это также означает расширение присутствия США в регионе за счет усиления американской политики военными средствами при «повороте на Восток», провозглашённой администрацией Обамы и расширившей понятие АТР. У Вашингтона есть еще одна опция для противостояния Китаю и России — развязать в АТР серию конфликтов, дестабилизирующие региональную безопасность, наподобие тех, которые есть на Ближнем Востоке. Но в АТР они могут стать, в лучшем случае — «партизанскими», а в худшем — последней мировой войной для человечества. Учитывая растущую напряженность в регионе, набор сепаратистских и радикальных движений в странах региона, это реальная угроза, которая усугубляется ошибочным пониманием Вашингтоном ключевых процессов, происходящих в мире. Он не делает различия между ИГИЛ, КНДР, Китаем и Россией, ставя их на одну доску. Однако КНР и РФ воспринимаются большинством западного мира как страны, выступающие против несправедливого статус-кво, где примером «справедливости» США отнюдь не является²⁸.

Поэтому многие страны АТР проявляют дружественную позицию по отношению к *России*. Свидетельством тому можно считать перевод отношений со странами региона из плоскости преимущест-

венно военно-политической в общественно-политическую и отчасти экономическую. Наибольший прогресс достигнут в связях с Китаем. Активный политический диалог между ними, и тождественность подходов к большинству региональных проблем в АТР, обуславливают их крепнущие связи в регионе. Положительную динамику демонстрируют и отношения с Индией, которые строятся на основе общности российского и индийского подходов к АТР. У них много общих интересов для развития двусторонних отношений, в поле действия которых попадают восточные районы России. Но если в политическом плане здесь у России лучше, чем у США, то иначе обстоят дела в экономической сфере. Российская экономика во многом уступает «азиатским тиграм», поэтому тихоокеанские районы России пока не смогли занять заметного места в торговле и на рынке капиталов АТР. Да и для многих государств этого региона экономические связи с Россией тоже не играют заметной роли: масштабы этих связей в разы меньше объемов экономических отношений стран АТР между собой или с государствами ЕС; в связях с РФ преобладает простой товарообмен и отсутствует производственная кооперация, и взаимное движение капиталов. Для ликвидации этих диспропорций в отношении Москва пытается привлечь инвесторов из АТР, путем создания для них особых экономических зон на Дальнем Востоке и довольно успешно реализует проект «Поворот на Восток» для диверсификации экономических отношений со странами АТР.

Стратегия акторов «треугольника» в Центральной Азии

В *Kumae* исходят из того, что Центральная Азия (ЦА) играет стратегически важную роль в обеспечении его национальной безопасности. Этот регион выступает для него в качестве своего рода глубокого тыла и опорой перед лицом все более тревожащей Пекин переориентации военных акцентов США на АТР, где нарастает их конкуренция. К тому же заметна оправданная обеспокоенность Китая по поводу активизации Запада в отношении ЦА. Поэтому в этом регионе КНР развивает широкое экономическое взаимодействие и

вкладывает значительные суммы денег в реализацию значимых для стран ЦА проектов, подталкивая элиты региона к сближению с Китаем. Значительную роль в китайском финансировании проектов в Азии играют кредиты, которые предоставляются под низкие проценты, однако в обязательном порядке они подразумевают привлечение китайских материалов, техники и рабочей силы для выполнения работ. Применение этих инструментов позволяет максимально задействовать китайские ресурсы и приводит к постепенному росту экономического присутствия КНР в тех или иных отраслях сотрудничества со странами региона. Кроме того, посредством ШОС Пекин легитимизировал свой голос в делах всего региона, где Казахстан, Таджикистан, Кыргызстан — это зона его особенного внимания. А существующие нерешенные межгосударственные проблемы в регионе, Китай старается разрешить ситуацию в свою пользу.

И все же успешному проникновению Китая в регион мешает значительный уровень негативных настроений по отношению к росту влияния Китая в ЦА со стороны местного населения. Но, несмотря на эти настроения в народных массах, элиты государств региона стремятся укрепить свои связи с Поднебесной, видя в ней важнейшего инвестора в инфраструктурные и транспортные проекты в своих странах. А Китай, понимая важность взаимодействия с народными массами, и особенно с молодежью, активно проводит политику привлечения студентов из государств ЦА в свои вузы. Благодаря этому Пекин сумел не только нарастить свое экономическое, но и гуманитарное влияние в ЦА за счет использования «мягкой силы», что способствует дальнейшему укреплению его позиций в регионе.

Стратегия *США* в ЦА определяется, прежде всего, их желанием контролировать добычу и транспортировку энергоресурсов, противоборством с Китаем и сдерживанием России. Вашингтон опасается затруднения американского присутствия в нем, возможной потери контроля над добычей и транспортировкой энергоресурсов. Кроме того, он оказывает давление на Иран и КНДР, ядерные программы которых представляют угрозу американским интересам. Поэтому с выходом США в 2019 г. из ДРСМД в Вашингтоне стали говорить о необходимости создания нового договора о предотвращении распространения ядерного оружия (ЯО) в мире и подключения к этому

процессу Китая. При этом он «забыл» про ЯО Франции, Британии, об оружейном плутонии в Японии, которого достаточно для снаряжения тысячи бомб и о ядерных программах других стран.

В экономической области США продвигают идею транспортных коридоров из Азии в Европу в обход России (проект «Великого шелкового пути»). Эта идея была оформлена в закон задолго до начала войны США в Афганистане. В 2006 г. с учётом военных реалий в ИРА, этот закон обновлен. Он преследует ряд целей: освоение природных ресурсов Афганистана; получение доступа к рынкам Азии и размещение там военных баз — «для защиты трубопроводов Шелкового пути»; перенаправление природных ресурсов региона от КНР в Индию и Пакистан; и создание региональной организации «государств Шелкового пути» в противовес ШОС и ОДКБ.

Поэтому США в ЦА будут: продолжать стратегию, нацеленную на сдерживание Китая и не допускать интеграцию государств региона вокруг России; воспрепятствовать превращению ШОС в дееспособное геополитическое образование, способное противостоять США. Длительное присутствие США в регионе обусловлено необходимостью сохранения воинского контингента США в Афганистане. Этим сил должно быть достаточно: чтобы держать под контролем западные районы Китая, где находится ряд стратегически важных объектов, в том числе полигон «Лобнор» для испытания ядерного оружия; и возможностью вмешательства во внутренние дела государств региона. Для этого Вашингтон существенно активизировал политическое и военное сотрудничество с этими странами, что привело к некоторому «дрейфу» ряда государств — членов ШОС в сторону США. А для «расшатывания» обстановки в Республиках ЦА, Вашингтон, используя финансовые и политические рычаги, может использовать проверенный на практике алгоритм «цветных революций». Опираясь на свою стратегию, проводимую в регионе, США рассчитывает получить возможность влиять на экономическую ситуацию в ЦА в выгодном для себя направлении²⁹.

Несмотря на эти планы США, ЦА остается под влиянием *России*. По проблемам региона она выступает за мирное решение проблем, но в современных условиях напряженность в регионе сохраняется, а вокруг Ирана — нарастает. Так, в ответ убийство совершенного 3 ян-

варя 2020 г. американской авиацией в Багдаде командующего подразделением «Корпуса стражей исламской революции» Ирана генерал-майора Сулеймани в Тегеране заявили, что они нанесут удары возмездия по военным объектам США и активизирует свои военные программы (в том числе и по проекту создания ядерного оружия). Иран также может перекрыть Ормузский пролив, и тогда Вашингтон «забудет» о своих союзниках, как Япония и ряда стран НАТО, транспортирующих основную часть потребляемой ими нефти через этот пролив. Также мировые цены на нефть могут вырасти, что будет выгодно России, так как она является одним из главных поставщиков энергоносителей.

Что касается союзников России в регионе, то к ним можно отнести партнеров РФ по ШОС, среди которых выделяется Китай. Так, КНР согласилась разграничить сферы влияния с РФ в Азии и углубляет всеобъемлющее сотрудничество с Россией. Пекин положительно рассматривает деятельность ОДКБ, находя его деятельность не только не противоречащей интересам КНР в регионе, но и необходимой для обеспечения стабильности в СУАР. РФ в торговых отношениях с КНР также договорилась развивать расчеты в национальных валютах. Однако девальвация юаня из-за торговой войны с США оборачивается потерями для их обладателей, что в 2019 г. уже ощутил Центробанк РФ, нарастивший долю юаня в своем резерве до 15 %³⁰. И, по мнению ряда экспертов, в ближайшей перспективе реальным союзником России Китай не станет.

Во-первых, он принципиально не согласен связывать себя узами альянсов, полагая, что любые союзные обязательства, тем более в оборонной области, сопряжены с частичной утратой суверенитета. И России такого союза с Китаем следует опасаться, ибо в случае его заключения часть ее суверенитета окажется в руках КНР и России придется решать, как выстраивать союз с Китаем, население которого десятикратно превосходит российское, а ВВП РФ составляет всего несколько процентов китайского. Во-вторых, их позиции не всегда и не во всем совпадают, а по некоторым вопросам существенно разнятся. Так, КНР занимает «особую позицию» по Крыму, склонна к солидарности с США по СМП в Арктике. При этом Пекин выполняет все финансово-экономические санкции США в отношении

России и не желает участвовать в многосторонних переговорах по разоружению. В-третьих, даже не союз, а просто единый российско-китайский полюс в мировой многополярности представить не просто, поскольку у обеих стран неизбежно возникнет проблема «ведущего и ведомого», что может обострить существующие разногласия между Москвой и Пекином³¹.

Геополитика Китая, США и России на Ближнем Востоке

Ближний Восток приобретает для *Китая* особое значение в связи с началом реализации его планов по осуществлению проекта ОПОП, целями которого являются — вовлечение экономик и рынков стран региона в зону влияния интересов Пекина и обеспечение безопасности поставок в Китай энергоресурсов через Индийский океан и Малаккский пролив. Поэтому в рамках китайской стратегии «гармоничного мира» на Ближнем Востоке он целенаправленно использует комплексы активных мероприятий: подписание контрактов о свободной торговле, предоставление беспроцентных кредитов на экономические проекты, погашение долгов стран региона перед КНР и т. д.; активное освещение в СМИ гуманитарной миссии Поднебесной и дипломатической помощи государствам Ближнего Востока; продвижение китайского языка и китайской культуры в страны арабского мира; использование китайской диаспоры для решения экономических и политических проблем в регионе³². Реализацией этих задач КНР не только наращивает экономическое сотрудничество со странами Ближнего Востока, но и предпринимает шаги с целью вытеснения США с рынков региона. При этом Пекин старается открыто не вмешиваться в конфликтные сферы восточной политики. Но стремительное развитие ситуации в регионе во все большей степени вынуждает Китай предпринимать пока только малозаметные шаги с целью обеспечения собственной безопасности. В итоге Китай вынужден все активнее принимать участие в разрешении основных противоречий на Ближнем Востоке. При этом КНР поддерживает суверенитет и территориальную целостность Сирии и считает, что решение сирийского вопроса должно проходить при содействии и под наблюдением ООН. Поэтому многие арабские стра-

ны рассматривают КНР не только как надежного партнера, но и как альтернативную силу США на Ближнем Востоке, для чего Китай успешно работает над формированием в регионе имиджа «дружественной и ответственной державы».

Сердцевиной геополитики *США* на Ближнем Востоке является установка на максимальное ослабление соперников и конкурентов Вашингтона и блокирование попыток России усилить свои позиции в этом регионе. Поэтому вооруженную активность антиасадовских сил в Сирии и поддержку США протестных настроений в Ираке) можно считать продолжением расширения масштабов, приемов и форм ведущейся многоуровневой войны Вашингтона против Москвы в арабском мире. Это объясняет беспрепятственный доступ ИГИЛ, «Фронт ан-Нусра» и других экстремистских группировок к источникам американского оружия, и те уловки, к которым прибегают США с целью уклониться от конкретных договоренностей с РФ по совместной борьбе с международным терроризмом. Кроме того, Д. Трамп, объявил в октябре 2019 г. о выводе американских войск из Сирии, однако часть военных США осталась в районе нефтяных месторождений на северо-востоке страны³³. Как уже упоминалось, в ночь на 3 января 2020 г. по его приказу без одобрения на то Конгресса ВВС США нанесли авиаудар по аэропорту в Багдаде, в результате которого убиты генерал-майор Сулеймани и зам. командующего Силами народной мобилизации Ирака аль-Мухандис. Следовательно, авиация США нанесла удар по Ираку, нарушив его суверенитет, и убила официальное лицо Ирана. С точки зрения международного права США совершили теракт на территории другого государства, убив несколько человек без суда и следствия, не находясь при этом в состоянии войны ни с Ираном, ни Ираком.

В ответ это убийство в ночь на 8 января базы США в районах Аль-Асад и Эрбил в Ираке подверглись атаке иранскими крылатыми ракетами. В связи с чем в Эр-Рияде обеспокоены тем, что Иран может нанести удары и по нефтяным объектам Саудовской Аравии. А Багдад принял решение о выводе иностранных войск со своей территории, имея виду военные базы США и НАТО. Одновременно армия Израиля, которая является главной мишенью угроз со стороны Ирана, была приведена в полную боевую готовность так как у

Тель-Авива есть все основания полагать, что за смерть Сулеймани может достаться и Израилю. Тем более, что в близости от его границ — позиции «Хезболлы», которую курировал этот генерал. В ответ Трамп перебросил в Ирак 3 тыс. солдат США и пригрозил Ирану новыми экономическими санкциями. Это связано с тем, что война с Ираном непопулярна в США и может «похоронить» Трампа в его избирательной кампании 2020 г. Таким образом(,) в начале 2020 г. обстановка на Ближнем Востоке стала вновь взрывоопасной³⁴.

В связи с этими событиями на Ближнем Востоке *Россия* заявила, что действия США являются большой ошибкой, которая ведет к эскалации конфликта и к новому витку напряженности в регионе, в котором к концу 2019 г. Россия своей военной помощью Сирии добилась успешного прекращения войны. В ходе тяжелых переговоров Москве удалось вернуть Дамаску 30 % территорий страны, контроль над которыми был утерян с началом войны. Турция, Иран и боевые формирования организации «Хезболла» также оказали прямую военную и гуманитарную поддержку сирийской стороне. В конце 2019 — начале 2020 гг. на севере Сирии ведется успешное совместное российско-турецкое военное патрулирование линии разграничения конфликтующих сторон. А в рамках проводимой Москвой геополитики на Ближнем Востоке в России есть немало сторонников выстраивания с Ираном отношений стратегического партнерства. И можно предположить, что Москва в связи с событиями 3 января может оказать помощь Тегерану, чтобы повысить его обороноспособность в случае дальнейших агрессивных действий со стороны США. Вместе с тем, развитие отношений с Тегераном потребует от Москвы большого терпения и осмотрительности. Что касается Турции, то ей пришлось отказаться от своих планов смещения президента Сирии и пойти на сотрудничество с Россией и Ираном в борьбе против ИГИЛ и «Фронта ан-Нусра». Тем не менее такое же отношение как и к Ирану, очевидно, будет применяться и в отношении Турции, лидер которой постоянно лавирует между Россией и США.

В целом Москва своими действиями на Ближнем Востоке постепенно возвращает России статус одного из лидеров на Ближнем Востоке, переигрывая Вашингтон, привыкший решать международные проблемы «гуманитарными бомбардировками».

Роль Латинской Америки в планах Пекина, Вашингтона и Москвы

На этом континенте особенно рельефно просматриваются ресурсно-сырьевые, инвестиционные, гуманитарные и политические интересы *Китая*. Для закрепления там своего присутствия Пекин ежегодно инвестирует в этот регион по 10 млрд долл. Китай также открыл свой внутренний межбанковский рынок для облигаций латиноамериканских банков, имеющих накопления в юанях. Также китайское руководство разрешило Аргентине продавать КНР свое зерно за юани, на которые аргентинские фирмы покупают у Китая сельскохозяйственное оборудование. А общая стоимость проектов, инициированных Китаем в Венесуэле, составляет порядка 62 млрд долл. В эту сумму входят в том числе государственные кредиты, а объем прямых инвестиций Пекина в Венесуэле составляет 20,99 млрд долл.

Латинская Америка тоже играет не последнюю роль в геополитике *США*, которая открывает новые грани в отношениях со странами континента в свете наметившегося в 2019 г. в ряде государств региона «правого поворота». В связи с чем Вашингтон стал активнее вмешиваться в региональные процессы, в которых он повлиял на провал мирных соглашений в Колумбии, на переворот в Боливии и на распад Союза южноамериканских наций. При этом США хотят иметь внутри стран континента проамериканских лидеров, которые гарантируют политику, соответствующую их интересам³⁵. Так, в 2019 г. в Венесуэле и Боливии от президентов, сторонников развития отношений с РФ и КНР, власть перешла к проамериканским лидерам. И в перспективе в регионе следует ожидать перемен в контексте растущего там противостояния США, Китая и России. Это связано с тем, что в Латинской Америке находятся 35 % мировых запасов гидроэнергетики, 27 % угля, 24 % нефти, 8 % газа и 5 % урана и 25 % мирового леса³⁶. В этом регионе находятся стратегически важные месторождения полезных ископаемых, которые необходимы для производства военной техники и вооружения. Поэтому Вашингтону важно полностью держать под контролем страны Латинской Америки и Карибского бассейна. Это достигается различными

способами: вмешательством в их внутреннюю политику, технологической зависимостью, внешним долгом и коммерческим подчинением, если этого будет недостаточно, то и вооруженным путем. Для этого в Латинской Америке США воссоздали 4-й Оперативный флот. Его операционная зона включает акватории Карибского моря, а также Атлантического и Тихого океанов, прилегающих к побережью Центральной и Южной Америки. В Гондурасе строится крупный военный объект США в непосредственной близости от Венесуэлы, где существуют антиамериканские волнения.

В последнее время *Россия* вновь становится значимым актором в Латинской Америке. Для этого сложились объективные причины: она играет всё более значимую роль в международных делах, ее внешние связи расширяются, становясь важным фактором стабильности в мире, где Латинская Америка превращается в один из центров экономического роста. Основные черты российской политики в этом регионе: она является самостоятельным внешнеполитическим вектором, с выстраиванием отношений, на основе национальных интересов РФ; политика России не идеологизированна, что позволяет ей проводить целенаправленный курс с выходом на взаимовыгодное сотрудничество, и использовать его для укрепления своего потенциала в той степени, в какой Латинская Америка может этому содействовать. Как показал анализ результатов визитов Президента РФ в страны региона и глав латиноамериканских государств в Москву, их позиции по многим вопросам международной политики близки, что делает их союзниками в поисках решений ключевых глобальных проблем³⁷. В связи с чем Россия активно сотрудничает со странами региона в поисках общих ответов на новые вызовы и угрозы, которые становятся всё более разнообразными.

Стратегия Китая, США и России в Африке

Kumai в последние годы весьма интенсивно развивает связи с африканскими странами. Основа китайского влияния в регионе — его инфраструктурные проекты, в том числе в рамках инициативы ОПОП. Во время проведения в Пекине «Форума китайско-африканского сотрудничества» председатель КНР Си Цзиньпин пообещал в

ближайшие годы вложить в развитие африканских стран 60 млрд долл. Кроме того, Китай расширяет своё военное присутствие в регионе. Так, КНР открыл в Джибути свою военно-морскую базу. К этому следует добавить факт списания Китаем 33-м африканским странам долгов и создание Форума «Китай—Африка», которые усилили позиции КНР на континенте. В области создания положительного имиджа своей страны и усиления финансового присутствия на континенте китайская стратегия такова: КНР предоставляет доступные кредиты странам региона в обмен на получение контрактов китайскими корпорациями; а для поддержания гуманитарных и иных контактов Пекин сформировал значимое дипломатическое присутствие на континенте — 51 посольство в государствах Африки.

Страны африканского континента, обладающие значительными запасами нефти, редких цветных металлов и драгоценных металлов, давно являются для *США* источником этих ресурсов ввиду неразвитости многих государств региона, где элита задешево покупается Вашингтоном. Примерно 25 % импортируемой в США нефти имеет африканское происхождение, и они стремятся также поставить под свой контроль перспективные нефтяные месторождения в Нигерии, Судане и Эфиопии. Основные страны, с которыми связаны интересы Соединенных Штатов — Египет, Нигерия, Ангола и ЮАР³⁸. Кроме этого Африка для США — это нескончаемый поток мигрантов в Европу. Управляя потоком мигрантов, Вашингтон давит на Евросоюз, что делает европейские страны более сговорчивыми. Большое значение для США имеет стратегическое положение Африки. С 2008 г. на континенте действует Африканское командование США «АФРИКОМ». В его зону ответственности входят все африканские страны, за исключением Египта. Деятельность подразделений ВС США в регионе сводится к созданию авиабаз (Энтеббе в Уганде, Уагадугу в Буркина-Фасо). В районе Нигера в Эфиопии и на Сейшельских островах базируются американские БПЛА. Помимо авиабаз в Джибути развернута бригада сухопутных войск США, насчитывающая около 3 тыс. солдат. В результате Вашингтон имеет возможность отслеживать и вмешиваться в конфликты на всем африканском континенте, в случае необходимости. И от этих позиций США никогда не откажутся и будут прикладывать максимум усилий, что-

бы выдавить из региона конкурентов, в том числе главного конкурента их активности — Китай.

Что касается *России*, то в последнее время она возвращается в Африку³⁹. В связи с тем, что в регионе быстро меняется обстановка, для нее возникают новые возможности, для реализации которых она может многое: в последнее время объем товарооборота со странами Африки вырос более чем в два раза с 2010 г., составив 20,4 млрд долл. по итогам 2019 г., и есть потенциал для дальнейшего развития; РФ и африканские государства связывают традиционно дружественные, проверенные временем отношения; в Африке хорошо налажена система мониторинга РФ обстановки (свыше 40 посольств и 4 торгпредства). Хотя здесь существуют проблемы с использованием полученной информации. Так, с целью продвижения экспорта был учрежден «Российский экспортный центр» (РЭЦ), который должен превращать аналитику представительств в Африке в предложения для российских экспортеров. Но пока РЭЦ занимает выжидательную позицию и дублирует некоторые функции торгпредств. При этом российское руководство проявляет осторожность с экономической помощью странам региона и предполагает сформировать для себя две тестовые группы — группу крупных стран Африки (Египет, Нигерия, ЮАР) и группу нестабильных государств (ЦАР, Судан и т. д.). Очевидно, такой подход поможет РФ определиться с ее перспективной стратегией на континенте. Для этого в 2019 г. Россия провела в Сочи саммит с представителями Африканского континента, где общая сумма списанных РФ долгов странам Африки превысила 20 млрд долл., хотя в стране существует много нерешенных экономических проблем⁴⁰. В ближайшие 4—5 лет Россия планирует удвоить объем товарооборота с Африкой, где приоритетными направлениями станут энергетика, химическая и горнодобывающая промышленность, фармацевтика, здравоохранение и военно-техническое сотрудничество. Такие внешнеполитические и внешнеторговые контакты со странами Африки в нынешней обстановке для России — вопрос первостепенный в ее геополитике в мире⁴¹.

Анализ походов Китая, США и России в их борьбе в сферах геополитики, позволяет прийти к следующим выводам.

Во-первых, у США с Китаем и Россией сохраняются различные подходы в сфере геополитики. США видят современный мир с позиций сохранения монополярности и воспринимают себя как сверхдержаву, распространяющую свои ценности во всем мире. Поэтому стратегия Вашингтона соответствует исторически сложившейся практике американских действий в ключевых регионах мира. Обеспечивая свои экономические интересы, США сначала проводит информационные кампании определенного содержания и одновременно в регионах мира расширяется военное присутствие США, на базе которого формируется механизм силового реагирования на возникающие кризисы. А Китай и Россия считают мир многополярным, в котором наряду с США существуют и другие центры силы: объединенная Европа, Япония, Индия и др. При этом геополитические интересы Москвы лежат в плоскости обеспечения процесса интеграции РФ в мировое сообщество для модернизации российской экономики, где главная угроза ее геополитическим интересам заключается в перспективе изоляции РФ со стороны западного сообщества.

Во-вторых, в зоне американских интересов продолжает находиться весь мир, что говорит о гегемонистском характере политики США, фундаментом которой является ее экономическая, финансовая и военная база. Исходя из этого, геополитика Вашингтона исходит из необходимости сохранения обеспечения безусловного лидерства Соединенных Штатов во всем мире с использованием при необходимости военной силы. Это обеспечивает превосходство США над Россией в Европе, Латинской Америке, Африке и на Ближнем Востоке. Россия же удерживает свое влияние в Центральной Азии и эффективно развивает свою стратегию в Арктике, постепенно возвращаясь в другие регионы мира. Для противодействия этому Вашингтон в отношении РФ преследует следующие стратегические цели: сохранение существующих санкций; ослабление РФ, но не допущение ее распада; недопущение наращивания ее военной мощи и устранение влияния России на мировые события.

В-третьих, геополитика США приводит к переменам в восприятии глобального лидерства на планете. В рейтинге мирового лидерства действия Китая достигли уровня одобрения в 34 %, тогда как

действия США поддерживают 31 %, а России — 30 %. Относительное равенство уровня одобрения мировым сообществом действий акторов «стратегического треугольника» свидетельствует о том, что в мире нарастает конкуренция между Россией, Китаем с одной стороны и США — с другой не только в сфере экономики и военной мощи, в возрастании роли политики их «мягкой силы» для завоевания сердец мирового сообщества.

В-четвертых, Китай в своем развитии стремится к политическому лидерству в XXI в. Его задача состоит в том, чтобы стать одной из главных стран, играющей ключевую роль в создании нового миропорядка, и продемонстрировать миру готовность нести ответственность за планетарное развитие. Основой притязаний на лидерство служит интеграция экономики Китая в мировую экономику на рыночных принципах. Однако главным препятствием для реализации амбиций Китая является двойственное восприятие КНР Западом. С точки зрения экономики Китай воспринимается мировым рыночным сообществом как «свой», а с точки зрения политики — «чужой», сохраняющий монополию КПК в политической области.

В-пятых, факты обострившегося противоборства США и КНР свидетельствует о появлении нескольких принципиально новых моментов в отношениях этих стран: тесные торгово-экономические связи и огромные объемы товарооборота не являются более гарантией недопущения перерастания разногласий США с Китаем в острый конфликт, вплоть до тотальной конфронтации, где торговые споры становятся рычагами политического давления; меняется статус КНР в отношениях с США — из конкурирующего партнера она переводится в разряд ее геополитических соперников, противоборство с которым в экономической сфере может распространиться на другие сферы. Но, несмотря на обострившиеся отношения, США и Китай остаются взаимно притягательны для друг для друга. Соединенные Штаты зависят от Китая в ряде ключевых областей, начиная от дешевых потребительских товаров и кончая кредитными обязательствами перед ним на сумму свыше 1 трлн долл. Китай, в свою очередь, зависит от сохранения способности потребителей в США покупать китайские товары, а также от современных американских технологий в ключевых для экономики КНР областях.

В-шестых, США и НАТО опасаются возрождения мощи России и стремятся сдерживать ее на международном уровне. Поэтому в ближайшей перспективе введенные ими санкции продлятся, даже когда украинская тема перестанет быть актуальной. Для их отмены потребуется согласие всех членов альянса, которого крайне сложно достигнуть при незаинтересованности в этом США, независимо от того, кем будет их новый президент в 2020 г. Поэтому возрождение России в глобальном масштабе придется реализовывать самостоятельно, с опорой на ее военную мощь и частично — на своих партнеров по ОДКБ, ШОС, ЕАЭС. Для этого на международном уровне ей необходимо усилить свою геополитику с использованием «мягкой силы», реализовывать меры по замещению импорта западных технологий отечественными аналогами, отказавшись от практики «прощения» долгов зарубежным странам, развивая с ними прагматические отношения в торгово-экономической и политической сфере, в целях укрепления своего потенциала в регионах мира.

Примечания

¹ Давыдов А.С. КНР, США и Россия на путях к обновлению мироустройства // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 4. С 4—17.

² Бжезинский Зб. Великая шахматная доска. Американское превосходство и его геостратегические императивы. М.: МО, 2010. С 15.

³ Планирование развития вооружённых сил США. Available at: URL: <http://www.zvo.su/voennye-problemy/planirovanie-razvitiya-vooruzhennyh-sil-ssha.html>

⁴ Что означает новая военная доктрина США для России? Available at: URL: <https://topwar.ru/11419-cto-oznachaet-novaya-voennaya-doktrina-ssha-dlya-rossii.html>

⁵ Грачиков Е. Китай в мировой политике. Available at: URL: <https://www.geo-politica.ru/article/kitay-v-mirovoy-politike>

⁶ Материалы 70-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Available at: URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50385>.

⁷ Китай исподволь завоевывает Центральную и Восточную Европу. URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2018/11/06/785688-kitai-zavoevivaet-tsentralnuyu-evropu>

⁸ Нежданов В. Китай и Евросоюз: партнеры или конкуренты? URL: <https://news.rambler.ru/asia/42047317-kitay-i-evrosoyuz-partnery-ili-konkurenty/>

⁹ *Гушер А.* Современные геополитические процессы и их влияние на состояние международной безопасности. Available at: URL: <https://nic-pnb.ru/analytics/sovremennye-geopoliticheskie-protsessy/>

¹⁰ *Рогов С.* Стратегия России в Евразии в XXI веке. Available at: URL: http://www.ng.ru/style/2010-02-26/7_evrazia.html

¹¹ *Петросян Э.* Между Азией и Европой. Available at: URL: http://nvo.ng.ru/gpolit/2019-06-13/1_6_7_1048_geopolitica.html

¹² *Романова Т.* Россия и Европа: в чем-то разные, в чем-то похожие? Available at: URL: <https://russiancouncil.ru/upload/Russia-Europe-Policybrief5-ru.pdf>

¹³ *Морозов Ю.В.* Сильные и слабые стороны гуманитарной деятельности России в ШОС: возможное решение существующих проблем // Перспективы развития ШОС с точки зрения национальных интересов России. М., 2016. С. 146—162.

¹⁴ ???

¹⁵ *Гордиенко Д.В.* Геополитический компонент КНР в «стратегическом треугольнике» Россия—Китай—США // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. № 1. С. 21—37.

¹⁶ Highlights of Proposals for China's 13th Five Year Plan. November 4, 2015. Available at: URL: http://news.xinhuanet.com/english/photo/2015-11/04/c_134783513.htm

¹⁷ США претендуют на арктический шельф России. Available at: URL: <https://www.km.ru/glavnoe/2006/10/12/arkhiv/ssha-pretenduyut-na-arkticheskii-shelf-rossii>

¹⁸ *Morozov Y.* Arctic region: the Next «Hot Point» in Sphere of the International Relations or an Area for the Regional Cooperation? Peace Review: a journal of social justice # 5/2011, Volume 27. P. 25—41.

¹⁹ После Ирака Америка взялась за Арктику. Available at: URL: <http://www.yoki.ru/social/08-12-2005/13294->

²⁰ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 года и на дальнейшую перспективу. Утверждены Президентом РФ 17 декабря 2008 г.

²¹ *Морозов Ю.В., Клименко А.Ф.* Арктика в стратегии НАТО и направления взаимодействия России с государствами Северо-Восточной Азии в этом регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. № 17 (302). С. 39—51.

²² *Коростиков М.* Уроки китайского. Почему за прошедший год России не вполне удался «поворот на Восток». 08.02.2016 Available at: URL: <http://www.kommersant.ru/doc/2906658>

²³ Китай в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Available at: URL: <https://www.webeconomy.ru/index.php?page=cat&newsid=2126&type=news>

²⁴ Сайт Белого дома — «President Donald J. Trump Announces a National Security Strategy to Advance America's Interests «National Security & Defense». December 18, 2017.

²⁵ Remarks on “Defining Our Relationship with India for the Next Century”. Available at: URL: <https://www.state.gov/secretary/remarks/2017/10/274913.htm>

²⁶ «Стратегическая оборона» Трампа или... американское двоемыслие? Available at: URL: <http://maxpark.com/community/13/content/6186518>

²⁷ *Гордиенко Д.* Изменение уровня экономической безопасности США в рамках экономической кооперации государств — участников Транстихоокеанского партнерства // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13. Вып. № 6. С. 1176—1188.

²⁸ *Аш-Шарбаджи Манар.* Американская стратегия для Индо-Тихоокеанского региона. URL: <https://inosmi.ru/politic/20171110/240731399.html>

²⁹ *Морозов Ю.В.* Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации. М., 2019. С. 170—191.

³⁰ Выступление А.Ч. Мокрецкого на «круглом столе» по проблемам российско-китайских отношений // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 3. С. 17—18.

³¹ *Давыдов А.С.* Россия—Китай—США про альянсы и соперничество // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 3—14.

³² Китайское правительство опубликовало первый документ о политике в отношении арабских стран. Available at: URL: http://russian.news.cn/2016-01/13/c_135006591.htm

³³ Американские войска заняли несколько нефтяных месторождений в Сирии. Available at: URL: <https://ria.ru/20191113/1560896246.html>

³⁴ Убийство генерала Сулеймани. Ждёт ли мир новая война на Ближнем Востоке? URL: <https://topwar.ru/166398-ubijstvo-general-a-sulejmani-zhdet-li-mir-nova-vojna-na-blizhnem-vostoke.html>

³⁵ США активно вмешиваются в дела Латинской Америки, заявили в Уругвае. Available at: URL: <https://ria.ru/20191123/1561499531.html>

³⁶ Латинская Америка в 2019 году: «волна консерватизма», влияние крупных держав и напряженность в Венесуэле (La Nación, Аргентина). Available at: URL: <https://inosmi.ru/politic/20190127/244464890.html>

³⁷ American Thinker (США): реальные интересы Путина в Латинской Америке. Available at: URL: <https://inosmi.ru/politic/20191117/246247938.html>

³⁸ Политика новой администрации США в Африке: некоторые оценки. Available at: URL: <http://csf.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/politika-novoj-administracii-ssha-v-afrike-nekotorye-ocenki-7235>

³⁹ Внешнеполитическая и дипломатическая деятельность РФ в 2018 г. // Обзор МИД РФ. М., 2019. С. 59.

⁴⁰ На саммит «Россия — Африка» в Сочи приехали главы больше 40 государств. Available at: URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2019/10/24/vladimir-putin/858937-sammit-rossiya-afrika-rf-spisala-afrikanskim-stranam-dolgo>

⁴¹ Итоги саммита «Россия—Африка». Available at: URL: <https://www.km.ru/v-rossii/2019/10/24/vladimir-putin/858937-sammit-rossiya-afrika-rf-spisala-afrikanski-m-stranam-dolgo>

Д.В. Гордиенко

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕТ ПОЛИТИКИ РФ В «СТРАТЕГИЧЕСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ» РОССИЯ—КИТАЙ—США

Контурь формирующейся системы международных отношений отнюдь не очевидны, да и выбор между потенциально возможными моделями не так уж и широк¹. На исходе XX в. Соединенные Штаты Америки (население — 250 млн человек, площадь — 9,36 млн км²) остались единственной сверхдержавой в мире. Основу их нынешнего экономического процветания составляют четыре источника:

- использование национальной валюты в качестве мировых денег;
- развитие реального сектора производства через подстегивание покупательского спроса, за счет «жизни в кредит» и роста совокупного долга государства²;
- взимание процентов по прошлым займам, выданным странам «третьего мира» в 1960-х — 1990-х годов, в результате чего выплаты некоторых из них достигают 50 % от суммы ежегодного экспорта;
- искусственное занижение цен на ввозимое сырье и топливо, осуществляемое с помощью таможенных тарифных барьеров на импорт готовой продукции и полуфабрикатов (ввозится только необработанное дешевое сырье: нефть, лес, руда).

8 декабря 2017 г. президент США Дональд Трамп представил новую Стратегию национальной безопасности. Чтобы повысить кон-

курентоспособность государства на мировой арене, Стратегия фокусируется на четырех национальных интересах, которые она описывает как жизненно важные. Это защита страны, содействие процветанию Америки, сохранение мира с помощью силы и усиление влияния США. При этом значительная часть документа посвящена увеличению экономической составляющей доминирования США. Однако, Стратегия — 2017, кроме всего прочего, сосредоточена еще и на том, что выражается формулой в заголовке одного из разделов документа: «*Мир с помощью силы (Peace through Strength)*».

Стратегия определяет три группы сил, бросающих вызов современному порядку во главе с Соединенными Штатами Америки.

Первая группа включает такие страны, как РФ и КНР, которые, по мнению США, стремятся к созданию нового мирового порядка, как в военном, так и в экономическом плане. По мнению представителей администрации Д. Трампа, это может нанести ущерб или воспрепятствовать американским интересам, что и было зафиксировано в новой Стратегии.

Во вторую группу входят режимы Ирана и Северной Кореи, которые, по мнению администрации Д. Трампа, хотят создать оружие массового уничтожения при одновременной поддержке терроризма и другой дестабилизирующей деятельности.

В третью группу входят транснациональные террористические организации и преступные синдикаты. Представители администрации Д. Трампа считают, что новая стратегия национальной безопасности будет противостоять всем указанным силам на мировой арене.

Таким образом, новая Стратегия национальной безопасности США — 2017 выстроена главным образом через призму обеспечения американских интересов путем силового, экономического и пропагандистского давления на остальных.

У России и США во многом схожие претензии на особую роль в глобальном мире, но разные возможности для их реализации. Возросшие амбиции современной России Америка считает непропорциональными ее реальной силе, особенно на фоне нездоровой экономики, растущего технологического и научного отставания.

Российская Федерация, в свою очередь, не без основания обвиняет США в кичливости и самонадеянности, стратегической не-

дальновидности, большом количестве ошибок на мировой арене, которые могут перерасти в катастрофическое для всех качество.

В условиях западных санкций, кроме ожидаемого и понятного увеличения внимания к АТР, Россия представила политику «разворота на Восток» в качестве альтернативы отношениям с Западом. В рамках политики «разворота на Восток» Россия уделяет приоритетное внимание отношениям с Китаем.

Как и США, Россия считает усиление Китая одним из наиболее значимых событий XXI в. Потребность России в более глубоком экономическом взаимодействии с Китаем в результате ухудшения связей с другими ведущими партнерами создает дисбаланс в российско-китайских отношениях, который с течением времени может иметь стратегические последствия³.

Китайская политика, в последнее время, во многом активизировалась и сейчас основной политической курс Китая взят на расширение международных связей с соседними странами⁴. Китай придерживается мирной политики невмешательства, что делает его еще более привлекательным для сотрудничества⁵.

В настоящее время КНР стремится к развитию прочных правовых взаимоотношений с Россией. Обе страны не преодолели стадию индустриального развития, а поэтому нуждаются в мирной окружающей обстановке, способствующей созидательным процессам внутри государства. В связи с этим Китай инициировал подписание ряда соглашений с РФ по урегулированию территориальных споров.

Кроме того, Россия привлекает Китай своим огромным потенциалом плодородных угодий, а также как возможный поставщик пресной воды. Истощенные земли Китая составляют лишь 7 % от мирового фонда сельскохозяйственных угодий, при этом численность населения КНР насчитывает более 1,3 млрд человек.

Таким образом, развитие международных отношений в мире ближайшие годы будет в наибольшей степени определяться двумя фундаментальными факторами.

Во-первых, речь идет о динамике соотношения экономических, научно-технических, военно-стратегических и политических потенциалов Китая и Соединенных Штатов. Общая тенденция здесь очевидна — соотношение сил на протяжении как минимум последних

трех десятилетий устойчиво меняется в пользу Китая. Нет никаких оснований полагать, что подобное положение дел изменится в ближайшем будущем. Но процесс идет, конечно же, не линейно — здесь возможны ускорения, торможения, остановки и даже движение в обратном направлении. Особенно это касается военно-стратегического и политического компонентов, обладающих меньшей инерционностью и большей подвижностью, чем экономический и научно-технический компоненты.

Во-вторых, будущее мира в значительной мере зависит от соотношения элементов сотрудничества и конфликтности, а также от стабильности и нестабильности, взаимозависимости и протекционизма, универсализма и партикуляризма, умеренности и экстремизма. Традиционно большинству стран удавалось находить баланс между требованиями регионального экономического развития и внутривнутриполитической повестки дня, но сохранение этого баланса даже в ближайшем будущем отнюдь не гарантировано. Повсеместный рост национализма, подъем религиозного фундаментализма, увеличение военных расходов, возрождение старых враждебных исторических нарративов⁶, риски распространения оружия массового уничтожения, подъем международного терроризма заставляют рассматривать «конфронтационный» вариант эволюции международной системы в регионе как возможный, хоть и не самый вероятный⁷.

В этих условиях построение «*Большой Евразии*» или экономического партнерства на основе совокупности интеграционных процессов и различных форм торгово-экономического, а также транспортно-энергетического сотрудничества между Евразийским экономическим союзом (ЕАЭС), КНР, АСЕАН, ЕС и иными ведущими экономическими объединениями на евразийском пространстве стало приоритетным направлением геополитики российского руководства.

При этом Россия и ЕАЭС находятся между двумя наиболее мощными в экономическом отношении центрами континента — Европейским союзом и Китайской Народной Республикой. Каждый из них по показателям совокупной экономической мощи значительно превосходит Евразийский экономический союз. Подобное положение побуждает РФ позиционировать ЕАЭС в качестве «эффектив-

ной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом».

Актуальной задачей реализации *геополитического компонента в политике России* в отношении *Китая* остается *сопряжение Инициативы Пояса и Пути (ИПП) и Евразийского экономического союза (ЕАЭС)*⁸. Сопряжение ЕАЭС и ИПП находится на начальных этапах, и его эффективная реализация обуславливает необходимость активной и заинтересованной координации позиций наших стран и других региональных игроков. Одним из вызовов сопряжению является недостаток взаимопонимания. У государств, участвующих в инициативах, складываются различные ожидания в вопросах модели и путей развития сотрудничества.

Кроме того, Россия (как движущая сила евразийской интеграции) и Китай (инициатор Экономического пояса Шелкового пути, ЭПШП) продолжают укреплять отношения *всестороннего стратегического партнерства и сотрудничества*. Уровень политических связей достиг наивысшей точки со времени советско-китайского военно-политического союза 50-х годов XX в. Близки подходы России и Китая к принципиальным вопросам современных международных отношений, а также ключевым международным проблемам, среди которых — Корейский ядерный кризис, ситуация на Украине, иранская ядерная программа. Россия и Китай поддерживают тесное взаимодействие в международных делах.

Ключевой площадкой совместной работы России и Китая в области обеспечения международной безопасности является *Шанхайская организация сотрудничества (ШОС)*⁹. При этом динамика работы ШОС во многом зависит от активности Москвы и Пекина. Деятельность ШОС сконцентрирована в трех основных сферах: безопасность — традиционный приоритет в работе организации, экономические вопросы, которые сегодня выходят на передний план, а также гуманитарная область, которая становится особо важной в условиях возрастающей конфронтации между Востоком и Западом, различными политическими, юридическими и религиозными течениями. В области региональной безопасности одной из важных проблем для всех стран-участниц и организации в целом является крайне сложная ситуация в Афганистане¹⁰.

Поскольку Россия считает Китай, Индию и страны Юго-Восточной Азии своими стратегическими партнерами в формировании «нового миропорядка» и снижении роли американских и евроатлантических институтов, политика «разворота на Восток» в настоящее время представляет собой не краткосрочное маневрирование с целью минимизировать влияние западных санкций, а часть масштабной стратегии.

В краткосрочной перспективе на развитие российско-китайских отношений будут влиять ухудшение отношений России и Запада и новый курс Китая, руководимого Си Цзиньпином.

В дальнейшем скорость и масштабы развития двусторонней торговли и инвестиций будут зависеть от влияния на ситуацию экономических проблем в Китае.

Новации во внешней политике Китая предоставляют России новые возможности. В стратегическом отношении главный вызов для российско-китайских отношений заключается в растущем дисбалансе экономик двух стран. Китай укрепляет свои позиции в качестве второй крупнейшей экономики мира; китайские транснациональные корпорации стремятся получить больший доступ к глобальным рынкам, приобретают компании за рубежом и вступают в прямую конкуренцию с корпорациями из США, Европы, Японии.

Китай продолжит укрепление своих позиций в зонах интересов России. В условиях «войны санкций» с Западом Россия, в свою очередь, может принять это в обмен на выгодное участие в китайских проектах в рамках стратегии «Один пояс, один путь».

Таким образом, углубление партнерских отношений между Россией и Китаем подразумевает определенные риски для России. Китай — «молодой» глобальный игрок, которому еще предстоит научиться быть глобальным лидером и который часто ведет себя как «напористый новичок». По мере роста политического влияния Китая Пекин может более активно действовать в региональных спорах, требуя большей поддержки со стороны России, что может противоречить ее интересам. Вероятно, России придется считаться с подобными требованиями, частично идя навстречу Китаю в интересах своих отношений с ним.

Реализация *геополитического компонента в политике России* в отношении *США* на современном этапе обуславливается сохраняю-

щимися расхождениями между странами, которые обладают потенциалом возврата к конфронтационной модели отношений России и США. В таком возврате заинтересованы отдельные политические силы в обеих странах.

Поводом для новой конфронтации может послужить, с одной стороны, усиление в политике Вашингтона курса на закрепление однополюсного статуса системы международных отношений, а с другой — рецидивы «сверхдержавности» в политике России.

Наибольшую опасность в этом плане представляют несовпадающие геополитические интересы России и Запада на пространстве бывшего Советского Союза. Россия может столкнуться с необходимостью выбирать: либо признать геополитическое поражение, либо пойти на жесткие ответные меры, в том числе силового характера (отказ от выполнения договоров, наращивание ядерных и обычных вооружений, создание нового военно-политического блока и т. п.).

Тем не менее, именно отношения, характеризующиеся понятием «партнёры-соперники», наиболее реальны и даже желательны для России и США, как сегодня, так и в обозримом будущем.

Сегодня обе стороны стремятся строить свои отношения, исходя из описанной выше реальности. Концепция внешней политики Российской Федерации 2016 г.¹¹ делает в отношениях с США акцент на поддержание постоянного диалога и обеспечение «совместной выработки культуры управления разногласиями на основе прагматизма и соблюдения баланса интересов»¹².

Политика перехода на уровень стратегического партнерства между Россией и США, в этих условиях, может быть направлена на преодоление разрыва между внешнеполитическими декларациями и реальностью. Равноправное партнерство предполагает и совместное определение общих интересов, и создание не только механизма консультаций при принятии решений, но и органов постоянного взаимодействия на рабочем уровне.

В настоящее время Российская Федерация стремится консолидировать свои отношения с государствами *Центрально-Азиатского региона* посредством вовлечения их в Евразийский экономический союз. Москва значительное влияние уделяет поддержанию своего контроля над энергетическими рынками региона, так как государ-

ства ЦА, в первую очередь, Туркменистан и Казахстан, представляют собой потенциальных конкурентов России в экспорте энергоресурсов.

В этих условиях интеграционные инициативы *России и Китая* пока не входили в явное противоречие друг с другом¹³. Тем не менее, существуют две основные точки зрения на эффективность сопряжения двух проектов. Согласно первой точке зрения, Центральная Азия — это территория, где могут эффективно сосуществовать разные интеграционные проекты, которые эффективно дополняют друг друга. Этому способствует стремление государств ЦА, недавно получивших независимость, к многовекторной политике.

Согласно второй, между интеграционными проектами РФ и КНР существует конкуренция, это вероятная «игра с нулевой суммой». С этой точки зрения создание ЕАЭС было, в том числе, обусловлено попыткой России установить протекционистский барьер на пути товаров из Китая, что даст государствам бывшего Советского Союза возможность перезапустить свои производственные линии и модернизировать производство. Это одна из причин, по которой ЕАЭС не стремится создать с Китаем полноценную ЗСТ, что активно лоббирует Пекин. Кроме того, Россия выступает за выработку единой стратегии по экономическому взаимодействию с Китаем, в то время как Пекин делает ставку на двусторонние контакты со странами региона.

В этих условиях сотрудничество с Китаем может развиваться на спокойной, прагматичной основе. Экономические связи ЦА с Пекином, финансовое, энергетическое и торговое сотрудничество будут только крепнуть. Это объективный процесс, он прямо не угрожает России, пока государства ЦА не будут пытаться «оторвать» от нашей страны, ставя их перед конкретным выбором того или иного варианта интеграции. Для этого Москве следует стремиться поддерживать непрерывный политический и экономический диалог с Пекином, создать формальные институты сотрудничества, целью которых было бы урегулирование конфликтов в отношениях с Китаем. При этом желательно, чтобы сторонами диалога выступали не отдельные государства Центральной Азии, но ЕАЭС в целом. Это позволило бы странам ЕАЭС эффективно координировать экономиче-

скую и транспортную политику, а также предотвращать рост напряженности между ними.

Для России важное значение также будут иметь постоянные консультации по вопросу стратегий обеспечения безопасности РФ и КНР в Центральной Азии. В настоящий момент именно Россия выступает гарантом безопасности стран региона посредством как ОДКБ, так и двухсторонних договоров, опираясь на ряд военных баз и объектов в Кыргызстане, Таджикистане и других государствах. Консультации между Россией и Китаем относительно роли стран в обеспечении безопасности региона способны уменьшить опасения Москвы относительно вероятности наращивания военно-политического сотрудничества государств региона с Пекином.

Москва и Пекин должны также активно координировать свою политику в отношении стран региона, координировать свои общественные и социально-значимые проекты для совместного влияния на общественное мнение государств Центральной Азии. Достижение данных целей возможно посредством развития академического и образовательного сотрудничества, организации студенческих стажировок, а также проведения спортивных и культурных мероприятий, сотрудничества средств массовой информации.

Таким образом, в целом, несмотря на серьезный военный, политический и культурный потенциал России в регионе, это «уходящая держава», важность взаимодействия с которой для центральноазиатских государств неуклонно снижается, в то время как важность сотрудничества с Китаем — растет. Несмотря на договоренности относительно «сопряжения», усиление позиций КНР в Центральной Азии напрямую затрагивает перспективы евразийской интеграции, так как проекты, которые продвигают Москва и Пекин — ЕАЭС и ЭПШП — направлены на выстраивание региональной архитектуры вокруг собственного интеграционного ядра.

Политика *России* и *США* в Центральной Азии характеризуется противостоянием. США стремятся не допустить восстановления стратегического присутствия России на этой территории, а также создания политического союза между Москвой, Пекином и Тегераном. Немаловажным остается и то, что для США Центральная Азия

служит стратегически важным плацдармом на случай эвентуальной конфронтации США с Россией и Китаем в регионе.

Как альтернативу российской инициативе строительства ЕАЭС и сопряжения его строительства с Экономическим поясом Шелкового пути Соединенные Штаты в 2011 г. выдвинули свою альтернативу евразийской интеграции — геоэкономический концепт *Новый Шёлковый путь* (НШП).

В тоже время США необходимо сотрудничество с Россией для предотвращения дестабилизации в Центральной Азии и в целом в Евразии.

В целом же военно-политическое присутствие США в Центральной Азии, не говоря уже о действиях американцев и сил коалиции в Афганистане, видимо, не противоречат долгосрочным интересам России в регионе.

Кроме того, вне зависимости от истинных, в том числе антироссийских устремлений американской дипломатии, деятельность США в регионе объективно способствует стабильности в Центральной Азии, в том числе урегулированию межэтнических противоречий, а это не может не отвечать интересам России.

Следовало бы, как представляется, искать с США некий *modus operandi*, открывающий перспективу двум державам мирно сосуществовать на центральноазиатском геополитическом пространстве, договариваться о совместных проектах, создавать в этих целях совместные координирующие органы и проводить скоординированную политику стабилизации региона.

Россия как евразийская страна имеет долгосрочные военные, политические и экономические интересы в *Азиатско-Тихоокеанском регионе* (АТР). Суть этих интересов состоит в том, чтобы обеспечить здесь не только безопасность России, но и ее геоэкономические позиции, существенно повысить конкурентоспособность страны.

Данный регион обладает огромными человеческими и природными ресурсами и способен к бурному экономическому развитию. Полноценное подключение России к деятельности мирового сообщества обуславливает необходимость проведения серьезной и прагматичной восточной политики, существенной активизации внешнеполитических и внешнеэкономических связей на этом направлении,

которые должны быть приоритетными по отношению к силовым факторам.

Кризис в отношениях между Россией и Западом, начавшийся в 2014 г., значительно увеличил относительную важность Азиатско-Тихоокеанского региона для российской внешней политики. События в Украине резко изменили характер российско-американских отношений. Все контакты, за исключением самых необходимых, были разорваны, напряженность возросла до уровня времен холодной войны. Всестороннее сотрудничество *России* и *США* в Азиатско-Тихоокеанском регионе сейчас видится возможным лишь в отдаленной перспективе.

Дипломатический и политический подход России к архитектуре региональной безопасности в Азиатско-Тихоокеанском регионе сегодня основан на предпосылке, что доминирующая система американских альянсов не соответствует современной экономической и политической ситуации.

Российское руководство призывает к созданию более сбалансированной и инклюзивной системы, основанной на принципах равенства и «неделимой безопасности», согласно которым одна страна не может увеличивать собственную безопасность за счет безопасности других¹⁴.

Корейский кризис — одна из важнейших проблем обеспечения региональной безопасности, затрагивающая интересы России и Китая как соседних с Республикой Кореей (РК) и Корейской Народно-Демократической Республикой (КНДР) государств.

Как заинтересованные игроки Москва и Пекин стремятся внести вклад в разрядку ситуации на полуострове. Предложенная *Россией* и *Китаем* в 2017 г. дорожная карта корейского урегулирования¹⁵ внесла существенный вклад в дело мира, и сегодня действия РК и КНДР в целом согласуются с предложенными Москвой и Пекином шагами.

Ведущий силой *Евро-Атлантического региона* выступают Соединенные Штаты Америки. Они не только вовлекли Евросоюз в санкционную борьбу с Россией, но и препятствуют развитию экономического сотрудничества нашей страны с европейскими государствами. Так, например, санкции США против европейских компаний,

участвующих в проекте строительства газопровода «Северный поток-2», снижают уровень энергетической безопасности Европы и служат, тем самым, дополнительным стимулом для наращивания Россией своих поставок в Китай.

Тем не менее, Россия последовательно проводит политику сотрудничества и обеспечения безопасности в этом регионе мира¹⁶.

Эскалация конфликта между Западом и Россией привела к изменению структуры глобальных цепочек добавленной стоимости в пользу усиливающегося Китая¹⁷.

В итоге, как гегемонистские устремления США и связанные с ними структуры НАТО, действующие в логике игры с нулевой суммой, так и геоэкономическая политика Европейского Союза, стремящегося к единоличной выгоде, — исключают нахождение общих интересов с Россией в этом регионе.

В России *Арктический регион* приносит до 20 % ВВП и занимает около половины всей территории нашей страны. Северный морской путь является ключевой магистралью, обеспечивающей выход ВМФ России в Мировой океан и транспортировку добытых в регионе ресурсов. В этих условиях взаимодействие *России* и *Китая* в этом регионе мира рассматривается в контексте сопряжения Инициативы Пояса и Пути и Северного морского пути.

Китайские власти расширили масштабы своей глобальной инициативы по созданию инфраструктуры под названием «Один пояс, один путь». Теперь она включает и арктический компонент. Таким образом, Китай подключается к общей концепции объединения мира и становится одним из ее центров, одновременно обращая внимание на Арктический регион. Китай продолжает изыскивать возможности для заключения сделок о свободной торговле в Скандинавии и Канаде, а также стремится к участию в научном сотрудничестве в Арктике.

В тоже время *США* обеспокоены «чрезмерными притязаниями некоторых стран» в Арктике, под которыми подразумевается *Россия* и Китай.

С точки зрения политического реализма основой внешней политики России в *Ближневосточном регионе* является осознание национальных интересов и реалистическое поведение в процессе при-

нения внешнеполитических решений. При этом Россия стремится усилить свой военный потенциал и военно-политическое влияние в регионе. Россия активизирует сотрудничество с региональными акторами для комплексного решения сирийской проблемы.

С точки зрения сторонников концепции «баланса сил» на Ближнем Востоке установился баланс влияния только двух акторов — Соединенных Штатов Америки и России. Результаты SWOT-анализа российской внешней политики в Ближневосточном регионе¹⁸ представлены в табл.

Сирийский кризис помог России выйти из наметившейся геополитической изоляции и повысить степень влияния на процессы в регионе Ближнего Востока. Операция в Сирии стала первой после Афганистана военной миссией, которую Россия проводила за пределами постсоветского пространства, и в которой был использован одновременно потенциал Воздушно-космических сил, Военно-морского флота, Сил специального назначения и военной полиции. Посредством военной кампании в Сирии, как неоднократно отмечал

Таблица. SWOT-анализ российской внешней политики на Ближнем Востоке

Сильные стороны (Strengths)	Слабые стороны (Weaknesses)
<ul style="list-style-type: none"> — политика России изменила соотношение сил в регионе; — военная операция России помогла сирийской армии восстановить контроль над территорией страны; — Россия испытала новые виды вооружений, апробировала новые системы управления ВС; — Россия решила ряд внутренних проблем, таких как терроризм; — повысился престиж российских вооруженных сил 	<ul style="list-style-type: none"> — высокая стоимость военной операции России в Сирии; — нарастание напряженности в отношениях с США и Западом
Возможности (Opportunities)	Угрозы (Threats)
<ul style="list-style-type: none"> — Россия усиливает свое военно-политическое присутствие на Ближнем Востоке; — Россия выступает главным медиатором переговорного процесса по Сирии; — несмотря на разногласия, у РФ и США сохраняется ограниченное совпадение интересов и возможность для взаимодействия на Ближнем Востоке; — предотвращение угрозы терроризма, распространение на российскую территорию 	<ul style="list-style-type: none"> — отсутствие общего понимания сирийской ситуации; — отсутствие общепринятого определения терроризма; — отсутствие всеобщего политического диалога; — отсутствие на Ближнем Востоке явного лидера; — конкуренция с США; — продолжительность конфликта и возможность экспорта терроризма на территорию РФ; — неопределенность перспектив, истощение финансовых и военных ресурсов

Президент В. Путин, Россия защищает свою независимость и суверенитет, предотвращает проникновение терроризма на свою территорию, а также борется за безопасность всего мира. За последние два года Россия превратилась в активного участника женевского формата урегулирования сирийского конфликта и медиатора астанинского переговорного процесса. Участвуя в военном решении сирийской проблемы, Россия закрепила на долгий период и свое военно-политическое присутствие в регионе.

Ближневосточная повестка сохранится во внешней политике России, как с политической, так и с экономической точки зрения. Ближний Восток и в долгосрочной перспективе будет сохранять свое важное геополитическое значение как основной источник энергоресурсов. В перспективе после завершения военной фазы конфликта Россия будет принимать активное участие и в постконфликтном восстановлении Сирии.

В разворачивающейся сегодня схватке за использование ресурсного потенциала и формирование политического миропорядка XXI в. объективно интересы стран *Африканского региона* и России по многим направлениям смыкаются. Однако в целом России в новых экономических реалиях пока не удастся найти механизмы поддержания связей с Африкой¹⁹. Тем не менее, в настоящее время вопрос о возвращении России в Африку поставлен в повестку дня. В ходе российско-китайских переговоров высокого уровня, проведенных в мае 2018 г. по линии обществ солидарности с народами Азии и Африки, китайские партнеры высказывались также за изучение возможностей совместной согласованной работы на африканском направлении по линии ШОС.

Связи России со странами *Латиноамериканского региона* носят многоплановый характер: развивается взаимодействие на политической арене, торгово-экономические отношения. Основной базовой составляющей и основой для развития внешней политики в Латиноамериканском регионе является совпадение взглядов и подходов к основным международным проблемам. Латинская Америка является надежным партнером Российской Федерации в деле решения общемировых проблем, таких, например, как борьба с новыми вызовами и угрозами, поддержание стратегической стабильности и обеспе-

чение безопасности. Латинская Америка представляет для Российской Федерации большой стратегический резерв, способный помочь укрепить позиции России на международной арене. И на первое место выходит взаимопонимание в вопросе построения многополярного мира.

Дружественные отношения с такими странами как Куба, Никарагуа, Венесуэла создают определенный дискомфорт мировому господству США, а все более возрастающее тесное сотрудничество с такими странами как Бразилия, Аргентина, Уругвай смещают центр политической и деловой активности все более на Юг, все далее от США и Канады, которые традиционно считались основой политической стабильности и силы в Америке. Смело можно предсказать, что Латинская Америка станет полем битвы за геополитическое влияние между самыми влиятельными акторами, поэтому РФ потребуются большие усилия в проведении внешней политики в рассматриваемом регионе, чтобы отстоять свои интересы.

Президент РФ Владимир Путин выразил поддержку легитимному президенту Николасу Мадуро, отмечая, что вмешательство в дела государства извне совершенно недопустимы. Россия, по сути, возглавила противодействие США по вопросу власти в Венесуэле в ООН и уже направила в Каракас группу экономических экспертов, чтобы помочь выправить ситуацию в стране.

Китай при этом аккуратно и, как будто, с опаской заявляет о поддержке Н. Мадуро, присоединяясь к позиции России в Совете безопасности ООН, однако скромно держится в тени. Пекин периодически призывает стороны «проявлять сдержанность» и предлагает Вашингтону и Каракасу решить проблемы компромиссом²⁰.

Таким образом, результаты сравнительного анализа геополитических компонентов в политике сторон «треугольника» дают основание предположить, что Россия, Китай и США отличаются в выборе мер для достижения общих целей, в особенности в том, что касается региональной архитектуры безопасности.

Некоторые разногласия между США и Россией по глобальным вопросам, в частности обеспокоенность России в отношении американских программ противоракетной обороны, проявляются и в Азиатско-Тихоокеанском регионе.

Подходы Вашингтона и Москвы к Китаю также различаются. Несмотря на то, что американо-китайские отношения сочетают элементы сотрудничества и соперничества, США склонны открыто противостоять Китаю по проблемам экономики, политики и безопасности, где между ними существуют разногласия.

Россия намеренно минимизировала области разногласий в отношениях с Китаем и не допускает, чтобы споры ее партнеров с Китаем оказывали влияние на российско-китайские отношения.

Эти различия, как представляется, сохранятся и в дальнейшем. Вероятно, главной областью расхождения подходов Москвы и Вашингтона явится система двусторонних альянсов США в Азии. Россия не считает, что система двусторонних альянсов с США, сформированная во время холодной войны, является адекватной архитектурой, соответствующей нынешним вызовам региональной безопасности.

Такой подход отражается в российских предложениях, касающихся архитектуры региональной безопасности. Хотя российские политики признают, что американские альянсы не будут распущены, существующие альянсы могут быть, согласно их предложениям, инкорпорированы в инклюзивную платформу региональной безопасности, сходную с ОБСЕ в Европе. В то же время США отвергают российское предложение, поскольку альянсы остаются критически важной основой американского присутствия в регионе.

Учитывая уровень недоверия в отношениях, маловероятно, что США и Россия достигнут договоренности относительно переформулирования основ архитектуры региональной безопасности. В то же время обе страны смогут продолжать обсуждать эти вопросы на таких многосторонних форумах, как АТЭС, Восточноазиатский саммит и Региональный форум АСЕАН.

Тем не менее, при сравнении ситуации в АТР с ситуацией в евроатлантическом регионе или на Ближнем Востоке становится очевидным, что Азиатско-Тихоокеанский регион остается тем местом, где совпадающие интересы Москвы и Вашингтона более выражены, нежели их разногласия.

Текущее ухудшение отношений значительно сокращает возможности России и США сотрудничать по вопросам региональной безо-

пасности и экономического сотрудничества, представляющим взаимный интерес. Несмотря на негативные тенденции, в средне- и долгосрочной перспективе потребность в российско-американском сотрудничестве, в особенности в сферах обеспечения региональной безопасности и экономической интеграции, будет сохраняться.

Таким образом, оценка роли геополитического компонента в рамках «стратегического треугольника» позволяет сделать следующие рекомендации по обеспечению национальной безопасности России в «стратегическом треугольнике» Российская Федерация—Китай—США.

Во-первых, в средне- и краткосрочной перспективе повестка двустороннего взаимодействия *России* и *США* будет ограниченной. Тем не менее, двусторонний диалог по региональным проблемам не теряет своего значения для уменьшения недопонимания и снижения вероятности возникновения непреднамеренного конфликта. Это особенно важно в свете того, что украинский кризис сильно изменил относительную значимость Азиатско-Тихоокеанского региона для внешней политики России.

Все это обуславливает необходимость активизации двусторонних контактов между Российской Федерацией и Соединенными Штатами на различных площадках разрешения международных проблем.

Во-вторых, в средне- и краткосрочной перспективе повестка двустороннего взаимодействия России и Китая будет увеличиваться. Важность стратегического сотрудничества с Китаем будет возрастать. Несмотря на договоренности относительно «сопряжения», усиление позиций КНР в Центральной Азии напрямую затрагивает перспективы евразийской интеграции, так как проекты, которые продвигают Москва и Пекин — ЕАЭС и ЭПШП — направлены на выстраивание региональной архитектуры вокруг собственного интеграционного ядра.

Это обуславливает необходимость продолжения поиска компромиссов между Россией и Китаем при реализации глобальных интеграционных проектов в Евразии.

Реализация же США в Центральной Азии собственных экономических и военных проектов подразумевает совместное с Китаем

противодействие этим инициативам и блокирование попыток восстановления американского влияния в странах этого региона.

В-третьих, взаимодействие России и Китая в Арктическом регионе рассматривается в контексте сопряжения Инициативы Пояса и Пути и Северного морского пути. Это обуславливает необходимость продолжения взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Китаем при реализации проектов освоения Арктики и, возможно, совместных действий по блокированию наращивания США арктической группировки войск (сил).

В-четвертых, Россия как евразийская страна имеет долгосрочные военные, политические и экономические интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Суть этих интересов состоит в том, чтобы обеспечить здесь не только безопасность России, но и ее геэкономические позиции, существенно повысить конкурентоспособность нашей страны. Это обуславливает необходимость продолжения взаимовыгодного военного и экономического сотрудничества между Россией и Китаем при реализации Евразийских проектов, а также выработки единой позиции по разрешению конфликтов в АТР и/или поиску политических компромиссов с США.

В-пятых, основой внешней политики России в Ближневосточном, на Африканском и в Латиноамериканском регионах мира должно стать осознание своих национальных интересов. При этом реалистическое (реалистичное?) поведение в процессе принятия внешнеполитических решений подразумевает оценку собственных экономических и военных возможностей нашей страны в ближайшей и дальнейшей перспективе. В своем стремлении усилить собственный военный потенциал и военно-политическое влияние в этом регионе Россия может активизировать сотрудничество не только с региональными акторами, но и с Китаем, для комплексного решения сирийской, ливийской и венесуэльской проблем. Это обуславливает возможность поиска условий взаимоприемлемого военного сотрудничества между Россией и Китаем при разрешении вооруженных и/или политических конфликтов в этих регионах мира, а также выработки единой позиции в ходе реализации политических компромиссов с США.

Примечания

¹ Михайлов В.А. Глава 7 Россия и США в новых геополитических реалиях // Геополитика: учебник. 2007. URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-geopolitika/rossiya-ssha-novyih-geopoliticheskikh.html>

² Совокупный (внутренний и внешний) долг государства превысил 4,6 трлн долл.

³ Баранов Н.А. Лекция 3. Евро-Атлантический вектор внешней политики России. URL: <https://nicbar.ru/politology/study/55-kurs-sovremennaya-vneshnepoliticheskaya-strategiya-rossii-i-mezhdunarodnye-konflikty/572-lektsiya-3-evro-atlanticheskij-vektor-vneshnej-politiki-rossii>

⁴ Си Цзиньпином было заявлено, что к 2025 г. Китай будет доминировать в мировой высокотехнологичной промышленности, еще через 10 лет будет доминировать в Тихоокеанском регионе, а к середине века — править миром. URL: <https://inosmi.ru/politic/20181012/243444393.html>

⁵ Китай выступает за создание системы международных отношений и нового международного политического и экономического порядка на основе пяти принципов мирного сосуществования, а не брать в качестве критерия социальной строй, идеологию или представления о ценности. URL: <http://febras.ru/partneru/kitaj/197-vneshnyaya-politika.html>

⁶ Часть значений термина «*нарратив*» совпадает со значениями общепотребительных слов «*повествование*», «*рассказ*».

⁷ Картунов А.В. Китай и США в Азии: четыре сценария на будущее. URL: <https://russiancouncil.ru/analytcs-and-comments/analytcs/kitay-i-ssha-v-azii-chetyre-stsenariya-na-budushchee/#detail>

⁸ Ли Синь Китайский взгляд на создание Евразийского экономического пространства. Доклад международного дискуссионного клуба «Валдай». URL: <http://ru.valdaiclub.com/files/13898/>

⁹ В Совместном заявлении Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шёлкового пути от 8 мая 2015 г. URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971>

¹⁰ Контактная группа «ШОС — Афганистан» встретится 28 мая в Пекине // Sputnik. 26 мая 2018 г. URL: <https://ru.sputnik-tj.com/world/20180526/1025685269/afghanistan-shos-vstrecha.html>

¹¹ URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451>

¹² Концепция внешней политики РФ. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1>

¹³ *Капустин Н.* Сопряжение Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути: дилемма интеграции? <http://russiancouncil.ru/blogs/nikolay-kapustin/sopryazhenie-evraziyskogo-ekonomicheskogo-soyuza-i-ekonomicheskogo-poya/>

¹⁴ Россия и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе / пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, Международный институт стратегических исследований, 2016. 45 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_014.pdf

¹⁵ Путин рассказал о дорожной карте по решению проблем Корейского полуострова // ТАСС. 1 сентября 2017 г. URL: <https://ria.ru/world/20170901/1501520760.html>

¹⁶ Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30 ноября 2016 г. № 640. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/41451/page/1>

¹⁷ *Brzezinski Z.* Strategic Vision: America and the Crisis of Global Power. Basic books, New York, 2013. P. 123.

Schelling T.C. The Strategy of Conflict. Harvard University Press, London, 1980. P. 3. Валдайские записки № 96. Ноябрь, 2018.

¹⁸ *Вахшутех А.Н.* Политика России на Ближнем Востоке в контексте кризиса в Сирии: вызовы и возможности. DOI: 10.22363/2313-1438-2018-20-1-36-42. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-rossii-na-blizhnem-vostoke-v-kontekste-krizisa-v-sirii-vyzovy-i-vozmozhnosti>

¹⁹ В июле 2018 г. президент России Владимир Путин сообщал, что объём российской помощи Африке за 2017 год составил чуть более 1 млрд долл., что ровно в 8,7 раза меньше того, что было потрачено на африканские страны Госдепом и Агентством США по международному развитию (USAID) за этот же год. URL: <https://russian.rt.com/world/article/583235-rossiya-kiati-ssha-afrika-protivos-toyanie>

²⁰ Однако для страны, которая имеет мощные экономические рычаги влияния на страны Латинской Америки и обладающей огромным океанским флотом, подобное поведение удивительно. URL: <https://nation-news.ru/428845-politika-rossii-v-otnoshenii-venesuely-boleev-perspektivna-i-opravdana-chem-poziciya-kitaya-smi>

Д.В. Гордиенко

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИКИ КНР В «СТРАТЕГИЧЕСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ» РОССИЯ—КИТАЙ—США

В Китае все больше склонны считать взаимодействие с зарубежными странами не только результатом, но одним из главных факторов, способствующих социально-экономическому росту Китая. Он стремится компенсировать снижение своих темпов роста, используя политику экспорта капитала и избыточных мощностей в госсекторе. Комплексные стратегии, такие как «Инициатива Пояса и Пути» для Евразии, Юго-Восточной и Восточной Азии, или инвестиции в рынки «на фронтире» в Африке и Латинской Америке, обуславливают необходимость развития новаций во внешней политике для создания благоприятного климата для экспансии китайского капитала¹.

Недавние визиты Си Цзиньпина на Ближний Восток, его участие в саммитах БРИКС, встречах Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) в Центральной Азии и визиты в страны Южной Азии (так же, как и поездки в страны Африки и Европы) сопровождались обещаниями крупных инвестиций и технического содействия развитию транспортной инфраструктуры. В настоящее время происходит консолидация новых региональных зон китайского влияния.

Значение геополитического компонента в политике Китая в отношении *США* определяется успешной реализацией концепции

«Пояса и Пути»². Именно эта сверхзадача и определяет краткосрочную и среднесрочную стратегию КНР в отношении США. Поэтому Пекин готов к соперничеству, но в большей мере его устраивает позитивное, либо нейтральное отношение Вашингтона к проектам в рамках «Пояса и Пути»³. Этим, в частности, объясняется и взвешенная и с некоторым временным «запаздыванием» реакция КНР на торговый демарш США⁴. Однако ускоряющееся развитие событий вынудило Китай перейти к ответному введению пошлин на американские товары.

Таким образом, Пекин старается отвечать на новые американские претензии в кооперативистском ключе, акцентируя внимание на необходимости укреплять взаимное доверие и правильно понимать Китай, который не собирается отходить от курса на партнерство с США. Однако в условиях нового американского давления Китаю приходится идти на новые уступки США, на новые договоренности, чтобы очередная фаза ухудшения китайско-американских отношений не стала помехой для реализации его собственных глобальных планов.

В обозримой перспективе на характере отношений Китая и США может начать сказываться внутренняя политическая ситуация в КНР⁵.

Геополитический компонент в политике Китая в отношении *России* предлагает собственные варианты глобального и регионального порядка (в особенности в Азиатско-Тихоокеанском регионе) и более жесткого продвижения свои интересов. Такая политика Китая в будущем может изменить всю «материальную базу» российско-китайских отношений⁶.

Китай использует российский «разворот на Восток» для решения собственных стратегических задач. Отказ Китая присоединиться к западным санкциям основывается не на политической солидарности с Россией, но, скорее, на желании продвигать китайские деловые интересы. Китайские компании стремятся использовать возможности для расширения своего присутствия на российских рынках и получения доступа на рынки информационных технологий, автомобиле- и машиностроения, производства высокотехнологичного оборудования и развития инфраструктуры.

Инициатива создания *Экономического пояса Шелкового пути* предполагает создание в Евразии «большой международно-экономической «ниши», куда можно будет «вкладывать» практически все проекты, планируемые во внешнеполитической и внешнеэкономической сферах КНР. Кроме того, инициатива ЭПШП подразумевает построение на евразийском пространстве симбиотической системы, характеризующейся свободной структурой, высокой инклюзивностью, ее основным принципом является «партнерство без образования союза».

В Пекине исходят из того, что *Центральная Азия* играет стратегически важную роль в обеспечении национальной безопасности современного Китая. Наряду с Россией, этот регион выступает для него в качестве своего рода глубокого тыла, беспроблемной опоры перед лицом все более тревожащей Пекин переориентации военных акцентов США на тихоокеанский бассейн, где нарастает конкуренция двух центров тяготения — США и КНР. К тому же заметна оправданная обеспокоенность Китая по поводу активизации заходов Запада в отношении Центральной Азии на фоне неопределенности афганского фактора.

Реализация китайской политики в Центрально-Азиатском регионе происходит с использованием ряда инструментов.

Готовность КНР идти на широкое *экономическое взаимодействие* и вкладывать значительные суммы денег в реализацию значимых для стран ЦА проектов постепенно подталкивает элиты региона к сближению с Китаем. При этом значительную роль в китайском финансировании проектов в Центральной Азии играют связанные кредиты, которые предоставляются под низкие проценты, однако в обязательном порядке подразумевают привлечение китайских материалов, техники либо рабочей силы для выполнения работ⁷. Применение подобных инструментов позволяет максимально задействовать китайские производственные ресурсы и приводит к постепенному росту экономического присутствия КНР в тех или иных отраслях сотрудничества стран ЦА.

Создание *ШОС*, политического образования несоюзного характера, придало институциональный оттенок связке Китай и Центральная Азия. Через ШОС Пекин легитимизировал свой голос в делах, касающихся этого региона⁸. Китай явно настроен на то, чтобы

его голос в делах Центральной Азии не мог быть никак поколеблен, равно как и не оказался размытым фокус внимания ШОС, приходящийся на этот регион. Это можно уловить из его линии в нескольких актуальных для ШОС аспектах.

Во-первых, Пекин отчетливо понимает, что Афганистан, эта неспокойная страна, вновь становится «головной болью» для ШОС. Он осознает, что организация не может занять позицию отстраненности от этой проблемы⁹. Кроме того, Китай, судя по всему, реально опасается дестабилизации центральноазиатского направления из-за двигающейся с Ближнего Востока на Восток и на Север волны хаотизации и воинствующего ислама.

Во-вторых, аккуратный, взвешенный подход, который Пекин демонстрирует в вопросе о расширении основного «ядра» ШОС.

В-третьих, если обратиться к экономической составляющей ШОС, за динамизацию которой ратует Китай, то на сегодня вырисовывается картина, изобилующая «непрорисованными» местами¹⁰, что не согласуется с имеющейся программой ШОС о поэтапном создании к 2020 г. условий для свободного движения товаров, капиталов и услуг.

Тем не менее важным фактором в проникновении Китая в Центрально-Азиатский регион выступает значительный уровень негативных настроений по отношению к росту влияния Китая в регионе со стороны местного населения¹¹. При этом, несмотря на наличие антикитайских настроений в массах, элиты государств региона стремятся укрепить свои связи с восточным соседом, видя в нем важнейшего инвестора в инфраструктурные и транспортные проекты в ЦА. Китай рассматривается в качестве необходимого в долгосрочной перспективе партнера¹². Одновременно Китай, понимая важность взаимодействия с молодежью, активно проводит политику привлечения студентов из государств ЦА в китайские вузы¹³.

Таким образом, Пекин в ближайшее время способен не только нарастить экономическое влияние, но и потенциал «мягкой силы», что будет способствовать дальнейшему укреплению его позиций в Центральной Азии.

В связи с ростом экономического и политического влияния Китая, увеличением его военно-стратегического потенциала претерпе-

вает значительные изменения баланс сил в *Азиатско-Тихоокеанском регионе*: на передний план выходят не экономическое взаимодействие, а военно-политические вопросы. Трансформация традиционного положения также в определенной степени обусловлена снижающимся влиянием США в региональных процессах и непредсказуемостью политики администрации Д. Трампа.

В целом, динамика международных отношений в АТР во многом определяется конфронтационным характером *американо-китайских отношений*¹⁴. В свою очередь, Китай подчеркивает, что он не стремится к конфронтации с США и в публичном поле демонстрирует готовность к сотрудничеству на основе взаимоуважения и взаимной выгоды.

Политика Китая в *Евро-Атлантическом регионе* направлена, прежде всего, на налаживание экономического сотрудничества со странами Европы. ЕС является главным торговым партнером КНР, на которого приходится 13,4 % всего торгового оборота страны (429 млрд евро, 2016 г.). КНР также стала важнейшим источником капиталовложений для европейских экономик, прежде всего в инфраструктуру¹⁵.

В тоже время «Евротройка» (Германия, Франция, Великобритания) и страны Центральной и Восточной Европы также глубоко заинтересованы в экономическом сотрудничестве с КНР¹⁶.

ФРГ является ключевым торговым партнером Китая в Европе, на которого приходится половина экспорта из ЕС в КНР. Германия и Китай развивают отношения «всеобъемлющего стратегического партнерства» в рамках 70 диалоговых форматов, а также ежегодных встреч на уровне федерального канцлера и премьер-министра¹⁷.

Особый динамизм британо-китайским отношениям придал визит председателя КНР Си Цзиньпина в Лондон в октябре 2015 г., в ходе которого были подписаны соглашение с китайской компанией *CGN* по строительству АЭС в Великобритании, договор между британской и китайской корпорациями *BP* и *Huadian* о поставке в Китай сжиженного природного газа (СПГ) на сумму до 10 млрд долл., а также ряд двусторонних соглашений в сфере торговли (на сумму свыше 30 млрд фунтов стерлингов), промышленности и самолетостроения¹⁸.

Франция — третий по значимости партнер КНР среди государств-членов ЕС. Париж воспринимает отношения с Пекином, прежде всего, как источник восстановления экономического роста. С 2009 г. лейтмотивом франко-китайских отношений стал прагматизм¹⁹.

Поездка Си Цзиньпина в Италию и Францию в 2019 г. ознаменовалась подписанием соглашения о присоединении Италии к «Одному поясу, одному пути» — Италия стала первой страной «большой семерки», официально поддержавшей китайскую программу построения нового мирового порядка.

Одним из примеров установления Китаем связей торгово-экономического и инвестиционного характера, а также в области культуры, туризма, науки и образования со странами Центральной и Восточной Европы, стал *формат «16+1»* — экономическая программа сотрудничества между Китаем и странами Центральной и Восточной Европы²⁰.

Формат «16+1» уникален тем, что это, по сути, единственный пример внешнеполитического взаимодействия между целой группой европейских стран и внерегиональной державой (Китаем), осуществляемого вне рамок Евросоюза²¹.

Взаимодействие Китая и стран Центральной и Восточной Европы принесло впечатляющие результаты. В первую очередь значительно вырос объем взаимной торговли²². Объем китайских инвестиций в страны-участницы формата по данным на 2016 год составил 8 млрд долл. За счет этих денег были реализованы масштабные инфраструктурные проекты: скоростная железная дорога Будапешт — Белград (пока на сербской территории), трасса E763 в Сербии и т. д.²³ Приобретение же Китаем порта Пирей в Греции и его развитие в очень сжатые сроки свидетельствуют о геэкономических амбициях Китая в Европе²⁴.

Также можно говорить и о значительном прогрессе в развитии туристического взаимодействия: с 2012 по 2017 г. из Китая в страны Центральной и Восточной Европы были запущены 6 новых прямых рейсов, а количество китайских туристов в этих странах выросло с 280 до 930 тысяч человек.

Основным лейтмотивом политики КНР²⁵ в *Арктическом регионе* является экономическая выгода. Китай за последние несколько лет закрепил за собой статус постоянного участника освоения Арктики, что, несомненно, влияет на развитие международных отношений в этом регионе²⁶. Экономическая значимость Арктики для КНР объясняется растущей потребностью Китая в ресурсах, поэтому Китай вряд ли будет стремиться в такой сложный для себя исторический момент идти на риск эскалации конфликта вообще где бы то ни было, и, тем более, в столь отдаленном и экстремальном по климатическим условиям районе²⁷.

КНР заинтересована в расширении прав на судоходство (возможность свободного прохода по СМП, реализация «Северного шелкового пути»²⁸), свободе ведения хозяйственной деятельности на арктических территориях (например, на архипелаге Шпицберген), возможности долгосрочной аренды земельных участков для добычи полезных ископаемых или иных целей²⁹ (рис. 1).

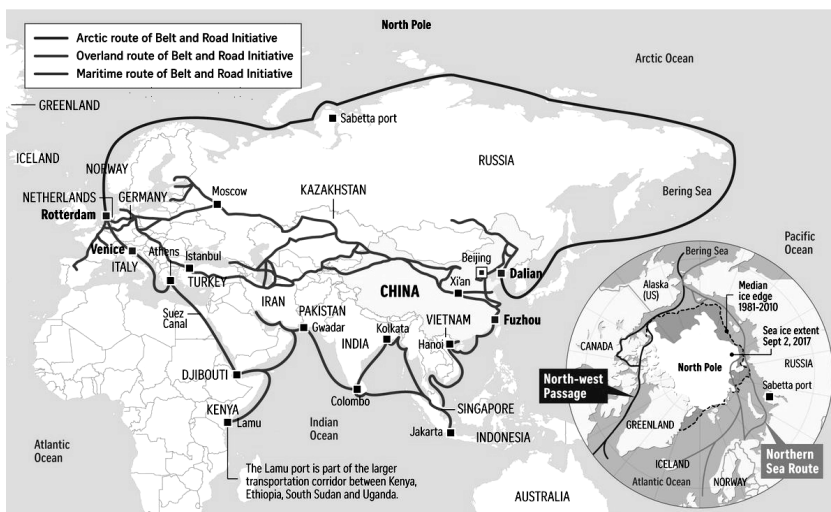

Рис. 1. Использование Китаем северного полюса в интересах Шелкового пути

Хотя Китай готов участвовать также в природоохранной и научной деятельности в Арктике³⁰, наибольшие суммы вкладываются им в сферу логистики и добычи энергоресурсов.

Вместе с тем экономика накладывает и ограничение на сотрудничество Китая в Арктике. Именно эти границы обуславливают относительную нерешительность КНР в процессе участия в *российских* арктических инвестиционных проектах³¹.

В настоящее время Китай собирает силы для более плотного участия в освоении арктических ресурсов и маршрутов: формирует инфраструктуру, наращивает технологический и кадровый потенциал. В части Большой стратегии, которая охватывает период тринадцатой пятилетки на 2016—2020 гг., отдельно прописано намерение Китая принимать активное участие в законотворческих инициативах в Арктике³².

В дальнейшем следует ожидать попыток Китая продемонстрировать готовность отстаивать свои интересы, в том числе с помощью военно-морского флота³³. Таким образом, Китай готовит условия для наступательной политики в арктическом направлении, стремясь к расширению собственных возможностей, зон влияния, к экономическому и стратегическому превосходству.

Заинтересованность Китая в Арктике носит долговременный характер, поскольку ресурсы и судоходные маршруты способны существенно расширить стратегические преимущества Китая, в том числе в конкурентной борьбе. В связи с этим Китай не отступит от достигнутых в Арктике результатов и будет продолжать принимать активное участие в арктической политике. Арктическая политика Китая является частью внешнеполитической стратегии, направленной на расширение глобального присутствия и влияния. Однако в связи с географической удаленностью и труднодоступностью акватории/территории, недостаточно развитой инфраструктурой и приоритетностью иных задач, пока она проводится с помощью «мягкой силы»³⁴.

Таким образом, хотя и с рядом ограничений, но Китай становится неотъемлемой частью системы международных отношений в Арктике. Подключение Китая к арктическому диалогу создает иную политическую реальность, которая подталкивает региональных иг-

роков к более тесному взаимодействию как на двусторонней, так и многосторонней основе, что в конечном итоге будет способствовать выработке более емкого и сбалансированного механизма освоения и сбережения уникального Арктического региона.

Китай активно выстраивает отношения со странами *Ближневосточного региона* в течение двух десятилетий и добился ощутимых политических и экономических успехов. К тому же интерес к этому региону во многом связан с долговременными задачами внешней политики Китая³⁵.

Регион Ближнего Востока сегодня приобретает большое значение для КНР в связи с началом реализации планов Китая по осуществлению Инициативы Пояса и Пути (ИПП). Основными целями этого проекта являются: во-первых, постепенное вовлечение экономик и рынков стран Ближнего Востока в зону влияния торгово-экономических и геополитических интересов Поднебесной, во-вторых, обеспечение эффективного продвижения китайских товаров на Европейский континент, в-третьих, обеспечение безопасности поставок в Китай энергоресурсов через Индийский океан и Малаккский пролив³⁶.

В рамках стратегии «гармоничного мира» на Ближнем Востоке Китай целенаправленно использует следующие комплексы активных мероприятий. *Во-первых*, подписание различного рода контрактов о свободной торговле, предоставление на взаимовыгодных условиях беспроцентных кредитов на экономические проекты, погашение долгов стран региона перед КНР и т. д. *Во-вторых*, постоянное освещение в СМИ гуманитарной и миротворческой миссии Поднебесной и дипломатическая помощь государствам Ближнего Востока. *В-третьих*, активное и целенаправленное продвижение китайского языка и китайской культуры в страны арабского мира, использование китайской диаспоры для решения поставленных экономических и политических проблем³⁷.

При решении поставленных задач КНР не только стремительно наращивает экономическое сотрудничество со странами Ближнего Востока³⁸, но и предпринимает серьезные шаги в целях вытеснения США и их союзников с рынков этого региона³⁹.

В целом в своей ближневосточной стратегии Китай старается открыто не вмешиваться в конфликтные сферы запутанной восточной политики. Но стремительное развитие ситуации в регионе во все большей степени вынуждает Китай предпринимать пока только малозаметные шаги с целью обеспечения собственной безопасности.

В итоге Китай вынужден все активнее принимать участие в разрешении основных противоречий на Ближнем Востоке⁴⁰. КНР поддерживает суверенитет и территориальную целостность Сирии, выступает за прекращение насилия и урегулирование сирийского кризиса исключительно мирными средствами. Более того, в Поднебесной полагают, что *Россия* и *США* должны провести консультации по прекращению огня в зоне конфликта и обеспечить оказание гуманитарной помощи стране. При этом руководство Китая считает, что решение сирийского вопроса должно проходить при содействии и под наблюдением ООН. Поднебесная и в дальнейшем намерена прилагать усилия для продвижения межсирийского диалога и налаживания мирной жизни в стране. В то же время вероятность того, что Китай присоединится к силовой операции в Сирии на стороне Дамаска и Москвы, мала, так как руководство КНР старается не втягивать вооруженные силы страны в открытые конфликты за пределами зоны своих стратегических интересов⁴¹.

Главным фактором, который угрожает выполнению поставленных стратегических задач КНР на Ближнем Востоке, является *значительное военно-политическое присутствие США* в регионе⁴². Но Китай пока не видит никакой опасности для своих ближневосточных проектов со стороны США, полагая, что американцы не обладают такими возможностями и ресурсами, которые могли бы сорвать стратегические планы КНР.

Многие арабские страны рассматривают КНР не только как надежного партнера, но и как альтернативную силу на Ближнем Востоке. При этом сами китайцы довольно успешно работают над формированием в регионе имиджа «дружественной и ответственной державы». Основным преимуществом внешней политики Поднебесной является то, что КНР выстраивает отношения с каждой из ближневосточных стран с учетом ее национальных особенностей и приоритетных областей сотрудничества.

В *Африканском и Латиноамериканском регионах* особенно рельефно просматриваются ресурсно-сырьевые, инвестиционные, гуманитарные (создание положительного имиджа), политические интересы КНР. Китай в последние годы весьма интенсивно развивает связи с африканскими странами. Основа китайского влияния в регионе — инфраструктурные проекты, в том числе в рамках инициативы «Один пояс — один путь». В сентябре 2018 г. во время проведения в Пекине «Форума китайско-африканского сотрудничества» председатель КНР Си Цзиньпин пообещал в ближайшие годы вложить в развитие африканских стран 60 млрд долл.

Кроме того, Китай расширяет свое военное присутствие в регионе. В прошлом году КНР открыл в Джибути свою первую военноморскую базу⁴³.

Факт списания Китаем 33 африканским странам долгов и создание Форума «Китай—Африка», несомненно, усилили позиции КНР на «Черном Континенте».

Китай ежегодно инвестирует в Латинскую Америку не менее, чем по 10 млрд долл.⁴⁴ Китайское руководство разрешило Аргентине продавать КНР свое зерно за юани, на которые аргентинские фирмы покупают у Китая сельскохозяйственное оборудование. В 2010 г. Китай открыл внутренний межбанковский рынок своих облигаций для иностранных банков, имеющих накопления в юанях.

Примечания

¹ Фролова И.Ю. Китайский проект «Экономический пояс Шёлкового пути»: развитие, проблемы, перспективы. URL: <https://docplayer.ru/31779716-Kitayskiy-proekt-ekonomicheskii-poyas-shyolkovogo-puti-razvitie-problemy-perspektivy.html>

² URL: <https://docplayer.ru/31779716-Kitayskiy-proekt-ekonomicheskii-poyas-shyolkovogo-puti-razvitie-problemy-perspektivo.html>

³ США—Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства. Под ред. Л.С. Варгазаровой, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 65 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_12.pdf

⁴ США—Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства. Под ред. Л.С. Варгазаровой, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 65 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_12.pdf

⁵ США—Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства. Под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 65 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_12.pdf

⁶ URL: <https://www.vestifinance.ru/articles/120393>

⁷ Пекин превосходит Москву по своим финансовым возможностям. Уставной капитал Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) по учредительным документам составил 100 млрд долл., а Евразийского банка развития (основного финансового института ЕАЭС) — только 7 млрд долл. Это говорит о значительно более широких возможностях Китая по финансированию различных проектов в Центральной Азии. URL: https://russiancouncil.ru/blogs/nikolay-kapustin/33975/?sphrase_id=9156375

⁸ Договор 2007 г. о дружбе, сотрудничестве и добрососедстве. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/22703>

⁹ Клименко А.Ф. Стратегия развития Шанхайской организации сотрудничества: проблема обороны и безопасности. М.: ИДВ РАН, 2009. 270 с. URL: http://www.ifes-ras.ru/attaches/books__texts/strategiya_razvitiya.pdf

¹⁰ Пять стран — основательниц организации (без КНР) входят в СНГ. URL: <http://eurasian-defence.ru/?q=node/22703>

¹¹ URL: <https://russiancouncil.ru/blogs/nikolay-kapustin/33975/>

¹² URL: <https://lenta.ru/news/2016/02/05/gochinese/>

¹³ URL: https://russiancouncil.ru/blogs/nikolay-kapustin/33975/?sphrase_id=9926114

¹⁴ Воробьев В.Я. Приход администрации Д. Трампа и китайско-американские отношения / В.Я. Воробьев, И.Е. Денисов, А.Д. Дикарев, А.В. Лукин; МГИМО МИД России, Институт международных исследований. М.: МГИМО-Университет, 2018. 66 с. URL: <https://mgimo.ru/upload/2018/11/prihod-administracii-d-trampa-i-kitajsko-amerikanskije-otnosheniya.pdf>

¹⁵ Godement F., Stanzel A. The European Interest in an Investment Treaty with China // Policy Brief, 2015, no. 127. 10 p. European Council on Foreign Relations (ECFR). URL: [http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127-_The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_\(both_graphics\).pdf](http://www.ecfr.eu/page/-/ECFR127-_The_European_interest_in_an_investment_treaty_with_China_(both_graphics).pdf)

¹⁶ European Union, Trade in goods with China // European Commission — Directorate-General for Trade. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113366.pdf (дата обращения: 15.08.2017). European Union, Trade in goods with US // European Commission — Directorate-General for Trade. URL: http://trade.ec.europa.eu/doclib/docs/2006/september/tradoc_113465.pdf

¹⁷ Жданова Ю.Д., Истомин И.А. Реакция ЕС на экономическое возвышение КНР. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reaktsiya-es-na-ekonomicheskoe-vozyshenie-knr>

¹⁸ Theresa May's Brexit speech: A Global Britain // The Spectator, 17.01.2017. URL: <https://blogs.spectator.co.uk/2017/01/theresa-mays-brexit-speech-global-brtain/>

¹⁹ *Жданова Ю.Д., Истомин И.А.* Указ. соч.

²⁰ Европейский Союз: Факты и комментарии Выпуск 88—89: Апрель—Сентябрь 2017 г. Электронное издание / под ред.: Ю.А. Борко (отв. ред.), О.В. Буториной, В.В. Журкина, О.Ю. Потемкиной. URL: <http://aervis.ru/upload/ckeditor/files/magazine/88-89.pdf>

²¹ *Жданова Ю.Д., Истомин И.А.* Реакция ЕС на экономическое возвышение КНР // Вестник МГИМО-Университета. 2017. № 5 (56). С. 91—113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reaktsiya-es-na-ekonomicheskoe-vozvyschenie-knr>

²² *Ху Епин.* Роль Китая в углублении валютно-финансового сотрудничества стран АТР. Диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук. URL: https://mgimo.ru/science/diss/Khu-epin_diss.pdf

²³ Европейский Союз и страны Центральной и Восточной Европы. Информационно-аналитический бюллетень. URL: <http://www.imepi-eurasia.ru/baner/blt4.pdf>

²⁴ URL: <https://polpred.com/news>

²⁵ Политика Китая в Арктике. URL: http://english.gov.cn/archive/white_paper/2018/01/26/content_281476026660336.htm

²⁶ *Caiming, Y.; Li, M.* Challenges of Arctic Security Issues and Regional Security Governance (北冰洋安全問題與 區域安全治理之挑戰) // *Soochow Political Sciences*, 2011. Vol. 29. Part 1. P. 115; *Jakobson, Linda.* China Prepares for an Ice-free Arctic // *SIPRI Insights on Peace and Security*. 2010. No. 2. P. 16.

²⁷ *Li, Zhenfu.* Obstacles to China' Participation in the International Arctic Route Mechanism and Countermeasures // *Navigation of China*, 2009, No. 32, Vol. 29, Part 1, p. 101; *Jakobson, Linda.* China Prepares for an Ice-free Arctic // *SIPRI Insights on Peace and Security*, 2010, No. 2. P. 2.

²⁸ Политика Китая в Арктике и ее влияние на регион. URL: <http://nic-pnb.ru/analytics/politika-kitaya-v-arktike-i-ee-vliyanie-na-region/>

²⁹ *Bennett, Mia.* Chinese Naval Ships Near Aleutians highlight history of Asian Presence in North Pacific. September 10, 2015. URL: <http://cryopolitics.com/category/chinatrade/>

³⁰ Политика Китая в Арктике и ее влияние на регион. URL: <http://nic-pnb.ru/analytics/politika-kitaya-v-arktike-i-ee-vliyanie-na-region/>

³¹ *Коньшев В.Н., Кобзева М.А.* Политика Китая в Арктике: традиции и современность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitaya-v-arktike-traditsii-i-sovremennost>

³² Highlights of Proposals for China's 13th Five Year Plan. November 4, 2015. URL: http://news.xinhuanet.com/english/photo/2015-11/04/c_134783513.htm

³³ *Wright, David C.* The Panda Bear Readies to Meet the Polar Bear: China Debates and Formulates Foreign Policy towards Arctic Affairs and Canada's Arctic Sovereignty. Canadian Defence & Foreign Affairs Institute. March 2011. P. 6. URL: https://d3n8a8pro7vhm.cloudfront.net/cdfai/pages/42/attachments/original/1413673951/The_Panda_Bear_Readies_to_Meet_the_Polar_Bear.pdf?1413673951

³⁴ *Конышев В.Н., Кобзева М.А.* Политика Китая в Арктике: традиции и современность. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politika-kitaya-v-arktike-traditsii-i-sovremennost>

³⁵ Китайское правительство опубликовало первый документ о политике в отношении арабских стран. URL: http://russian.news.cn/2016-01/13/c_135006591.htm (дата обращения: 19.03.2018).

³⁶ *Бирюков Е.С.* О практике долгосрочного планирования в арабских монархиях. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-praktike-dolgosrochnogo-planirovaniya-v-araviyskih-monarhiyah>

³⁷ *Глазунов О.Н., Савченко А.Л.* Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-prioritety-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostoka>

³⁸ Там же.

³⁹ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-prioritety-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostoka>

⁴⁰ *Глазунов О.Н., Савченко А.Л.* Особенности и приоритеты внешней политики Китая в странах Ближнего Востока. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-prioritety-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostoka>

⁴¹ URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-i-prioritety-vneshney-politiki-kitaya-v-stranah-blizhnego-vostoka>

⁴² *Антюхова Е.А.* Политические изменения в странах арабского мМира: Последствия «арабской весны» для государств Ближнего Востока и Северной Африки. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/politicheskie-izmeneniya-v-stranah-arabskogo-mira-posledstviya-arabskoy-vesny-dlya-gosudarstv-blizhnego-vostoka-i-severnoy-afriki>

⁴³ Битва за континент: почему США недовольны ростом влияния России и Китая в Африке. URL: <https://russian.rt.com/world/article/583235-rossiya-kiati-ssha-afrika-protivostoyanie>

⁴⁴ URL: <https://tass.ru/ekonomika/863492>

Д.В. Гордиенко

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ КОМПОНЕНТ ПОЛИТИКИ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ В «СТРАТЕГИЧЕСКОМ ТРЕУГОЛЬНИКЕ» РОССИЯ—КИТАЙ—США

Россия и Китай названы в Стратегии национальной безопасности США ревизионистами — то есть странами, которые хотят подвергнуть ревизии мировой порядок. В описании ключевых вызовов для США именно этим странам отводится в новой Стратегии больше всего места. При этом «нынешние вызовы свободным обществам» выглядят в интерпретации Стратегии-2017 «такими же серьезными, но более разнообразными», как «во время холодной войны, при тоталитарной угрозе со стороны Советского Союза». В новой Стратегии подчеркивается, что Китай и Россия стремятся формировать мир, который противоречит американским ценностям и интересам. При этом в Стратегии 2017 зафиксировано, что Россия имеет целью ослабить влияние США в мире и отделить Америку от ее союзников и партнеров, а Китай распространяет свою власть в ущерб суверенитету других» и «строит самую совершенную в мире после американской военную систему. Исходя из положений новой Стратегии национальной безопасности, США, соперничая с такими странами, как Китай и Россия, будет в большей степени действовать самостоятельно, без оглядки на международные организации.

Геополитический компонент в политике США в отношении *России*. В соответствии с этой Стратегией политика сдерживания России теперь будет вестись открыто и еще более ожесточенно, вне зависимости от политических перемен внутри США, какая бы группировка ни приходила к власти в Америке, до тех пор, пока Россия будет оставаться преградой на пути к главной американской цели — сохранению позиции США как единственного мирового лидера. При этом, обозначив Россию и Китай как своих главных стратегических противников, Вашингтон сам, таким образом, признал, что однополярного мира больше не существует.

Применительно к России линия США в ближайшей и среднесрочной перспективе будет, по-видимому, сводиться к:

- окончательному демонтажу коммунистической идеологии и инициированной ею планово-централизованной мобилизационной экономики;
- дальнейшему ограничению или полной ликвидации ядерного потенциала РФ;
- превращению России в аморфную конфедерацию малых государств, обладающих собственными демократическими и рыночными институтами¹;
- противодействию особо опасным гражданским, межнациональным и межрелигиозным столкновениям, могущим иметь широкомасштабные последствия;
- вовлечению РФ во второстепенные международные организации для обеспечения ее относительной внутренней стабильности и предсказуемости. Создание условий, облегчающих транснациональным корпорациям использование природных, интеллектуальных и трудовых ресурсов страны.

Таким образом, сами себя США рассматривают в качестве планетарного и доминирующего образования, а Россию — в виде периферийного и подчиненного.

Геополитический компонент в политике США в отношении *Китая*. Взаимодействие США с Китаем остается заложником политической конъюнктуры и внутривосточного расклада сил. Огромное отрицательное сальдо США в товарной торговле с КНР

(571 млрд долл. в 2017 г.) усилило протекционистские настроения в США².

США воспринимают китайскую инициативу «Пояса и Пути» как крупный инфраструктурный логистический проект. При этом отношение американского политического, экономического и военного сообществ к «сухопутной» и «морской» составляющим проекта различается³.

«Хроника торговой войны США — Китай» на сегодня выглядит, укрупненно, следующим образом. В соответствии с указом Д.Трампа о мерах по отношению к странам, допускающим нарушения законов о торговле («*Establishing Enhanced Collection and Enforcement of Antidumping and Countervailing Duties and Violations of Trade and Customs Laws*»⁴), активизировалось применение США антидемпингового и компенсационного законодательства. Американская администрация обратилась к «спящим законам»⁵.

На основе Акта о торговле 1974 г. «из соображений национальной безопасности» с 23 марта 2018 г. распоряжением Трампа были введены ограничения на импорт стали и алюминия — соответственно 25%-ная и 10%-ная пошлины. Эти ограничения, хотя и не были формально привязаны к конкретной стране, но затронули непосредственно и Китай⁶.

6 июля 2018 г. под предлогом защиты американской интеллектуальной собственности (ст. 301) было объявлено о введении дополнительных пошлин на импорт китайских товаров общей стоимостью 34 млрд долл.⁷

23 августа 2018 г. США одобрили второй транш пошлин в размере 25 % на импорт китайских товаров по 279 торговым наименованиям на общую сумму 16 млрд долл.⁸

Предпринятые США меры, в числе других факторов, спровоцировали замедление темпов роста экономики и экспорта Китая. Однако в плане их воздействия на торговлю они оказались контрпродуктивными. В ходе двусторонних торговых переговоров в августе с.г.??? американские переговорщики сместили акценты с вопросов торгового баланса на требования проведения Китаем структурных реформ в экономике⁹.

Исходя из задачи противодействия потенциальному технологическому лидерству Пекина, в июле 2018 г. США опубликовали список из 6000 товаров из Китая на сумму 200 млрд долл., которые в ближайшее время планируется обложить пошлиной в размере 10 %. Они затронут сектора, обозначенные как стратегические в масштабном китайском плане развития Made in China 2025: аэрокосмическую промышленность, ИТ и коммуникационные технологии, машинное оборудование¹⁰.

13 августа 2018 г. Трамп подписал Закон об ассигнованиях министерству обороны на 2019 финансовый год (*National Defense Authorization Act for FY 2019*), составной частью которого являются Закон «О модернизации процесса оценки рисков от иностранных инвестиций» (*Title XVII. Foreign Investment Risk Review Modernization Act — FIRRMA*¹¹), усовершенствующий деятельность Комитета по иностранным инвестициям США, и Закон о реформе экспортного контроля (*Export Control Reform Act of 2018 — ECRA*¹²), модернизирующий систему контроля над экспортом продукции коммерческого, двойного назначения и менее чувствительной (*less sensitive*) военной продукции. Закон *FIRRMA*, в частности, требует от министра торговли каждые два года представлять в Конгресс всеобъемлющий отчет о прямых инвестициях Китая в США. Закон *ECRA* требует от Министерства торговли к маю 2019 г. пересмотреть правила регулирования экспорта, касающиеся стран, попавших под эмбарго поставок вооружения (включая КНР).

Таким образом, характеризуя в целом данный этап взаимоотношений США и Китая, можно считать, что в американской политике на китайском направлении идет поиск нового баланса между стратегией экономического и политического (но уже без попыток «демократизации») вовлечения Китая и стратегией его системного сдерживания.

США рассматривают *Центрально-Азиатский регион* как часть более широких геополитических конструкций, представленных в различных стратегических концепциях: Балто-Черноморско-Каспийский демократический союз, Большой Ближний Восток (ББВ), Большая Центральная Азия (БЦА) и т. п. Во время очередной поездки американских представителей по Центральной Азии была дос-

тигнута договоренность активизировать существующие торговые механизмы, в том числе рамочное соглашение о развитии торговли и инвестиций (*TIFA*)¹³.

При этом главными инструментами американской экономической политики в ЦАР выступают инфраструктурное (прежде всего, трубопроводное) планирование, программы международных финансовых институтов (МФИ), гранты для осуществления либеральных реформ, санкции.

Но центральным элементом стратегии США в Центральной Азии была и остается энергетическая составляющая. Задействован целый ряд трубопроводных проектов, в том числе расширение Каспийского трубопроводного консорциума и осуществление проекта «Казахстанская каспийская транспортная система», которые сулят увеличение объема поставок нефти с каспийских месторождений на мировые рынки (в основном, в обход России).

Еще в середине 1990-х годов Советом национальной безопасности США была разработана концепция Южного энергетического коридора (ЮЭК) — системы трубопроводов для экспорта каспийской нефти и газа в Европу в обход России через Кавказ и Турцию. Идею поддержали ЕС и Анкара. Реализовать ее пока удалось лишь частично: запущен центральный (кавказский) отрезок коридора и продолжается строительство западного (турецкого) участка. Но ключевой восточный участок (транскаспийский) уже много лет заморожен, в результате в том числе противодействия Москвы¹⁴.

Если масштабный геополитический проект ЮЭК будет завершен, влияние России снизится в трех регионах сразу: в Европе (из-за конкуренции с каспийскими энергоносителями), в Центральной Азии (по причине ослабления российской монополии на транзит углеводородов на Запад) и на Кавказе (где лояльность местных властей Западу будет стимулироваться дополнительными транзитными сборами).

Другим немаловажным звеном американской политики в регионе стало формирование новой сети трубопроводов и торгово-транспортных коммуникаций по линии Восток — Запад (проект *TRACECA*)¹⁵.

Соединенные Штаты также намерены продолжать оказывать техническую помощь в целях стимулирования торговых потоков и улучшения делового климата в масштабах всего Центрально-Азиатского региона¹⁶.

В последние годы важным вектором экономической стратегии США стала также борьба с российскими интеграционными инициативами¹⁷.

Безусловными преимуществами американской политики в Центральной Азии остаются четкий приоритет собственных национальных интересов; умение мобилизовать для решения своих задач союзников; адаптация к дипломатической работе современных социальных, коммуникационных и цифровых технологий; и, конечно, ясный идеологический посыл, привлекательный для многих иностранных граждан, несмотря на расхождение либеральной риторики с реальными делами, которые она маскирует.

К числу слабых мест американского курса можно отнести межпартийную и межведомственную конкуренцию в США, накладывающую отпечаток на международные отношения; расточительное обращение с материальными ресурсами, которые даже для первой в мире экономики не являются безграничными; игнорирование, порой демонстративное, азиатских культурных и политических традиций, хотя многим американским специалистам известно, что, например, проекты популяризации гомосексуальных отношений плохо воспринимаются в патриархальном восточном обществе. Но, возможно, наиболее очевидная уязвимость, к которой склонен американский истеблишмент, состоит в преобладающем чувстве собственного превосходства и исключительности, что не только порождает стремление к мировой гегемонии, но и притупляет восприятие действительности.

С определенной долей уверенности можно ожидать, что Вашингтон сохранит общий стратегический замысел в отношении Центральной Азии, подчиняющийся логике сдерживания России и Китая¹⁸. Неизменными, по всей видимости, останутся и жесткие предельно циничные методы ведения геополитической борьбы¹⁹.

Развитие международных отношений в *Азиатско-Тихоокеанском регионе* в ближайшие годы будет в наибольшей степени определяться

двумя фундаментальными факторами — динамикой соотношения экономических, научно-технических, военно-стратегических и политических потенциалов США и Китая, а также соотношением элементов сотрудничества и конфликтности в развитии этого региона.

Текущая политика США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, названная администрацией Б. Обамы «перебалансированием», является всесторонним, комплексным подходом к взаимодействию с регионом²⁰.

Политика «перебалансирования» отражает признание важности Азиатско-Тихоокеанского региона в долгосрочной перспективе, поэтому она задумывалась как политика, рассчитанная на временной горизонт, превышающий срок конкретного президентства. Она изначально должна была служить катализатором значительных изменений и переоценки внешнеполитических приоритетов США. Хотя контуры этой политики были намечены еще до прихода администрации Д. Трампа, «перебалансирование» — это усиление нацеленности американской политики в Азии.

Первый аспект азиатской политики США — поддержание и укрепление традиционных двусторонних альянсов, в особенности союзов с Японией, Южной Кореей, Австралией и Филиппинами. В отношениях с Японией — традиционном краеугольном камнем политики США в регионе — это включает в себя обновление «руководящих принципов оборонного сотрудничества» с целью обеспечить более активное и интегрированное функционирование альянса в широком спектре ситуаций.

Вторым аспектом политики США в Азиатско-Тихоокеанском регионе является углубление американско-китайских отношений. Политика США в отношении Китая, которую (в Пекине) часто неверно воспринимают как «сдерживание», нацелена на углубление партнерских отношений и, одновременно, на поиск ответа на вызовы усиления Китая как глобальной державы.

Третьим аспектом политики США в Азии является участие в многосторонних региональных институтах²¹.

Четвертым аспектом американской политики в АТР является особое внимание к экономической дипломатии для укрепления мира и стабильности в регионе²².

В-пятых, США диверсифицируют свои географические приоритеты в Азии. Вашингтон стремится заменить исторически сложившуюся сфокусированность на Северо-Восточной Азии на более сбалансированный подход.

Расширение взаимодействия с Юго-Восточной Азией критически важно для того, чтобы этот регион не рассматривался как «проходной» для США. Расширенное взаимодействие с Юго-Восточной Азией осуществляется по двум направлениям: во-первых, через двустороннее сотрудничество, во-вторых, посредством вовлеченности в описанное выше многостороннее взаимодействие в «АСЕАНцентричных» форматах. В результате, место Юго-Восточной Азии в приоритетах американской внешней политики сейчас больше, чем когда-либо после войны во Вьетнаме.

Шестой элемент азиатской политики США — обновление американской военной стратегии в регионе. Осознавая растущую важность Индийского океана и Юго-Восточной Азии, США достигли договоренности с союзниками и партнерами в регионе о ротации воинских контингентов²³ и создании Индо-Тихоокеанского партнерства²⁴.

Таким образом, администрация Д. Трампа стремится к такой конфигурации сил в регионе, которая была бы более диверсифицированной географически, гибкой с оперативного-стратегического точки зрения и устойчивой политически.

Несмотря на подобный сдвиг, Северная Корея остается для США самой неотложной проблемой безопасности в АТР. США применяют многовекторный подход к северокорейской угрозе, включающий многостороннее взаимодействие по ядерной проблеме с союзниками, партнерами и другими региональными государствами, в том числе с *Китаем* и *Россией*; сохраняют режим санкций, накладывающий почти полное экономическое эмбарго; наращивают сдерживание посредством расширения оборонного сотрудничества с Южной Кореей и Японией²⁵.

В *Евро-Атлантическом регионе* политика США реализуется главным образом посредством Организации Североатлантического договора²⁶.

В то же время США уделяют все большее внимание развитию субрегионального сотрудничества в «расширенном» регионе Центральной и Восточной Европы, с включением в него государств СНГ и стран Юго-Восточной и Северо-Восточной Европы (ГУУАМ, организации стран бассейнов Черного, Средиземного и Балтийского морей, Балканского региона).

Данные направления американской политики в своем большинстве являются дополнениями к политике, проводимой в отношении Евросоюза и его ведущих членов. При безусловном сохранении цели по укреплению позиций США в Европе, они не могут быть реализованы в отрыве от ЕС и без его активной поддержки и участия.

«Блоковая» составляющая, таким образом, является элементом политики США в Евро-Атлантическом регионе, но не доминирует в ней²⁷. Более важным представляется дальнейшее укрепление лидерства США, в том числе и в отношениях с Западной Европой.

В то же время в целях сохранения своих позиций в Европе, Соединенные Штаты предпринимают шаги, направленные на компенсацию паузы в институционализации в НАТО и ЕС стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

В результате принятия новой стратегической концепции НАТО и военной операции альянса в Косово, США подтвердили документально и на практике намерения расширить зону ответственности НАТО и саму организацию за счет принятия новых стран Центральной и Восточной Европы. Одновременно, и документы, и деятельность НАТО подтверждают резкое снижение роли российского фактора в политике Соединенных Штатов в ЦВЕ в процессе расширения НАТО.

В настоящее время политика США в Европейско-Атлантическом регионе сосредоточивается на шести ключевых вопросах, от степени успешности решения, которых будут зависеть среднесрочные внешнеполитические перспективы Соединенных Штатов в этом регионе мира.

Первым из шести вопросов является *Brexit*, при любом варианте которого Великобритания столкнется с серьезным экономическим кризисом. Он открывает перед США перспективу заключения с

Лондоном нового всеобъемлющего торгового соглашения, отменяющего любые тарифы и квоты для США²⁸.

Вторым ключевым вопросом является критическая необходимость остановить реализацию проекта «Северный поток — 2». Он является главным стратегическим препятствием захвата Америкой политического доминирования в Европе через организацию критичной зависимости поставок энергоносителей из США²⁹.

Третьим вопросом является кардинальное смещение рубежа военного противостояния из Греции, Западной Германии и Дании дальше на восток в Польшу и Прибалтику³⁰.

Четвертым ключевым пунктом политики США является поддержание активного участия в политических процессах на Балканах³¹. В частности, реализация программы безвизового въезда в Хорватию, присоединения Македонии к НАТО, а также предотвращения соглашения между Косово и Сербией об обмене территориями.

Пятый вопрос состоит в налаживании отношений с новым правительством Украины³².

Последним пунктом стратегической программы США в Европе является Черное море, в котором произошло масштабное укрепление влияния России³³. Усиление позиции США здесь, возможно, будет происходить путем расширения американского морского присутствия в акватории Черного моря.

Основы современной стратегии США в *Арктическом регионе* были определены в указе президента У. Клинтона в 1994 г. *United States Policy on the Arctic and Antarctic Regions*³⁴. Документ установил шесть ключевых целей государства в регионе: 1) обеспечение национальной безопасности; 2) сохранение экосистем Арктики; 3) обеспечение устойчивого социально-экономического развития региона; 4) укрепление международного сотрудничества арктических государств; 5) вовлечение коренного населения в процесс управления и 6) расширение научного экологического мониторинга.

Важным документом также стала президентская директива *HSPD 25: Политика в Арктике (National Security Presidential Directive and Homeland Security Presidential Directive)* 2009 г., подписанная Дж. Бушем³⁵. Она полностью подтвердила заложенные в указе 1994 г.

приоритеты, более подробно описав отдельные направления политики³⁶.

Директива 2009 г. также определила, что установление границ морского дна, на котором государство будет обладать суверенными правами по добыче морских ресурсов, является ключевым направлением обеспечения энергетической и экологической безопасности страны. Наиболее эффективный и признанный на международном уровне инструмент закрепления прав на расширенный шельф, согласно документу, предоставляет государствам Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., до сих пор не ратифицированная США³⁷.

Основной площадкой для обсуждения арктических проблем США считают Арктический совет, высоко оценивая его вклад в достижение целей устойчивого развития и защиту интересов коренного населения региона. В то же время, американцы рассматривают совет лишь как региональный форум высокого уровня и выступают против придания ему статуса международной организации³⁸.

Представляется, что приоритетным направлением деятельности США в Арктике является обеспечение военно-стратегического превосходства и возможность свободного и оперативного маневрирования военно-морского флота³⁹.

В принятой в 2013 г. *Национальной стратегии в Арктике (National Strategy for the Arctic Region)*⁴⁰ поставлена задача повышения информированности общественности об арктических проблемах (*Enhance Arctic Domestic Awareness*), прежде всего, — экологических⁴¹.

По мнению американских политиков, суровые климатические условия, необходимость эффективного реагирования на последствия аварийных ситуаций трансграничного характера (поиск и спасание людей на море, разливы нефти) обуславливают необходимость принятия общих усилий всех государств региона. Кроме того, Вашингтон, вероятнее всего, не заинтересован в эскалации напряженности у своих северных рубежей. В этих условиях американцы продолжают соблюдать баланс между обеспечением своих национальных интересов и стремлением сохранить атмосферу мирного сотрудничества в Арктике, взаимодействуя с *Россией* и другими государствами региона на таких международных площадках, как Аркти-

ческий совет, Арктический форум береговой охраны и Арктический экономический совет⁴².

Ближневосточный регион находится в числе стратегических приоритетов внешней политики Соединенных Штатов в силу экономических, политических, военно-стратегических, демографических и энергетических факторов. Главным партнером и форпостом США в столь важном регионе уже долгие годы является Израиль. Особые американо-израильские отношения, которые опираются на общие интересы и ценности, вынуждают Вашингтон принимать во внимание позицию Израиля при выстраивании ближневосточного вектора своей внешней политики.

Среди ключевых факторов, оказывающих влияние на формирование региональной политики США, необходимо выделить сотрудничество в военно-технической, экономической и энергетической сферах, ядерную программу Ирана, палестино-израильское урегулирование, «арабскую весну» 2011 г., сирийский кризис и борьбу с международным терроризмом.

Военно-техническое сотрудничество (ВТС) — одно из главных направлений ближневосточной политики Соединенных Штатов⁴³. Согласно закону о стратегическом партнерстве (*H.R. 938, United States-Israel Strategic Partnership Act of 2014*)⁴⁴, стоимость вооружений, которые Соединенные Штаты могут передать Израилю в случае военных действий в регионе, составляет 1,8 млрд долл. Кроме того, на территории Израиля находятся стратегические запасы оружия США, которые по решению Конгресса были увеличены в денежном выражении до 1,2 млрд долл.⁴⁵ В случае возникновения необходимости с разрешения Вашингтона Тель-Авив может использовать и это вооружение.

Учитывая арабо-израильскую напряженность в целом, США всячески поощряют уже существующие партнерские отношения Израиля с Египтом и Иорданией, сложившиеся на основе мирных договоров 1979 и 1994 годов. Каир и Амман занимают второе и третье места после Тель-Авива по объемам получаемой американской военной помощи.

Вашингтон также заинтересован в укреплении *экономического сотрудничества* со странами Ближнего Востока для достижения раз-

вития, мира и стабильности. Самым крупным региональным экспортером в США является Саудовская Аравия (53,5 % от всего регионального экспорта), а самым крупным импортером — ОАЭ (34,7 % от всего регионального импорта). Без учета экспорта углеводородов ближневосточные страны поставляют в США удобрения, готовую одежду, трикотаж и аксессуары, алюминий и готовые изделия из него, натуральный жемчуг, драгоценные камни и металлы, медь, пластик и изделия из него, изделия из железа и стали. Однако основной статьёй торговли с регионом остается нефть и нефтепродукты.

Экономическое сотрудничество Вашингтона со странами региона не препятствует американо-израильским отношениям — США и Израиль осуществляют широкое сотрудничество в сфере экономики. Тель-Авив занимает 25-е место в списке самых крупных торговых партнеров Вашингтона и второе место среди стран Ближнего Востока, уступая первенство Саудовской Аравии, находящейся на десятом месте в общем списке американских экономических партнеров⁴⁶.

Значительное влияние на ближневосточную политику США оказывает фактор *Иранской ядерной программы* (ИЯП), урегулирование которой было обозначено в числе приоритетов американской администрации. В 2015 г. Иран, Россия, США, Великобритания, Китай, Франция и Германия подписали Совместный всеобъемлющий план действий (СВПД)⁴⁷. Соглашение предусматривает отказ Тегерана от ядерной программы. В качестве ответного шага Евросоюз и США пообещали отменить санкции против Исламской республики Иран. Американский лидер Дональд Трамп неоднократно высказывал недовольство условиями сделки с Ираном. В итоге 8 мая 2018 г. он объявил о выходе из соглашения.

Другой не менее важной проблемой, которая является приоритетом ближневосточной политики США, является *палестинско-израильский конфликт*, так как именно его урегулирование может послужить толчком к разрешению противоречий Израиля с Сирией и Турцией, а также установлению отношений со странами Персидского залива, поддерживающими палестинцев.

Многочисленные инициативы и усилия США не смогли сдвинуть мирный процесс с мертвой точки, а бескомпромиссная пози-

ция израильского правительства стала преградой для реализации планов США по ближневосточному урегулированию.

«Арабская весна» 2011 г. и последовавшие за ней политические потрясения оказали непосредственное влияние как на ближневосточный вектор внешней политики США, так и на отношения между Вашингтоном и Тель-Авивом⁴⁸. Однако революции в регионе не оказали существенного влияния на палестино-израильские отношения, а даже наоборот — палестинский вопрос отошел на задний план, фокус сместился в сторону проблем в Ливии, Ираке и Сирии.

В результате революций в Ливии⁴⁹, Тунисе и Египте⁵⁰ произошло свержение старых режимов, в Сирии «арабская весна» переросла в гражданскую войну, которая продолжается до сих пор. Многие ближневосточные государства, в том числе Иордания и страны Персидского залива, развернули программы реформ, не дожидаясь государственных переворотов. Помощь в осуществлении реформ им стали оказывать США.

Последствием революций стал приход к власти исламистов и появление радикальных террористических группировок. На фоне усиления радикализации на Ближнем Востоке США были вынуждены выстраивать свою политику с учетом появления новых вызовов и угроз, а Израиль, в свою очередь, усилил меры безопасности государства, в том числе посредством закупок американского вооружения.

Не менее важным фактором, оказывающим влияние на политику США в регионе, является *сирийский кризис*, причиной которого стала «арабская весна» 2011 г. и последующий за ней военно-политический кризис⁵¹.

США и западные страны объясняли свою помощь сирийским повстанцам поддержкой демократии и равенства⁵². С появлением в регионе террористической группировки ДАИШ⁵³ в 2014 г. и активным захватом территорий в Ираке и Сирии Соединенные Штаты создали коалицию и начали военно-воздушную операцию против ДАИШ в Ираке, а затем без официального разрешения СБ ООН и в Сирии. Учитывая непосредственное участие США в сирийском конфликте, Вашингтон нацелен на поиск решения этого кризиса. При этом Соединенные Штаты и их ближневосточные партнеры изна-

чально настаивают на уходе сирийского президента и его соратников, рассматривая их в качестве главной причины кризиса⁵⁴.

Сирийский кризис вызывает беспокойство Израиля из-за вовлеченности в него Ирана⁵⁵. Израиль поддержал создание в 2014 г. западной коалиции во главе с США и обещал им свою помощь⁵⁶.

Через месяц после появления российских ВКС в Сирии в Вене начались переговоры по урегулированию сирийского кризиса. Своим участием Россия подтолкнула Запад к разговору, выйдя тем самым из внешнеполитической изоляции. Кроме того, в результате российских усилий за одним столом переговоров сидели не только *Россия и США*, но и Иран, и Саудовская Аравия⁵⁷.

Реальной силой, принимающей участие в сирийском конфликте, являются курды⁵⁸. Этот фактор также вносит напряженность в американо-турецкие отношения. В Вашингтоне считают, что жесткая и бескомпромиссная позиция Турции в отношении курдов является одним из главных препятствий на пути политического урегулирования в Сирии и мешает борьбе против ИГИЛ.

Наконец, важнейшим фактором, оказывающим влияние на ближневосточную политику США, является *международный терроризм*. США официально объявили ему войну после терактов 11 сентября 2001 г. После 2014 г., когда на первый план вышла террористическая группировка ДАИШ, Вашингтон не мог не отреагировать на ее стремительное усиление, начав военную операцию. Борьба с этой группировкой была обозначена американской администрацией в Стратегии национальной безопасности 2015 г. среди приоритетов внешней политики США на Ближнем Востоке⁵⁹.

Таким образом, американо-израильские отношения оказывают реальное влияние на формирование ближневосточной политики США. В сферах военно-технического, экономического и энергетического сотрудничества, а также борьбы с международным терроризмом американо-израильские отношения не препятствуют реализации внешней политики США, а зачастую и способствуют установлению новых форм сотрудничества США со странами региона.

В настоящее время арсенал политических инструментов, используемых Вашингтоном на Ближнем Востоке, весьма разнообразен⁶⁰. На современном этапе политика США в этом регионе мира

характеризуется несколькими ключевыми тенденциями. *Во-первых*, произошло изменение приоритетов, в результате которого полномасштабные вооруженные агрессии перестали входить в число ключевых мер⁶¹. *Во-вторых*, Вашингтон стал использовать «арабские революции» и прокси-войны как меры, альтернативные прямой военной агрессии⁶². *В-третьих*, США отказались от изоляции Ирана.

Важным вопросом, связанным с анализом политики Вашингтона на Ближнем Востоке на данном этапе стало определение степени вовлеченности США в дела этого региона. Утверждать, что США полностью ушли с Ближнего Востока, было бы некорректным: в Сирии⁶³ и Ираке в течение первой половины 2016 г. произошло увеличение контингента американского спецназа.

Однако после активного использования военных мер и столкнувшись с тем, что прямые вооруженные агрессии против стран Ближнего Востока являются чрезмерно затратной мерой, Вашингтон осуществил корректировку инструментов, используемых для реализации внешней политики в Ближневосточном регионе. «Арабские революции» и прокси-войны позволили США достигать своих целей в регионе без масштабного применения своей армии и расходования значительных ресурсов.

Появление на Ближнем Востоке «Исламского государства» (запрещенного в России) также следует рассматривать не как самостоятельное явление, а как очередной, следующий после «арабских революций» сценарий в американской политике на Ближнем Востоке и в других регионах.

Соединенные Штаты достаточно серьезно присутствуют в *Африканском регионе*. Помимо военного присутствия⁶⁴ имеет место также и экономическая экспансия⁶⁵.

Агентства США, в том числе USAID, Агентство по охране окружающей среды (EPA), Служба рыбного хозяйства и дикой природы США, департаменты государства, торговли, сельского хозяйства и внутренних дел реализуют проекты и инициативы, направленные на оказание помощи африканским странам в защите окружающей среды, и на содействие устойчивому развитию. Среди ключевых программ: Лесное партнерство в бассейне реки Конго (*Congo Basin Forest Partnership, CBFP*)⁶⁶; Поэтапный отказ от использования свинца в

бензине⁶⁷; Пропаганда рационального использования пестицидов и химических веществ⁶⁸; Управление качеством воздуха в городах (англ. *Urban Air Quality Management*)⁶⁹; Безопасная питьевая вода в городах (англ. *Urban Safe Drinking Water*)⁷⁰ и др.

При этом тот факт, что США негативно воспринимают именно усиление присутствия *Китая* и *России* в этом регионе мира, связан с тем, что именно эти страны бросают здесь вызов американской гегемонии. В отношении *Латиноамериканского региона* для Вашингтона сохраняет свою актуальность «доктрина Монро», которой совсем скоро (в 2023 г.) исполнится 200 лет. За долгие годы мир изменился, но принцип «*Америка для американцев*» остается доминирующим в политике США в этом регионе мира⁷¹.

По мнению американских политиков, *Россия* и *Китай* все более агрессивно наращивают свое военное присутствие в регионе, отправляя туда корабли и проводя разведывательные операции. Российская Федерация также стремится восстановить или укрепить военные связи с целым рядом латиноамериканских стран, продавая им передовые вооружения⁷². Это обуславливает необходимость проведения более активной политики по нейтрализации усилий России и Китая в Латинской Америке.

Примечания

¹ *Нартов Н.А., Нартов В.Н.* Геополитика: учебник для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Государственное и муниципальное управление», «Международные отношения», «Регионоведение». М.: ЮНИТИ-ДАНА; Единство, 2007. 527 с. URL: <http://gpb22.narod.ru/nartov/glava10.html>

² США—Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства / под ред. Л.С. Варгазаровой, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 65 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_12.pdf

³ Там же.

⁴ Presidential Executive Order on Establishing Enhanced Collection and Enforcement of Antidumping and Countervailing Duties and Violations of Trade and Customs Laws. The White House. Washington, DC, March 31, 2017. URL: <https://www.whitehouse.gov/presidential-actions/presidential-executive-order-establishing-enhanced-collection-enforcement-antidumping-countervailing-duties-violations-trade-customs-laws/>

⁵ США—Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства / под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 65 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_12.pdf

⁶ Китай ввел пошлины на 128 наименований импортируемых из США товаров // Жэньминь жибао. URL: <http://russian.people.com.cn/n3/2018/0402/c31518-9444384.html>.

⁷ URL: <https://rg.ru/2019/06/02/vlasti-kitaia-vveli-otvetnye-poshliny-na-import-iz-ssha.html>

⁸ URL: <http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201806/P020180616034362364988.pdf>.

⁹ September 2018 Trade bulletin. U.S. — China Economic and Security Review Commission, September 5, 2018. URL: <https://www.uscc.gov/Research/september-2018-trade-bulletin>

¹⁰ Решение Тарифной комиссия Госсовета КНР о некоторых товарах, ввозимых из США // Министерство финансов КНР. URL: http://gss.mof.gov.cn/zhengwuxinxi/zhengcefabu/201808/t20180803_2980950.html

¹¹ США—Китай: борьба двух стратегий и практик мирового лидерства / под ред. Л.С. Вартазаровой, И.Я. Кобринской. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 65 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2018/2018_12.pdf

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/11/03/740554-turkme-niya-hochet>

¹⁵ URL: <https://ria.ru/20190620/1555754294.html>

¹⁶ Анашкина Е.Б. Политика США в отношении государств Средней Азии в период второго срока президентства Б. Обамы. URL: <http://www.rusus.ru/?act=read&id=427>

¹⁷ Доклад о реализации основных направлений интеграции в рамках Евразийского экономического союза. URL: <http://www.eurasiancommission.org/ru/Documents/%D0%94%D0%BE%>

¹⁸ URL: <http://www.stanradar.com/news/full/20821-politika-ssha-v-tsentralnoj-azii-i-rossijskie-strategicheskie-interesy.html>

¹⁹ Арунова М.Р., Иваненко В.И. Афганская политика США в 1945—2014 гг. М.: РИСИ, 2015. С. 201—203. URL: <https://riss.ru/wp-content/uploads/2015/05/kratkoe-soderzh.-41.pdf>

²⁰ Краснов Ю.К. Новые акценты внешней политики США на Ближнем Востоке. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/ed4/krasnov.pdf>

- ²¹ *Ефимова Л.М.* ЮВА 2018: новые тенденции в архитектуре региональной стабильности и безопасности. URL: <https://mgimo.ru/about/news/experts/yuva-2018-novye-tendentsii-v-arkhitekture-regionalnoy-stabilnosti-i-bezopasnosti/>
- ²² *Фархетдинова Э.Т.* Двусторонние отношения Республики Корея и США в экономической сфере на современном этапе. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dvustoronnie-otnosheniya-respubliki-koreya-i-ssha-v-ekonomicheskoy-sfere-na-sovremennom-etape>
- ²³ URL: <https://ria.ru/20190620/1555656169.html>
- ²⁴ Запад—Восток—Россия 2018. Ежегодник / отв. ред.: А.С. Прозоровский, В.Г. Хорос. М.: ИМЭМО РАН, 2019. 170 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2019/2019_05.pdf
- ²⁵ Россия и США в Азиатско-Тихоокеанском регионе / пер. с англ. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 45 с. URL: https://www.imemo.ru/files/File/ru/publ/2016/2016_014.pdf
- ²⁶ *Кадоццев А.* Европа—США: итоги 2018 и перспективы 2019. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/21384>
- ²⁷ URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/ti41w7jy2o/direct/147146125>
- ²⁸ URL: <https://www.vox.com/2018/10/3/17930092/usmca-mexico-nafta-trump-trade-deal-explained>
- ²⁹ Стратегические цели США в Европе на 2019 год. URL: <http://politinform.su/pervaya-polosa/101626-strategicheskie-celi-ssha-v-evrope-na-2019-god.html>
- ³⁰ URL: <https://www.ntv.ru/novosti/2123521/>
- ³¹ Политические отношения и политический процесс в современной России. Хрестоматия. Т. 2 / ред. и сост. Е.Г. Пономарева. М.: ИНИОН РАН, 2008. 218 с. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/a1a/a1a299caec68962b6369c6f7448999b1.pdf>
- ³² Стратегические цели США в Европе на 2019 год. URL: <http://politinform.su/pervaya-polosa/101626-strategicheskie-celi-ssha-v-evrope-na-2019-god.html>
- ³³ Там же.
- ³⁴ URL: <https://fas.org/irp/offdocs/pdd/pdd-26.pdf>
- ³⁵ URL: <https://www.hsdl.org/?view&did=232474>
- ³⁶ *Гудев П.* Арктические недоразумения. URL: <https://globalaffairs.ru/number/Arkticheskie-nedorazumeniya-20044>
- ³⁷ *Тодоров А.А.* О политике США в Арктике. URL: <https://riss.ru/analytics/40108/>
- ³⁸ Там же.
- ³⁹ URL: <https://www.academia.edu/4465738/%D0%9F%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%82%D0%B5%>

⁴⁰ URL: https://obamawhitehouse.archives.gov/sites/default/files/docs/nat_arctic_strategy.pdf

⁴¹ *Тодоров А.А.* О политике США в Арктике. URL: <https://riss.ru/analytics/40108/>

⁴² Там же.

⁴³ *Bender J., Gould S.* This map shows where the world's 3 biggest arms exporters are sending their weapons. URL: <http://www.businessinsider.com/where-the-world-buys-its-weapons-2015-3> (дата обращения: 21.04.2016).

⁴⁴ URL: <https://www.cbo.gov/sites/default/files/113th-congress-2013-2014/costestimate/hr9380.pdf>

⁴⁵ *Pfeffer A.* U.S. to store another \$400m worth of emergency military equipment in Israel // URL: <http://www.haaretz.com/print-edition/news/u-s-to-store-another-400-m-worth-of-emergency-military-equipment-in-israel-1.324046> (дата обращения: 12.09.2015).

⁴⁶ *Полякова А.* Роль Израиля в политике США на Ближнем Востоке в президентство Барака Обамы. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1750>

⁴⁷ Совместный всеобъемлющий план действий URL: <http://www.mid.ru/o-hode-vpolnlenia-sovmestnogo-vseob-emlusego-plana-dejstvij-po-obespeceniu-mirno-ogo-haraktera-iranskoj-adernoj-programmy>

⁴⁸ *Полякова А.* Роль Израиля в политике США на Ближнем Востоке в президентство Барака Обамы. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1750>

⁴⁹ *Рожкова Л.В., Колодяжная.* Гуманитарная интервенция в мировой политике. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/gumanitarnaya-interventsiya-v-mirovoyo-politike>

⁵⁰ *Нассасра Ю.Д.А.* Геополитические последствия «арабской весны» для региона Ближнего Востока. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/geopoliticheskie-posledstviya-arabskoj-vesny-dlya-regiona-blizhnego-vostoka>

⁵¹ *Долгов Б., Махмуд О.* Сирийский конфликт: позиции России и стран ССАГПЗ // URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6866#top-content

⁵² *Полякова А.* Роль Израиля в политике США на Ближнем Востоке в президентство Барака Обамы. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1750>

⁵³ URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%B8%D1%81%D0%BB%D0%B0%>

⁵⁴ *Blanchard C.M., Humud C.E.* The Islamic State and U.S. Policy. URL: <https://fas.org/sgp/crs/mideast/R43612.pdf>

⁵⁵ *Полякова А.* Роль Израиля в политике США на Ближнем Востоке в президентство Барака Обамы. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1750>

⁵⁶ Israel and the United States: Yesterday, Today and Tomorrow // URL: <http://www.brookings.edu/~media/events/2015/12/04-saban-2015-israel-us-yesterday-toda>

y-tomorrow/transcripts/uncorrected-transcripta-conversation-with-moshe-yaalon-israels-minister-of-defense.pdf

⁵⁷ *Баунов А.* Венский концерт. Почему России простили Сирию // URL: <http://carnegie.ru/commentary/2015/11/03/ru-61836/iksf> (дата обращения: 17.02.2016); Путин заверил Нетаньяху, прибывшего в РФ обсуждать ситуацию на Ближнем Востоке, что Сирии не до войны с Израилем // URL: http://www.newsru.com/russia/21sep2015/israel_2.html (дата обращения: 04.12.2015).

⁵⁸ *Саатов И.* Выборы в парламент Турции: падение «электорального халифата». URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=6104#top-content (дата обращения: 04.12.2015).

⁵⁹ National Security Strategy // URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy_2.pdf

⁶⁰ *Нье J.* Bound to lead the changing nature of American power. New York: Basic Books, 1990. URL: <http://www.kropfpolisci.com/exceptionalism.nye.pdf>

⁶¹ *Бирюков Ю.* Этапы и инструменты внешней политики США на Ближнем Востоке. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1765>

⁶² URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1765>

⁶³ В Сирии это происходит без соответствующего разрешения со стороны законного правительства и фактически является незаконным вмешательством в дела иностранного государства. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1765>

⁶⁴ URL: <https://russian.rt.com/world/article/583235-rossiya-kiati-ssha-afrika-prativostoyanie>

⁶⁵ *Вишневский М. Л.* Интересы США в странах Африки // США и Канада — экономика, политика, культура. 2004. № 5.

⁶⁶ Congo Basin Forest Partnership. URL: <http://pfbc-cbfp.org/home.html>

⁶⁷ United Nations Environment Programme. David and Hazel Todd Outcome and Influence Evaluation of the UNEP Partnership for Clean Fuels and Vehicles (PCFV) — Evaluation Office. October 2010. С. 39—42. URL: <http://wedocs.unep.org/handle/20.500.11822/274?show=full>

⁶⁸ Comprehensive Report on U.S. Trade and Investment Policy toward Sub-Saharan Africa and Implementation of the African Growth and Opportunity Act Prepared by the Office of the United States Trade Representative. May 2005. С. 49. URL: https://agoa.info/images/documents/2972/2005_full_report.pdf

⁶⁹ What has CIEN achieved to date? URL: <http://www.estis.net/communities/cien/default.asp?community=cien&pageid=6433EEBE-6AB1-40C3-9F7B-795208539D5B>

---

⁷⁰ Comprehensive Report on U.S. Trade and Investment Policy toward Sub-Saharan Africa and Implementation of the African Growth and Opportunity Act Prepared by the Office of the United States Trade Representative. May 2005. С. 49. URL: https://agoa.info/images/documents/2972/2005_full_report.pdf

⁷¹ URL: http://www.ng.ru/world/2018-08-14/6_7288_latin.html

⁷² URL: https://tsargrad.tv/news/vertoljoty-na-pervom-meste-kak-torgujut-russk-im-oruzhiem-v-latinskoj-amerike_192774

В.И. Балакин

АМЕРИКАНСКИЙ СИНДРОМ КИТАЯ В АФГАНИСТАНЕ

В декабре 2018 г. Китай выдвинул в ООН свои предложения по мирному процессу урегулирования ситуации в Афганистане, обозначив следующие направления: повышение реальной ответственности всех конфликтующих сил за установление мира и стабильности на афганской территории, обеспечение приемлемого уровня внутренней безопасности в стране, превращение борьбы с терроризмом и связанной с ним незаконной деятельностью, проведение мирных переговоров с вооруженной оппозицией и кардинальное улучшение в стране инвестиционного климата.

Реализовывать выше приведенные стратегические направления КНР рассчитывает через вовлечение Афганистана в свою геополитическую инициативу «Один пояс, один путь» с тем, чтобы данная страна стала одной из ее опорных точек, и которую вряд ли сможет оспорить еще какая-либо из великих держав мира. На стороне Китая в данном вопросе имеется важное преимущество в виде общей границы в 76 км, хотя и составляющей 0,003 общей протяженности границ КНР. Известно, что здесь между горами Бадахшана проходит узкий коридор шириной около 15 км и именно здесь пролегал первый Великий шелковый путь, являвшийся отдельным фрагментом большого межконтинентального торгового маршрута, функционировавшего до XVII в., а потом оказавшегося просто забытым. Характерно, что в прошлом XX в. при оформлении китайско-афганской

границы по всей ее небольшой протяженности не установили ни одного пункта пропуска, видимо посчитав, что было просто не для кого. Войдя в Афганистан и проведя фрагментарную оккупацию афганской территории, Вашингтон до настоящего времени пытается активно блокировать любые попытки сближения между Пекином и Кабулом, несмотря на то, что администрация нынешнего президента США Дональда Трампа время от времени заявляет о сворачивании военных действий в Афганистане и возвращении домой американского воинского контингента. Внимательно отслеживая действия американцев, китайское руководство наоборот пытается посредством инициативы «Один пояс, один путь» сформировать в единый евроазиатский транспортный конгломерат многочисленные инфраструктурные проекты стратегической важности¹.

Международные эксперты полагают, что Афганистан достаточно органично вписывается в перспективу КНР «Один пояс, один путь», поскольку на афганской территории имеется серьезный дефицит инфраструктуры, что делает весьма привлекательным объектом для китайских капиталовложений, готовым на любое позитивное сотрудничество без каких-либо предварительных условий. В Пекине понимают геополитическое значение Афганистана, через который проходит самый короткий маршрут между Центральной и Южной Азией, а также между Китаем и Ближним Востоком через ворота в Аравийское море, то есть именно здесь отнюдь не случайно по афганской земле шли караваны первого Великого шелкового пути. «Исторический аргумент», как ни странно, играет в сегодняшней афганской политике КНР заметную роль, так как помогает Китаю создать некий военный механизм, позволяющий противостоять международному терроризму через достижение консенсуса с региональными игроками: Афганистаном, Пакистаном, Таджикистаном. Реально, политика КНР на афганском направлении объясняется экономическими и внутривосточными интересами, в частности, террористические движения в данном регионе представляют угрозу не только для Китая, самого Афганистана, но и для Таджикистана и других соседей. До логического завершения строительства сети дорог во Внутренней Азии, включая Монголию, Пекин твердо намерен создать крупнейшую сеть у «южного подбрюшья» России, а это

поможет китайскому контролю над перевозками по Афганистану и сделает Китай основным инвестором в афганскую экономику².

Расширяющееся взаимодействие КНР и Афганистана постепенно выходит за рамки обычных экономических интересов и именно поэтому последовательно растет китайская безвозмездная помощь Кабулу на сотни миллиардов долларов ежегодно, включая строительство жилья и создание необходимой инфраструктуры. Китай уже проявил заинтересованность в предоставлении военной помощи Афганистану, и на эту тему проведены конкретные переговоры на уровне оборонных ведомств двух стран, в частности, ожидаются китайские поставки сложного логистического оборудования, легко стрелкового вооружения, запчастей для авиации советского образца, боеприпасов и комплектов удобной военной формы китайского производства. Ряд американских источников заявляют о присутствии китайских войск на афганской территории, при этом они ссылаются на тот факт, что китайские и афганские военные официально проводят совместное патрулирование в горах Малого Памира, выполняя сложные антитеррористические операции. Усиление позиций КНР в Афганистане вполне отвечает интересам России, поскольку обе страны весьма заинтересованы в борьбе с терроризмом и перекрытии наркотрафика, а также в налаживании политического диалога с умеренной частью Талибана, что помогло бы вернуть Афганистан к мирной жизни³. Совсем другое содержание имеет позиция США, которые в своей новой стратегии национальной безопасности прямо указывают на готовность Вашингтона оказывать бескомпромиссное давление на КНР, Иран и Пакистан в связи с ситуацией в Афганистане, называя китайское и иранское присутствие на афганской территории не иначе как враждебными действиями.

Нынешняя администрация США рассматривает Афганистан как место «опасное и нестабильное» для присутствия там американских военнослужащих, исходя из чего в настоящее время ставится под большое сомнение необходимость отправки на афганскую войну новых военных инструкторов для обучения национальных вооруженных сил Афганистана, находящихся в зоне боевых действий. Вместе с тем, в Вашингтоне всерьез опасаются, что в случае полного ухода

США и их союзников по НАТО из Афганистана, геополитический вакуум в этой стране будет быстро заполнен такими конкурентами как Китай, Россия, Иран и Пакистан, которые практически не разделяют американскую стратегию в Центральной Азии. В данной связи, практически отсутствуют возможности сотрудничества названных стран с США в Афганистане, ибо американская администрация воспринимает международные взаимоотношения на афганской территории как «игру с нулевой суммой», что означает, на самом деле, «геостратегическое одиночество» Соединенных Штатов Америки в «хартлэнде» (hart land). Основные игроки на афганском театре противостояния понимают, что политические эмиссары боевиков «Талибана» хорошо освоили технологию переговоров практически на всех площадках, тем более, реальные переговоры никто вести не собирается⁴. Бессмысленно о чем-либо договариваться с кабульским правительством, так как, если его не станет через несколько недель после эвакуации последнего американского солдата из Афганистана, «Талибан» добьется полной власти, а поэтому мирные переговоры и поиск национального консенсуса просто являются излишними.

Активизация китайско-американских отношений в последнее время в значительной мере определяется проблемой уйгурского терроризма в Синцзянь-Уйгурском автономном районе (СУАР), который в том числе подпитывается афганским движением «Талибан», а также курируемыми американцами боевиками ИГИЛ. В Пекине очень надеются укрепить свои позиции в Кабуле с тем, чтобы иметь рычаги воздействия на приграничную ситуацию: во многом это диктуется опытом кризиса в Ираке и Сирии, возможно допуская, что нечто подобное может произойти и на афганской территории. Руководство КНР настроено иметь дело с сильным, а главное, афганским правительством, чтобы не оказаться вовлеченным в большую войну возле собственных границ, грозящую повлечь за собой дестабилизацию западных районов Китая, где проживает большое количество мусульман. Еще одной причиной обеспокоенности Пекина выступает практическая неизбежность конфронтации с Вашингтоном в связи со все большей привлекательностью китайской экономической модели для азиатских стран, а кроме того, последних впечатля-

ет беспрецедентная программа военной модернизации КНР, позволяющая заметно продвинуться в борьбе за влияние на Востоке⁵. Все это создает серьезную геополитическую угрозу для Соединенных Штатов Америки, ощутимо увеличивая для них и их союзников риски в сфере безопасности, ограничивая свободу действий Вашингтона по ослаблению Китая.

Как представляется, руководство КНР уже приняло для себя решения самостоятельно урегулировать ситуацию в Афганистане, однако, одновременно Пекин не отказывается и от формата урегулирования в составе России, Китая и Пакистана, а также с участием представителей Афганистана, Ирана и Индии. Более того, КНР приветствовала инициативу России по проведению в Москве расширенной встречи по Афганистану с привлечением Казахстана, Кыргызстана, Таджикистана и Узбекистана для создания независимой, но тщательно контролируемой, площадки серьезных переговоров, ориентированных на начало мирного диалога между афганским правительством и движением «Талибан». Примечательным фактором является то, что Китай, по сути дела, согласился с предложением российской стороны взять на себя решение организационных моментов по проведению довольно непростых переговоров, и кста-ти, в нескольких форматах, включая участие в них даже представителей радикального движения «Талибан». Пекину весьма важен сам по себе вопрос о стимулировании кризиса власти в Афганистане, который набирает обороты, о чем свидетельствует отсутствие реформирования избирательной системы, отказа проамериканского афганского правительства от децентрализации власти, не принятие им в расчет реальных афганских национальных интересов, а также недовольство абсолютного большинства населения Афганистана проамериканской политикой властей в Кабуле⁶. Китай явно оказывает давление на центральное правительство в Кабуле, жестко навязывая ему свою внешнеполитическую логику и пугая угрозой легитимации талибов, что может достаточно быстро привести к захвату последними власти в Афганистане при молчаливом согласии Пекина.

В связи с этим, диалектически сложной выглядит российская позиция в отношении китайских внешнеполитических усилий в Афганистане, поскольку не все действия Пекина отвечают националь-

ным интересам России не только и не столько на афганской территории, сколько в Центральной Азии в целом. КНР стремится включить Афганистан в «китайско-пакистанский экономический коридор», который должен связать Китай с индийским океаном через Пакистан, а ведь этот проект оценивается в весьма крупную сумму около 57 млрд долл., и это означает серьезный геостратегический шаг со стороны Пекина. В Москве абсолютно уверены, что высокая активность китайской дипломатии в Афганистане вызвана отсутствием у Вашингтона политической воли продолжать в обозримой перспективе военную кампанию на афганской территории. Чтобы не иметь дело с нестабильным Афганистаном в одиночестве, Россия, видимо, готова в принципе согласиться на определяющее участие Китая в борьбе с международными террористическими группировками, и в первую очередь боевиками ИГИЛ, которые хотели бы вновь превратить афганскую территорию в надежное убежище террористов⁷. Тесно сотрудничая с Пекином, Москва создает в Афганистане и собственную сеть контактов и средств для защиты российских интересов на случай ухода американцев и краха центрального правительства.

Сегодняшняя разнообразная деятельность России в Афганистане, осуществляемая вне рамок ШОС, включает в себя продвижение деловых инвестиций, часто в кооперации с Китаем, дипломатические обмены, культурные программы, а также финансовую и военную поддержку центрального правительства и влиятельных сил на севере страны. В отличие от КНР, РФ более тесно сотрудничает с правительством в Кабуле в военно-технической сфере, например, предоставляя ему десятки тысяч автоматов Калашникова и миллионы комплектов патронов, ибо в реализации подобной стратегии у России есть ряд существенных преимуществ перед тем же Китаем. Многие российские офицеры, сотрудники специальных служб и дипломаты обладают уникальным опытом работы в Афганистане, который они получили в период присутствия советских войск на афганской территории. Кроме того, значительная доля афганских гражданских чиновников и военных офицеров получила образование или прошла подготовку в России, и сегодня российское правительство, не связывающее себя конкретной идеологией, может свободно

заключать союзы с любой группировкой, которая представляется ему наиболее влиятельной и перспективной⁸. В вопросах налаживания работы с «Талибаном» у России и Китая есть достаточное взаимопонимание, поскольку талибы, прежде всего, стремятся получить контроль над территориями внутри Афганистана, не представляя при этом реальной угрозы соседним странам.

И в этом случае явно просматривается давно сложившаяся геополитическая стратегия КНР, ориентированная на формирование наиболее привлекательной комбинации стратегических и тактических шагов в направлении создания «гармоничного общества» внутри Китая и «гармоничного мира» за его пределами. В Пекине, например, со всей очевидностью учитывают традиционалистский характер государства и общества в Афганистане и в данной связи на первый план двусторонних отношений выдвигают издревле почитаемые китайской цивилизацией принципы социальной гармонии, национального единения и взаимной помощи. Афганское общество позитивно воспринимает названные принципы взаимоотношений, поскольку они не входят в противоречие друг с другом и не строятся в логике двойных стандартов последовательно присущих международной политике «коллективного Запада». Подобный подход со стороны КНР означает реальную попытку сыграть на опережение в предупреждении и разрешении не только политических, но и межкультурных проблем в стратегических контактах с Афганистаном, опасность обострения которых вполне реально может обостриться с учетом активного противодействия со стороны США⁹. Таким образом, проецируемая Китаем геополитическая концепция на афганском направлении утверждает вполне адекватное гармоничное единство долгосрочных внутренних и внешних целей китайского государства, ориентирование на вовлечение Кабула в общий активный процесс соразвития на евроазиатском пространстве.

Отдельные международные эксперты утверждают, что, выстраивая свою стратегию в отношении Афганистана, КНР похоже «тяготеет» рамками ШОС, рассматривая их в качестве неоправданно сдерживающих необходимую политическую реакцию в условиях быстрой смены ситуации на континенте Евразия. Страны-члены Шанхайской организации сотрудничества достаточно осторожно отно-

сятся к Афганистану, так как понимают, что правительство в Кабуле не способно занять более или менее сбалансированную внешнеполитическую позицию, находясь под полным контролем со стороны США, которые фактически блокируют участие ШОС в урегулировании афганского кризиса. Именно поэтому Китай пытается выстраивать широкое независимое политическое сотрудничество с Афганистаном, обходя разногласия с отдельными странами ШОС, проявляющими повышенную осторожность в отношениях с Кабулом, причиной которой является так называемый исламский фактор. Однако, растущее китайско-афганское сотрудничество на двусторонней основе постепенно придает рассмотрению вопроса о полном членстве Афганистана в ШОС положительную динамику¹⁰. Пока ШОС всеми силами преодолевает внутренние разногласия по поводу полного членства Афганистана в этой организации, КНР старается не терять времени и укреплять афганские власти в понимании пользы интеграции в Шанхайскую организацию сотрудничества и тем самым преодолевая неприятие данного шага со стороны западных партнеров Кабула.

Вместе с тем, руководство КНР сегодня стремится осуществлять свою внешнеполитическую стратегию на афганском направлении достаточно автономно, не связывая себя никакими серьезными обязательствами с партнерами по ШОС. Это объясняется рядом объективных факторов, среди которых можно назвать следующие: поставить ситуацию в Афганистане под свой полный геополитический контроль, выдвинуть из Афганистана войска западной коалиции, создать стратегическую зону «Афганистан-Пакистан» для урегулирования военно-политической ситуации в Центральной Азии. Китай явно настроен решительно противодействовать попыткам США, НАТО и Евросоюза навязать Кабулу свои политические и экономические рецепты национального развития, ориентированные на внедрение идеологических норм западного образца¹¹. Исходя из очевидной неопределенности в развитии международной ситуации на пространстве турбулентной Центральной Азии, Пекин усиливает свое внимание к проблематике общей безопасности и выработке собственной независимой военно-политической доктрины в названном регионе. Последнее вызвано тем, что реализация афган-

ской геостратегической задачи в рамках Шанхайской организации сотрудничества может оказаться затруднительной в связи с рядом обстоятельств как объективного, так и субъективного характера, прежде всего из-за дуализма в подходах ШОС к Афганистану с учетом наличия фактически двух систем управления: официальной — правительства в Кабуле и неофициальной — властей движения Талибан на местах.

Выстраивание Китаем полуофициальных взаимоотношений с афганскими талибами, по оценкам западных экспертов, представляет собой не что иное как стремление заранее хорошо подготовиться к выводу американских войск из Афганистана, хотя Вашингтон пока и не раскрыл своих окончательных намерений, пытаясь все же сохранить некоторое военное присутствие на неопределенную перспективу. Подобная политика со стороны США весьма беспокоит КНР, являющуюся крупнейшим инвестором в Афганистане и претендующую на монопольный контроль за эффективностью вложенных финансовых ресурсов. Капиталовложения Китая на афганской территории прежде всего охватывают такие инфраструктурные проекты как мощная ирригационная система, центр научно-технического образования, крупнейшее в мире афганское меднорудное месторождение, геологоразведка возможностей нефтедобычи на севере страны. Пекин сегодня делает основной стратегический упор на создание в Афганистане новой транспортной инфраструктуры, способной составить реальную альтернативу северным маршрутам через территорию РФ и обеспечивающую среднеазиатским странам под эгидой Китая проход на юг, в сторону Персидского залива¹². КНР, как влиятельный член ШОС, ради своих долгосрочных национальных интересов будет в значительной степени опираться на те местные среднеазиатские элиты, которые заинтересованы в так называемой «многовекторности» внешней политики своих государств, рассчитывая таким образом добиться в новом «постамериканском» Афганистане максимально возможного взаимопонимания именно с Китаем, а не с Россией.

Как представляется, КНР все же будет стараться сохранить общий стратегический характер отношений с РФ, ибо основой этому в обозримой перспективе послужит обоюдная настороженность в от-

ношении вполне возможного сохранения оптимального военного присутствия США и НАТО на афганской территории.

Примечания

¹ *Bárdos-Féltoronyi, Nicolas*. Géopolitique de l'UE face à l'Eurasie. Le Neue Zürcher Zeitung. 30.3.2019. S. 9. (In French).

² *Baligh, Mahmood*. Afghanistan Transport Sector Master Plan Update (2017–2036). Asian Development Bank Publisher. Manila, Philippines, 2017. P. 4. (65 p.).

³ *Dirk van der Kley*. China's foreign policy in Afghanistan. Analysis. Lowy Institute. Sydney. Australia, 2014. P. 3 (24 p.).

⁴ *Shimada, Haruyuki*. Afughanistan shien-he no kyokun (A Lesson for Bringing about Stability in Afghanistan). Kobe daigaku kokusai kyoryoku kenkyu zasshi. Vol. 18. No. 2. Kobe, 2010. P. 31 (39 p.). (In Japanese).

⁵ *Ten Brink, Tobias*. Kooperation order Confrontation. Der Aufstieg Chinas in der globalen politischen Ökonomie. Working Paper, No.11\7. Max-Planck-Institut für Gesellschaftsforschung. Köln, 2011. S.8 (32 s.). (In Deutsch).

⁶ *Zhao, Huasheng*. China and Afghanistan: China's interests, stances, and perspectives. Center for strategic and international studies. Washington DC, 2012. P. 14 (21 p.).

⁷ *Xie Guiping, Yang Dongping*. Ruhe yingdui bentu kongbuzhuyi (Каким образом ответить на укоренение терроризма). Guoji Zhanlan, No.1. Beijing, 2015. P. 134 (118–138 p.). (In Chinese).

⁸ *Kurita, Shinko*. Pakisutan-Rosia kankei no hatten to seigen (Развитие пакистано-росийских отношений и имеющиеся ограничения). Komento, No. 85. Boeikenkyusyo. Tokyo, 2018. P.4 (6 p.). (In Japanese).

⁹ Das Europäische Parlament. Lage in Afghanistan. Angenommene Texte: Vorläufige Ausgabe. Bundestag Verlag. Berlin, 2017. S. 6 (9 s.). (In Deutsch).

¹⁰ *Maduz, Linda*. Flexibility by design: The Shanghai Cooperation Organisation and the future of Eurasian cooperation. Center Security Studies Publishers. ETH zürich. Zurich, 2018. P. 16 (30 p.).

¹¹ *Tanaka, Hitoshi*. Nihon no Afugan shien wa nani-o yimi site iru no ka (В чем смысл японской помощи Афганистану?). Kokusai koryu senta. Nihon sogo kenkyusyo. Kokusai kaihatu jyanaru. Tokyo, 2011. P. 18–19. (In Japanese).

¹² *Beier Naduo, Mali Yani*. Zhongguo zai zhongya de juese yu liyi (Роль и выгоды для Китая в Центральной Азии). "Safer World". London, 2013. P. 10 (14 p.). (In Chinese).

Ю.В. Морозов

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ АКТОРОВ «СТРАТЕГИЧЕСКОГО ТРЕУГОЛЬНИКА» В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ

Значение Арктики в условиях глобализации XXI века

Характерной чертой XXI века является усиление международной конкуренции за доступ к энергоресурсам, обеспеченность которыми определяет состояние современной экономики ведущих государств мира. В обозримом будущем такая зависимость сохранится, несмотря на интенсивные поиски альтернативных источников энергии. Между тем, разведанные запасы разрабатываемых месторождений нефти близятся к истощению. По оценкам германских экспертов, ее разведанных запасов при нынешнем уровне их извлечения хватит не более чем на 30—40 лет.

В этих условиях Арктика как кладовая значительных запасов углеводородов, а также область расположения удобных трансконтинентальных морских и воздушных маршрутов стала привлекать к себе внимание развитых государств мира и международных объединений. Уже сегодня добыча полезных ископаемых в ряде ее районов становится все более рентабельной, а потому растет число акторов, намеренных активно осваивать арктический регион. Это влечет столкновения их интересов, что подтверждают, как обострение споров по поводу границ экономических зон между приарктическими государствами, так и желание не относящихся к ним стран получить свои права на использование арктических недр.

Физическая география определяет Арктику как часть земного шара, которая расположена севернее Полярного круга. Ее площадь составляет 21 млн кв. км и включает Северный Ледовитый океан с окраинными морями, расположенные там острова и прилегающие части материковой суши Европы, Азии и Северной Америки. В соответствии с географическим расположением приарктическими государствами являются Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания. На этот статус претендуют также Финляндия, Швеция и Исландия. Согласно Конвенции ООН по морскому праву (1982 г.) этим странам в указанном регионе принадлежат исключительные экономические зоны (шириной до 200 миль) и континентальный шельф (до 350 миль), в пределах которых они обладают суверенным правом на разработку недр.

Однако с правовой точки зрения, Арктика пока остается, по сути «ничейной землей». На международном уровне до сих пор не решен вопрос о способах «дележа» Арктики, его юридических основах и о том, кто имеет право делить — лишь соседние с Арктикой страны, или же она должна стать достоянием всего человечества. Поэтому для решения проблем разграничения арктического шельфа и для определения принадлежности участков шельфа, выходящих за эти пределы, в рамках Конвенции по морскому праву была создана Комиссия ООН по границам континентального шельфа.

Государство, сумевшее доказать Комиссии, что его континентальный шельф простирается за границу, автоматически принадлежащей ему полосы прибрежных вод шириной в 200 морских миль, будет обладать правами на всю нефть, газ и минеральные ресурсы данного шельфа. Наиболее верный способ убедить Комиссию ООН в «своей» принадлежности шельфа Арктики — представить исследование, полученное экспериментальным путем. Для этого международные функционеры требуют представить результаты прямого наблюдения этих территорий с помощью эхолотов.

Вместе с тем, еще до основания ООН и создания Комиссии еще в 1909 г. Канада распространила свою юрисдикцию на сектор Арктики, ограниченный меридианами, начинающимися в точках выхода ее сухопутной границы к Северному Ледовитому океану и сходящимися на полюсе. Ее поддержала Россия, приняв в 1916 г. анало-

гичный закон. И хотя другие приарктические государства подобного законодательного оформления своих владений в Арктике не приняли, но и возражений Канаде и России не высказали. Поэтому принцип секторального деления этого региона является признанной реальностью, и только в последнее время зазвучали призывы к его пересмотру. Причиной этого стало обнаружение в Арктике широкой номенклатуры полезных ископаемых, запасы ряда которых к тому же имеют достаточные для промышленного освоения объемы. Так, по оценкам Геологической службы США, в зоне Северного Ледовитого океана находится до 20 % мировых запасов углеводородов, причем потенциальные запасы нефти составляют 90 млрд баррелей, газа 47,3 трлн куб. м, газового конденсата 44 млрд баррелей¹. Наиболее значительные газовые месторождения лежат у берегов Аляски и Сибири². В связи с этим арктический шельф в перспективе может стать важным и даже основным источником углеводородного сырья. Кроме того, в северных широтах открыты значительные залежи различных руд, включая редкоземельные металлы. В Арктике также сконцентрированы крупнейшие биоресурсы, включающие более 150 видов только рыб, некоторые из которых играют ведущую роль в мировом рыбном промысле (рис. 1)³.

РФ, которой принадлежит половина побережья Ледовитого океана, претендует на большую долю ресурсов региона. Около 80 % запасов нефти и 90 % запасов газа и угля России залегают в ее Арктическом секторе. Одно только Штокмановское месторождение, которое совместно с Россией разрабатывают транснациональные компании, содержит 3800 млрд куб. газа — эквивалент объема газопотребления Франции на протяжении 80 лет. И в ближайшей перспективе Москва намерена расширить свои северные владения еще на 1,2 млн кв. (по территории это три Германии), подав соответствующую заявку в ООН.

Этот регион также играет особую роль в глобальных метеорологических и гидрологических процессах, которые определяют климат на Земле. Он влияет на перемещение воздушных масс в атмосфере и на циркуляцию воды в Мировом океане, определяющих погоду во всем северном полушарии.

Рис. 1. Границы секторов национальной юрисдикции Арктики. *Источник:* URL: <https://tass.ru/v-strane/4132845>

Арктика имеет и важное военно-стратегическое значение. Здесь находятся удобные позиции для старта баллистических ракет по целям их применения, а также систем противоракетной обороны (ПРО) и другие элементы систем стратегического сдерживания, что важно для национальной безопасности. Благодаря тому, что в условиях глобального потепления площадь льдов продолжает неуклонно сокращаться, военно-морские силы получают возможность действовать в Арктике на протяжении значительной части года.

В условиях глобализации для транснациональных корпораций весьма важно и то, что через Арктику проходят кратчайшие морские и воздушные маршруты, соединяющие Северную Америку и Европу. И по мере таяния льдов морской путь через арктические широты позволит сократить на 40 % протяженность маршрутов между Европой и Дальним Востоком. Так, расстояние от Петербурга до Владивостока по Северному морскому пути — 14,8 тыс. км, а вокруг мыса Доброй Надежды — 29,4 тыс. км.

Правда, использование этих путей пока сдерживают серьезные сложности плавания и полетов в высоких широтах, а также слабая транспортная инфраструктура региона. Из-за таяния полярных льдов может возрасти опасность, которую представляют дрейфующие льдины, что потребует крупных инвестиций в безопасность судоходства. Не избежать и необходимого для плавания на севере дооборудования транспортных судов (укрепления корпусов в районе ватерлинии, установки защиты винторулевой группы от повреждений во льдах, монтажа систем обогрева служебных, жилых и грузовых помещений и т. п.). Все это значительно снижает скорость перехода судов (дооборудование судна снижает его скорость на 10—15 %, плавающие льды в 2 раза, караванная проводка в 3 раза), что сводит на «нет» выигрыш в расстоянии для данного маршрута в сравнении с альтернативными южными.

На широкое освоение природных ресурсов Арктики накладываются ограничения ее экстремальные климатические условия, прежде всего, низкий температурный фон, мощный постоянный и сезонный ледовый покров на акваториях, вечная мерзлота на суше, полярные ночи. Хозяйственная деятельность там связана с высокими энергозатратами и зависимостью от внешнего завоза топлива и обо-

рудования, и иных товаров первой необходимости, отчего такая деятельность носит очаговый характер, локализуясь в местах важных для экономики промыслов и производств.

Другим ограничением является высокая уязвимость экосистемы Арктики, вызванная крайним дефицитом солнечного тепла. Прогнозируемое смягчение климата на планете также не так однозначно, о чем свидетельствует факт случившихся там несколько лет назад сильных и рано наступивших холодов, что тогда не позволило даже привычной к этому России выполнить в необходимом объеме план «северного завоза» в пункты Заполярья. Как считают ряд экспертов, если отмечаемое потепление климата, в основе которого лежат непознанные еще циклы развития планеты, выразится в заметном изменении его констант, то до этого пройдут многие десятилетия и сменится не одно поколение людей.

И все же, несмотря на указанные ограничения, стратегическое значение Арктики в условиях глобализации XXI в. неуклонно растет. Вследствие глобальных изменений мировой политики экономическая и военно-стратегическая роль Севера существенно повысилась. Арктика становится «лакомым пирогом» для ведущих государств мира и их союзов и полигоном территориальной, ресурсной и военно-политической игры. Попытки инициировать вопрос о пересмотре принципов и действующих международных норм, определяющих порядок разграничения владений в нем между государствами, содержат серьезный конфликтный потенциал. За правообладанием арктической зоной обостряются политические и юридические споры, которые тесно сплетены с экономическими. И государству, которое в этом регионе будет сильнее в военной области, легче будет доказать свое «право на Арктику» и заниматься там добычей полезных ископаемых.

Стратегия США и их союзов в Арктическом регионе

Интерес арктических и иных держав к разработке недр Арктики растет по мере интенсивности таяния полярных льдов. И каждый из этих акторов разрабатывает собственную программу освоения оттаивающих территорий, в которых военная составляющая занимает далеко не последнее место.

Так, в 2008 г. США обнародовали свой стратегический план развития арктического региона. Его концептуальная основа была разработана Комиссией по арктическим исследованиям, занимающейся разработкой вопросов геополитики. В поддержку деятельности Комиссии была учреждена межведомственная «Группа анализа и оценки обстановки в Арктике». В ее состав включены представители ВМС, береговой охраны, а также службы управления минеральными ресурсами, которые отвечают за запасы нефти, природного газа и других минералов на внешнем континентальном шельфе Америки.

«Группа» и Комиссия рассматривают курс приполярных стран на юридическое закрепление за собой территорий арктического шельфа как угрозу национальным интересам США и считают необходимым для сдерживания «территориальной экспансии» конкурентов в регионе интенсифицировать политику Соединенных Штатов в Арктике, в том числе, путем включения в соответствующие международные институты и присоединения к международным договорам. Для решения этой задачи Комиссией был разработан перечень территориальных претензий США на арктический шельф.

Базируясь на этой основе, Вашингтон не принимает ни один из вариантов уточнения секторального деления границ арктического шельфа, которые предлагаются приполярными государствами, оставаясь страной, не ратифицировавшей Конвенцию ООН по морскому праву 1982 г. При этом ключевым направлением политики Белого дома в Арктике является участие США в освоении континентального шельфа арктической зоны. Вашингтон стремится дополнительно получить территорию, простирающуюся на 600 морских миль (965 км) от Аляски к Северному полюсу. Присоединение шельфовых территорий Арктики увеличит общую площадь территории страны сразу на 4,1 млн км². В результате США по совокупной площади обойдут Россию, Китай, Канаду и станут самым крупным государством в мире. Кроме того, они смогут осваивать природные ресурсы общей стоимостью 1,3 трлн долл., включая ресурсы нефти на 650 млрд только на шельфе Аляски⁴.

США особое внимание уделяют формированию негативного отношения американского и международного сообщества к приполярным государствам, как к своим непосредственным конкурентам в

регионе. Вашингтон проводит кампанию по дискредитации их действий в Арктике. Задействуются и рычаги влияния внутри этих стран: американские и транснациональные нефтяные и газовые компании, претендующие на работу в северных широтах, международные экологические организации и другие структуры. Также у Вашингтона свой подход к определению статуса арктических проливов, который отличается от точек зрения Оттавы и Москвы. Конкретные претензии в этом смысле предъявляются к Оттаве по задействованию Северо-Западного прохода (СЗП) близ берегов Аляски, который Канада еще в начале 70-х годов XX в. объявила частью своих внутренних вод. А США претендует на прибрежную полосу в 200 миль в СЗП, ссылаясь на неподписанную ей (!) Конвенцию ООН по морскому праву, и оспаривает право Канады пользоваться проходом, как своими внутренними водами.

Американские эксперты выдвигают тезис о необходимости максимальной «интернационализации» прохода. Очевидно, США стремятся взять под контроль этот путь из Атлантического в Тихий океан через море Бофорта и море Баффина вдоль побережья Аляски, Канады и Гренландии, открывающийся по мере глобального потепления. Ибо в перспективе этот путь может сократить торговые пути на Восток на несколько тысяч километров. Аналогичные мотивы — необходимость максимальной «интернационализации», используются и в отношении к российскому Северному морскому пути (СМП).

К приоритетным областям, в которых действия зарубежных государств в Арктике оказываются под пристальным вниманием Белого дома, относится экология. Американские СМИ развернули настоящую информационную войну и периодически вбрасывают в глобальное информационное пространство различные сценарии нарушений приполярными странами стандартов использования окружающей среды. Пока это носит характер скрытой кампании, однако нельзя не отметить, что фоном к сюжетам о деятельности России в Арктике становятся ее разнообразные экологические проблемы.

Преобладание негативных тезисов в сюжетах не только о «российской» и «канадской», но о «датской» Арктике, большое количество озвучиваемых на различных площадках претензий к ним позволяют предположить, что арктическая тема становится предметом

жесткого экономического и политического торга США с Канадой, Данией и Россией.

Курс Москвы на юридическое закрепление за РФ территорий арктического шельфа рассматривается как угроза национальным интересам США. В этой связи одной из задач американской стратегии становится получение Вашингтоном, как минимум, высокой степени влияния на экономическую, экологическую и военную деятельность России в регионе. И нефтяные компании США, допущенные к проектам на территории российской Арктики, становятся проводниками этой линии. А для торможения проектов, непосредственно не связанных с американскими промышленными кругами, задействуются международные и российские экологические организации, создающие общественный резонанс вокруг вреда, наносимого РФ окружающей среде. Наиболее яркое свидетельство тому — акция Гринпис в Баренцевом море (сентябрь 2013 г.) направленная против деятельности российской нефтедобывающей платформы Приразломная.

Другой задачей США становится установление контроля над российским Северным флотом. В Баренцевом море с разведывательной целью совершаются полеты ВВС, походы боевых кораблей и подводных лодок ВМС США. К ведению разведки привлекаются и научно-исследовательские суда. Присутствие американских экспертов отмечается и в горле Белого моря — там, где Россия проводит испытания атомных подводных лодок. Самому пристальному изучению подвергается деятельность РФ на полигоне на Новой земле.

Для нагнетания страстей по теме ядерной безопасности в этом районе используются СМИ, причем наиболее авторитетные и влиятельные в мире. В публикациях крайне сомнительного содержания в СМИ и заявлениях американских политиков массовой аудитории насаждается представление о том, что российская Арктика — это едва ли не полностью милитаризованный регион и вся деятельность там подчинена только военным целям. При отсутствии реальных доказательств противоправных действий России при испытаниях оружия, в СМИ тиражируются обвинения неопределенного характера, позволяющие удерживать нужную для США тему «на плаву».

Если военные аспекты российского освоения Арктики в США зачастую искусственно преувеличиваются, то масштабы социаль-

но-экономической деятельности, наоборот, занижаются. Американские СМИ постоянно подчеркивают экономические и социальные проблемы в арктической зоне РФ. Формируется мнение, что только расширение иностранного экономического, гуманитарного, а в перспективе и политического, присутствия в российской Арктике может спасти регион «от деградации».

По сути, готовится почва для «гуманитарной интервенции» в будущем (такое информационное воздействие хорошо зарекомендовало себя на Балканах, когда США в рамках «гуманитарной интервенции» способствовали отделению Косово от Сербии, а также для смены режимов в Ираке, Ливии и Египте). В ее преддверии возможна активизация американских, или контролируемых США гуманитарных организаций, «сориентированных на помощь в сохранении традиционного образа жизни коренных народов и реализацию экологических и образовательных программ».

Одновременно Вашингтон наращивает свои военные возможности в Арктике, где во всех смыслах «оголенной» в 90-х годах XX в. в военном отношении российской Чукотке противостоит постоянно расширяющийся аляскинский бастион⁵. На территории этого штата расположены морская, армейская и военно-воздушные базы, и еще 54 других военных объектов. Принято решение о строительстве двух новых передовых баз береговой охраны в Барроу и в Номе.

Аляска также выполняет роль первого наземного «щита» Америки (база в Форт-Грили) в развертываемой глобальной системе ПРО. Наземный щит дополняет система ПРО передового морского базирования, первые элементы которой заработали на боевых кораблях в 2011 г. При этом зенитные управляемые ракеты (ЗУР) «Стандарт-SM3» могут запускаться с крейсеров (типа «Тикондерога») и эсминцев (типа «Орли Берк»).

В условиях таяния арктических льдов Пентагон может постоянно держать в высоких широтах (то есть на траекториях полета межконтинентальных баллистических ракет из России в США) оперативную группу в составе трех-четырех крейсеров и четырех-шести эсминцев (каждый крейсер может нести до 122 ЗУР, эсминец — до 90 ЗУР). Их суммарное вооружение (не менее 1000 ЗУР «Стандарт-SM3»), способное эффективно сбивать как МБР, так и их бое-

вые части, что достаточно для того, чтобы гарантировать безопасность США от атак с севера.

Американские ВВС и подлодки, выполняющие боевое патрулирование в зоне Северного Ледовитого океана, также обладают высокоточным оружием, которым, в случае развязывания военного конфликта, смогут уничтожать российские МБР, подводные лодки и бомбардировщики. Освободившаяся ото льда Арктика может сильно помочь Пентагону в этом. Американские ВВС и многоцелевые подлодки получают возможность наносить удары крылатыми ракетами из акватории Северного Ледовитого океана по всей территории России при почти полном отсутствии систем ПВО РФ в этом районе.

К этому следует добавить, что пространственная организация «Национальной противоракетной обороны» (НПРО) показывает, что стратегическое направление военной политики США на север, в сторону России, полностью сохраняется. Дело не меняет тот факт, что на сегодняшний день основные военные усилия США сосредотачиваются в АТР и также нацелены на Северную Корею и Иран. Вместе с тем НПРО США не меняет свою северную ориентацию.

В целом арктическая стратегия США соответствует сложившейся практике американских действий в ключевых регионах мира. Обеспечивая свои экономические интересы, Вашингтон сначала проводит информационные кампании определенного содержания. Одновременно в регионе расширяется военное присутствие США, на базе которого формируется механизм силового реагирования на возникающие кризисы. Аналогично будет развиваться и арктическая стратегия Вашингтона в отношении конкурентов, в цели которой входит расширение экономического и военного присутствия США в районах Арктики, интернационализация СМП и СЗП и, в конечном итоге, вытеснение России и других конкурентов из региона.

От США в военной области не отстает и *Канада*. В 2009 г. она обнародовала правительственный доклад о своей северной стратегии. В нем говорится о создании армейского тренировочного центра (в районе Резолют Бей), расположенного в 595 км от Северного полюса, увеличении численности подразделений арктических рейнджеров, формирующиеся из представителей коренных народов и индейцев — инуитов (в 2012 г. их численность в войсках была доведена до 5 тыс.).

На острове Баффинова Земля планируется сооружение глубоководного порта, который будет построен возле стратегически важного СЗП. Объявлено и о строительстве ледокола «Дж. Дифенбейкер» для береговой охраны. Оттава также обнародовала планы о постройке 8 арктических патрульных кораблей помимо уже имеющихся в береговой охране 17 ледоколов. Параллельно принимаются поправки к закону «О предотвращении загрязнения арктических вод», согласно которым юрисдикция Канады распространится еще на 100 миль морской акватории архипелага для освоения его ресурсов.

Правительство *Дании* одобрило план создания до 2014 г. объединенного Арктического военного командования, развертывание военной базы на севере Гренландии, а также формирование Арктической группировки сил реагирования. По заявлениям датской стороны, возрастающая международная активность в Арктике «изменит геостратегическое значение региона и, таким образом, поставит новые задачи перед вооруженными силами страны».

Норвегия также все активнее включается в орбиту военных приготовлений на Севере. Военные проблемы стали значительно чаще обсуждаться в печати, в научных кругах, в структурах власти страны. В акватории Баренцева моря круглосуточно патрулируют подлодки Норвегии. Действуют 4 радиолокационных центра, крупнейшие из которых — в Варде и Киркенесе — способны фиксировать происходящее в радиусе 2 тыс. км, что позволяет видеть весь Кольский полуостров и деятельность российского ВМФ.

Все вышеперечисленные страны входят в *НАТО*, которая никогда не скрывала свои интересы в Арктике, прежде всего — военные. Ныне на Северо-Западном европейском театре военных действий в зоне ОВС альянса находится акватория западной части Баренцева моря и архипелаг Шпицберген, а в зоне на Атлантике — атлантический сектор Арктики.

Планируемое дальнейшее расширение ответственности НАТО в направлении Северного полюса означает фактический отказ от границ операционных зон ОВС альянса, установленных документами 1949—1953 гг. По мнению экспертов НАТО, международное соперничество вокруг Арктики в ближайшем будущем — обострится, и не только из-за секторов и энергоресурсов, но и биоресурсов, пресной

воды, а также судоходных и воздушных путей. В совокупности это является глобальным вызовом безопасности евро-атлантического сообщества. Поэтому в документе, посвященном путям реформирования НАТО, говорится о высокой вероятности возникновения конфликтов в Арктике в результате потепления.

Готовясь к ним, альянс непрерывно укрепляется в рамках межгосударственной интеграции: США строят океанский флот, Великобритания, Бельгия, Нидерланды — противолодочные корабли, остальные специализируются на кораблях для закрытых ТВД. О растущей мощи ОВМС НАТО можно судить и по размаху маневров в Северном и Баренцевом морях. Только в середине 1990-х годов было проведено 13 учений, из них 9 крупномасштабных, в каждом из которых участвовало свыше 50 кораблей, 150 самолетов и вертолетов. Страны — члены НАТО также ведут постоянную работу по совершенствованию способности своих сухопутных подразделений действовать в северных широтах.

Стратегия Китая по освоению Арктического региона

Среди тех государств, которые по своему географическому положению не относятся к приарктическим государствам, наиболее активно в Арктике ведет себя Китай. Интересы КНР в Арктике тайной ни для кого не являются. Не случайно такое авторитетное в мире учреждение, как Стокгольмский Институт исследования проблем мира опубликовал целевое исследование «Китай готовится к Арктике, свободной ото льда».

Тем не менее, в северных широтах Пекину приходится действовать осторожно, поскольку мало кто заинтересован в том, чтобы одно из крупнейших государств мира получило доступ еще и к арктическим ресурсам. А для Китая принципиально важно показать, что он является великой державой и поэтому должен доказывать свой статус на деле, в том числе и в Арктике. В мае 2013 г. на 8-й сессии Арктического совета (АС) в шведском городе Кируна Китайская Народная Республика получила статус наблюдателя этой организации. Повышенный интерес руководства КНР к Арктике и стремле-

ние Пекина участвовать в деятельности АС объясняется стратегической важностью этого региона, которая, по мере глобального потепления, постоянно растет.

Пекин уже давно стремится стать постоянным участником деятельности в Заполярье. Так, в 80-е годы XX в. китайский инвестор пытался купить за 100 млн долл. участок в 300 кв. км (почти 1/4 площади Гонконга) на северо-востоке Исландии под предлогом создания экологического парка. Имея такую территорию за Полярным кругом, Китай получил бы основание не ограничиваться статусом наблюдателя в Арктическом совете, а добиваться постоянного членства АС. Однако в то время власти Исландии на такой шаг не пошли. Примечательно и то, что рупор КПК — газета «Жэньминь жибао» еще до открытия 8-й сессии АС, опубликовала сообщение, что якобы Россия, Канада, Норвегия и несколько других государств Арктического совета уже поддержали заявку Китая на право стать постоянным наблюдателем при АС с определенными дальнейшими перспективами в этой международной организации, что не соответствовало действительности.

Современная стратегия Пекина по освоению Арктики включает несколько направлений, в том числе:

Проведение широкомасштабных научных исследований Арктики. Китай регулярно отправляет на Северный полюс научные экспедиции (китайские ученые уже побывали здесь в 1999-м, 2003-м, 2008-м и 2010 г. и т. д.). С начала 80-х годов XX в. в норвежской зоне архипелага Шпицберген в Баренцевом море работает китайская научная станция «Хуанхэ». Здесь КНР демонстрировал свою новейшую технику, включая оборудование для особых глубоководных роботов. К 2008 г. китайцы провели восемь подледных и подводных исследований, в которых задействовали автоматического подводного робота «Арктика-ROV», оснащенного видеокамерой и гидролокатором и способного работать на глубине до 50 м. Основными направлениями китайских исследований служат изучение льдообразования, полярная океанография, исследования биоресурсов, изучение метеорологии, изменение окружающей среды на Северном полюсе, и т. д. Эти исследования проводятся с целью учета глобальных изменений климата в интересах развития экономики КНР.

О серьезности намерений Китая в регионе говорит тот факт, что за проведение научных программ в Арктике отвечает специальное управление по Арктике и Антарктике (Chinese Arctic and Antarctic Administration), организационно подчиняющееся Государственному океанологическому управлению, а китайский полярный научно-исследовательский центр заметно увеличил штат своих сотрудников (до 230 человек).

Активное использование Северного морского пути. Интерес Китая к Севморпути понятен: это кратчайший водный маршрут между Европой и Дальним Востоком. Он почти на 4,5 тыс. км короче, чем путь через Суэцкий канал. Изменившиеся климатические условия позволяют проводить по нему суда с июля по конец ноября. Маршрут этот не только короче, но и безопаснее: здесь нет пиратов, которые подстерегают торговые суда у берегов Сомали и которые до недавнего времени хозяйничали в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, а также в Малаккском проливе. Поэтому плавание вдоль северных берегов России привлекает зарубежные транспортные фирмы все сильнее. Если в 2010 г. по СМП прошли всего 4 судна, то в 2011 г. их было уже 34, а в 2012-м — 46. В 2013 г. российские власти выдали разрешения на совершение 400 рейсов по СМП.

Разрешение на транзит по СМП имеет большое значение для Китая, ибо летняя проводка судов по канадским и российским путям в Северном Ледовитом океане становится все более рентабельной. В 2013 г. по Северному морскому пути из порта Тайцан до голландского Роттердама впервые прошел китайский сухогруз Yong Sheng на две недели быстрее, чем продолжалось бы плавание по обычному маршруту через Индийский океан и Суэцкий канал. Разрешение на проход также получили китайские суда Da Cai Yun, Hong Xing. Есть разрешение на плавание по СМП судна Nordic Bothnia, ходящего под флагом Гонконга.

По оценке китайских экспертов, только на одном «северном» рейсе простого контейнеровоза или сухогруза можно сэкономить до полумиллиона долларов. Согласно ряду прогнозов китайских ученых, к 2030 г. весь Северный Ледовитый океан может очиститься от ледяного покрова. А это открывает горизонты для новых, более коротких, безопасных, дешевых маршрутов судоходства. Для Пекина

этот вопрос крайне важен, с учетом того что экономика этой крупнейшей страны-экспортера на 46 % зависит от международного судоходства. Освобожденная ото льда Арктика способна не только увеличить китайский грузопоток по морю, но коренным образом изменить всю мировую торговлю.

В связи с этим обстоятельством нельзя исключать, что в будущем, по мере усиления КНР и продолжающейся стагнации экономики России, Пекин может потребовать предоставления Северному проходу статуса нейтральных вод. Неслучайно представитель Дзяньского морского университета Ли Чжэнфу считает, что получивший «контроль над арктическим маршрутом будет контролировать новый путь мировой экономики». А профессор Го Пэйцин из Китайского университета океана называет споры арктических держав за шельф «вызовом» международному праву, в том числе и со стороны России.

Перспективу освоения Арктики в интересах своей страны китайские лидеры видят *в развитии собственного ледокольного флота*. Для этого Пекин собирается интенсифицировать работу по строительству мощных ледоколов, став самым крупным производителем морской техники, предназначенной для освоения северных широт. В высоких широтах уже ходит китайский ледокол «Сюелун» («Снежный дракон»), который КНР приобрела у Украины. В 2014 г. к нему присоединился более мощный ледокол водоизмещением 8 тыс. т, который сможет преодолевать льды толщиной более полутора метров. В Шанхае перестраивается порт приписки ледокольного флота, возводятся корпуса для центра обработки данных, хранилища полярного льда и др. Также в Китае принята программа создания других ледоколов, которые, по мнению китайцев, будут сверхмощными.

Китай также начал *освоение арктических богатств на практике*. В частности, китайская корпорация по добыче шельфовой нефти CNOOC в партнерстве с исландской группой Eukon Energy приняла участие в тендере на получение лицензии на разведку и добычу углеводородов у северного побережья Исландии.

Китайская корпорация CNPC приобрела 20-процентную долю в проекте «Ямал СПГ». Этот проект предусматривает строительство завода, на котором природный газ Южно-Тамбейского месторожде-

ния будет сжижаться и закачиваться в крупнотоннажные СПГ-танкеры. Мощность завода — примерно 16,5 млн т сжиженного газа в год. Параллельно здесь будет создаваться морской порт, а в районе поселка Сабетта на Обской губе будет построен аэропорт. Капитальные затраты на реализацию проекта — более 20 млрд долл. Он финансируется консорциумом, в который в том числе вошли Банковская корпорация развития Китая, Промышленный и коммерческий банк Китая, Банк Китая и Китайский строительный банк.

Таким образом, не обладая значительными запасами полезных ископаемых, Китай стремится обеспечить себе с помощью своей значительной финансовой базы доступ к их разработке в Арктике. В связи с этим небезынтересен комментарий российского эксперта А. Инджиева, которой объясняет такое поведение Китая: «Они не хотят быть отрезанными от доступа к Арктике, активно продвигая мысль о том, что у России, контролирующей существенную часть региональных ресурсов, нет ни технологий, ни капитала для добычи этих богатств. Поэтому и грезят о создании совместных предприятий для добычи в российских водах с привлечением китайского капитала и западных технологий. На самом же деле Поднебесная, конечно же, печется только о своих интересах»⁶.

Китайские амбиции в Арктике стимулирует и то, что формально с международно-правовой точки зрения Арктика является «ничьей», чем и пользуются Китай, стремящийся доказать, что ни у кого нет исключительных прав на освоение этого региона. Как заявил еще в 2010 г. китайский контр-адмирал Инь Чжо, «Арктика принадлежит всему миру, так что ни у одного народа нет над ней единоличной власти. При этом Китай как страна, где проживает пятая часть населения всего Земного шара, должен непременно принять участие в арктическом освоении»⁷.

В реализации своей стратегии в Арктике Китай предпочитает блокироваться со странами АС, чьи позиции не так сильны перед лицом таких крупных держав региона, как США, Россия и Канада. Так, несмотря на свои противоречия с Норвегией⁸, он заключал с ней договоры по освоению Арктической зоны. Если же говорить о стратегическом партнере КНР, то государство, которое выражает однозначную поддержку Китаю в плане освоения Арктики — это

Исландия. Причина заключается в том, что с начала экономического кризиса Исландия стала существенным образом зависеть от китайских инвестиций. КНР выдает этой стране кредиты под шадящие проценты. Между Рейкьявиком и Пекином даже действует договор о свободной торговле.

Еще одной сторонницей присутствия Китая в Арктике является Дания. Одно из оснований является не только стремление Копенгагена получить поддержку Пекина в спорных вопросах с другими странами, но и желание также получить китайские инвестиции при разработке природных ресурсов Гренландии, в частности, месторождений нефти и газа на шельфе.

А для Китая эта автономная провинция Дании, является идеальным местом для закрепления своего присутствия в регионе, который богат не только энергетическими ресурсами, но и 10 % мировых запасов пресной воды. Гренландия — оптимальная географическая точка входа для китайских предприятий, интересующихся арктическими ресурсами, потому что у правительства острова нет возможностей для самостоятельной добычи полезных ископаемых. Вполне вероятно, что по причине малонаселенности острова китайские фирмы будут завозить туда из КНР большое количество рабочих для строительства электростанций, предприятий по обогащению руды и прочих объектов гренландской инфраструктуры, в которую Китай инвестирует средства.

Таким образом, стратегия Китая в северных широтах не на словах, а на деле доказывает то, что он все увереннее становится глобальной державой, способной бросить вызов остальным странам мира, не исключая РФ и США. Борьба за ресурсы Арктики становится все более интенсивной, и Китай будет играть в ней все более значимую роль. Помогать сверхдержаве будут представители слабеющей Европы, стремящиеся хоть как-то удержаться на плаву и подыскивающие новых, пусть и несколько неожиданных, союзников.

В связи с активностью Китая в Арктике для Российской Федерации складывается двоякая ситуация. С одной стороны, Китай для РФ — стратегический партнер, с которым по многим геополитическим вопросам просматриваются схожие позиции, но с другой стороны, для России это означает появление в арктических широтах

еще одного конкурента в лице Китая, претендующего на освоение арктических богатств. КНР в качестве страны-наблюдателя АС уже получила юридические предпосылки для того, чтобы получить доступ к ресурсной базе богатейшего региона. И рассчитывать на то, что Китай остановится только на позиции наблюдателя в АС, не приходится.

Национальные интересы и стратегия России в Арктике

В связи с ростом значимости Арктического региона в России в 2008 г. была принята стратегия его освоения⁹. Она определяет основные принципы государственной политики в Арктике до 2020 г. и призвана оптимизировать систему контроля за обстановкой в этом регионе, где Россия намерена сотрудничать с другими приарктическими державами в его освоении.

В этом документе *в качестве национальных интересов* названы: использование Арктической зоны РФ в качестве стратегической ресурсной базы государства, обеспечивающей решение задач социально-экономического развития страны; сохранение Арктики в качестве зоны мира и сотрудничества; сбережение уникальных экологических систем региона; использование Северного морского пути в качестве единой национальной транспортной коммуникации РФ.

Эти интересы определяют главные цели, а также *стратегические приоритеты* государственной политики РФ в Арктике, которые конкретизируются по ряду направлений, в том числе:

- в области социально-экономического развития — расширение ресурсной базы Арктической зоны РФ, способной в значительной степени обеспечить потребности России в углеводородных ресурсах и других видах стратегического сырья;
- в сфере военной безопасности — обеспечение благоприятного режима в Арктической зоне для России, включая поддержание необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) Вооруженных Сил РФ;
- в области экологической безопасности — сохранение и защита природной среды Арктики, ликвидация экологических послед-

ствий хозяйственной деятельности в условиях возрастающей экономической активности и глобальных изменений климата;

- в сфере международного сотрудничества — обеспечение режима взаимовыгодного двустороннего и многостороннего сотрудничества России с другими государствами на основе международных договоров и соглашений, участницей которых она является.

Эти цели достигаются решением следующих *задач*.

В области социально-экономического развития — осуществлением геолого-геофизических, гидрографических и картографических работ по подготовке материалов для обоснования внешней границы Арктической зоны РФ; разработкой и внедрением новых видов техники для освоения морских месторождений полезных ископаемых и водных биологических ресурсов в арктических условиях; реструктуризацией объемов грузоперевозок по Северному морскому пути и оптимизацией «северного завоза» за счет использования возобновляемых и альтернативных источников энергии, реконструкции и модернизации выработавших ресурс энергетических установок, внедрения энергосберегающих материалов и технологий.

В сфере военной безопасности — созданием группировки войск (сил) общего назначения ВС РФ, других войск и органов в Арктической зоне России, способных обеспечить военную безопасность государства в регионе; оптимизацией системы комплексного контроля обстановки в Арктике, включая контроль в пунктах пропуска через госграницу и на трассе Северного морского пути; созданием активно функционирующей системы береговой охраны в Арктической зоне России.

В области экологической безопасности — обеспечением сохранения биологического разнообразия арктической флоры и фауны путем расширения сети охраняемых природных территорий и акваторий в условиях расширения экономической деятельности и глобальных изменений климата; плановой утилизации судов с ядерными энергетическими установками, отслуживших установленные сроки эксплуатации.

Решение этих задач реализуется поэтапно. Так, на втором этапе реализации стратегии (2011—2015 гг.) планировалось: международ-

но-правовое оформление внешней границы Арктической зоны России и решение задач ее структурной оптимизации. Для этого Москва должна была представить такую заявку в ООН еще в 2010 г., однако этот срок был перенесен на 2013 г. На третьем этапе (2016—2020 гг.) должно быть реализовано превращение Арктической зоны России в ведущую стратегическую ресурсную базу государства. Ряд задач уже выполнены или находятся в процессе реализации. Так, на Ямале растет добыча газа, в сфере военной безопасности России в арктической зоне воссоздается группировка войск в Арктике. Еще одним нововведением является создание системы береговой охраны ФСБ РФ. В связи с активизацией мореплавания по СМП было принято решение о реанимации военной базы на Новосибирских островах.

В целом о необходимости возвращения в Арктику в России говорили регулярно, но воплощение этих пожеланий стало возможно первоначально благодаря двум основным факторам: последовательное долговременное улучшение навигационных условий в Заполярье, позволившее значительно расширить сроки навигации в ряде ранее труднодоступных районов, и начавшееся практическое освоение арктических запасов углеводородов.

Этой активности не помешало даже снижение цен на углеводороды в конце 2000—2010-х годов, хотя ряд планов был скорректирован. Тем не менее, начавшаяся эксплуатация платформы «Приразломная» в восточной части Баренцева моря и строительство порта Сабетта, созданного в рамках крупного газового проекта «Ямал-СПГ», стали первыми ласточками новой волны экономического освоения русского Севера.

Рост доступности Севморпути, облегчающий эту задачу, повышает привлекательность Арктики и для других игроков: сокращение пути из Западной Европы в Восточную Азию на несколько тысяч миль даже по сравнению с маршрутом, проходящим через Суэцкий канал, делает этот маршрут крайне выгодным — особенно если в регионе будет создана соответствующая инфраструктура, обеспечивающая безопасность мореплавания.

Вместе с тем гражданское развитие региона невозможно отделить от военного, тем более учитывая, что географические особен-

ности Арктики, делающие ее самым коротким «мостом» между Россией и США, никуда не делись. Поэтому 1 декабря 2014 г. в России было сформировано новое, пятое по счету, объединенное стратегическое командование (ОСК). ОСК «Север», созданное на основе сил Северного флота и переданных частей Западного, Центрального и Восточного военных округов, стало отвечать за оборону Заполярья и приполярных районов Европейской части России, а также за военное присутствие на островах Северного Ледовитого океана. Несколько раньше, в 2012—2013 годах началось исследование заброшенных арктических баз, первоначально под лозунгом очистки их от накопившегося в предыдущее время мусора, в том числе экологически опасного. В 2014—2015 гг. на континенте и ряде островов начались масштабные работы по восстановлению арктической военной инфраструктуры.

Восстановление присутствия на островах, которые в предшествующий период были оставлены практически все, кроме острова Южный Новоземельского архипелага, стало наиболее интересной частью проекта. Фактически, создав цепь островных баз от Земли Франца-Иосифа до острова Врангеля, Россия получает вынесенную в океан систему раннего обнаружения и обороны, прикрывающую континентальную Арктику. Необходимость создания этой системы обусловлена как экономическим потенциалом СМП и прилегающих территорий, так и новыми военными реалиями — охлаждение отношений между Москвой и НАТО, начавшееся задолго до украинских событий, требовало принятия соответствующих мер вне зависимости от экономической значимости региона.

Развертывание в Заполярье новых воинских частей, включая специально подготовленные к действиям в Арктике бригады, возвращение на север значимых сил ПВО и авиации, включая самолеты дальнего радиолокационного обнаружения А-50, и перехватчики МиГ-31, конечно, пока не позволяет говорить о возвращении противостояния к масштабам холодной войны, но особенности Арктики заключаются в том, что даже весьма малые силы могут сыграть стратегическую роль, первыми заняв ту или иную важную точку.

В этих условиях критически важным становится обеспечение постоянной транспортной доступности ключевых узлов — за счет

совершенствования аэродромной сети, строительства новых железных дорог в Арктике и приближенных к ней районов, а также возобновления серийной постройки атомных ледоколов. Строительство двух кораблей по проекту ЛК-60Я, а в перспективе, возможно, и сверхмощного ЛК-110, в сочетании с постройкой дизельных ледоколов позволяет говорить о сохранении возможностей России по обеспечению доступа в любой район Арктики в течение большей части года.

Большинство этих баз должны обеспечить работу развернутых на островах радаров, прикрытых теми или иными силами ПВО. Наиболее значимая группировка развернута на Новой Земле, где в числе прочего размещена зенитная ракетная система С-400 и обеспечено дежурство перехватчиков, что делает архипелаг центром всей арктической позиции.

Помимо названных причин, не стоит сбрасывать со счетов и интересы ядерного сдерживания. Возвращение к логике холодной войны, включая и рост активности разведывательной авиации и флотов сторон у побережья «вероятного противника», означает и выросшую угрозу атаки на развернутые в Заполярье российские морские стратегические ядерные силы — а на борту семи стратегических ракетноносцев, входящих в состав Северного флота, размещено около трети от общего числа российских боевых зарядов по правилам зачета договора СНВ-3¹⁰.

С этим решением была связана ледокольная проводка 10 боевых кораблей и судов обеспечения Северного флота летом 2013 г. Отряд во главе с тяжелым ракетным крейсером «Петр Великий» вышел из Североморска и совершил переход по Баренцеву и Карскому морям, преодолев более 1,5 тыс. морских миль. 400 миль по районам со сложной ледовой обстановкой. Отряд сопровождали 4 атомных ледокола («Ямал», «Вайгач», «50 лет Победы» и «Таймыр»). Однако это только первые шаги в воссоздании необходимого боевого потенциала группировок войск (сил) ВС РФ в северных широтах. Особенно это касается разработки и внедрения новых видов техники для освоения морских месторождений полезных ископаемых и водных биологических ресурсов в арктических условиях, получения иностранных инвестиций для освоения северных территорий страны.

Развитие обстановки в регионе и вызовы национальным интересам РФ

Точно просчитать, как будет меняться будущая роль ведущих игроков в Арктике чрезвычайно сложно, из-за необходимости учитывать множество независимых переменных. И то, что Россия сможет позволить себе в Арктике в будущем, во многом будет зависеть от эффективности мер, направленных на выход из стагнации страны, о чем говорил В. Путин на совещании правительства РФ в октябре 2018 г., взлетов и падений других держав и их коалиций, от изменения их веса по отношению к ней.

В целом центр глобальной динамики и далее будет перемещаться из Европы и Атлантического региона в страны Азии и Тихоокеанского бассейна, где продолжится динамичное развитие Китая и Индии. Глобализация будет и далее определять международную обстановку и значение Арктического региона для развитых государств мирового сообщества будет неуклонно возрастать в связи с открывающимися возможностями региона.

Арктические исследования и военные приготовления западных стран будут идти по нарастающей, поскольку научные, экономические и технические возможности у них уже есть и год от года они будут увеличиваться. *В перспективе возможностями, которые открываются для Китая в Арктике в связи с глобальным потеплением, могут воспользоваться и военные ведомства НОАК.*

Западные государства — члены АС будут прагматично преследовать свои национальные интересы в Арктике, между ними вряд ли возникнут существенные идеологические расхождения, способные обострить межнациональную конкуренцию. Очевидна и другая тенденция: эти страны во главе с США не только все больше будут сближаться в своих общих интересах против России, но и противодействовать закреплению Китая в Арктике, привлекая к этому другие государства.

В рамках информационных войн в западных СМИ будут периодически появляться публикации мнений «авторитетов» о необходимости приостановить наращивание деятельности Москвы и Пекина в Арктике и широкое обсуждение данного вопроса. Подобные при-

звы, не учитывающие исторически сложившиеся реалии и устремления России сотрудничать с другими державами в освоении Арктики, будут иметь цель — лишить РФ каких-либо возможностей для отстаивания ее национальных интересов на самом обширном участке прилегающих акваторий и шельфов.

Независимо от того, какое решение будет принято комиссией ООН по уточнению границ принадлежности арктического шельфа для приарктических государств, споры и конкуренция между ними будут нарастать. Усилится милитаризация региона, роль военной силы в Арктике будет играть существенную роль. ВМС США будут по-прежнему являться главным аргументом Вашингтона в решении основных проблем Арктики.

Россия будет окружена антироссийски настроенными странами и их союзами более динамичными, нежели она сама, в экономическом, военном и политическом отношении. И по мере глобального потепления они усилят давление на Москву в интересах интернационализации использования Севморпути в качестве транспортной коммуникации мирового сообщества. К такому давлению может присоединиться и Пекин. Интернационализация этого вопроса будет одним из способов Китая, дабы получить более весомые козыри в споре за арктические богатства.

Пока в Арктике наблюдается относительная стабильность. Но нельзя исключить, что если в будущем начнется «силовой передел» этого региона, то в Северных широтах *возможна реализация сценария межгосударственного вооруженного конфликта.*

Западное аналитическое издание Strategic Culture рассказало, что британцы, фактически не имея никаких прав на Арктику, готовятся к войне с Россией в этом стратегически важном для нее регионе. По словам аналитиков, интересы и планы на эту территорию могут иметь только восемь стран. Речь идет о России, США, Швеции, Исландии, Канаде, Норвегии, Финляндии и Дании. Тем не менее, в последнее время в их число активно пытается «вписаться» еще один крупный игрок в лице Великобритании, который убежден, что он тоже располагает правами на Арктику. Так, британский министр обороны Гэвин Уильямс заявил, что РФ должна покинуть арктический регион, потому что он «находится на заднем дворе Британии».

Эксперты Strategic Culture не согласны с его заявлением. Ключевая претензия к Лондону со стороны прессы заключается в том, что он уже не может вторгнуться на эту территорию в силу исторической составляющей. Дело в том, что Арктику негласно «поделили» на зоны влияния, и Британия в этом списке не фигурирует. К тому же, подобные заявления со стороны официальных лиц Лондона, похожие на готовящийся «удар из ниоткуда», Россия может воспринять резко негативно. Более того, остальные государства также преследуют свои интересы в регионе. По всей вероятности, воинственные заявления Лондона — это прямая демонстрация того, что Запад заинтересован к возможной стычке с Россией в Арктике. Причем это делается руками страны, которая в принципе не имеет отношения к данному району на Северном полюсе. Очевидно, западные политические элиты не берут в расчет тот факт, что регион имеет огромное стратегическое значение для России и поэтому она размещает там свой военный контингент, способный отразить потенциальный удар любого агрессора.

Кроме того, администрация США также предупредила мировое сообщество о возможности такого конфликта вокруг природных ресурсов и «земель» Арктики. Об этом говорится в американской «Стратегии сотрудничества по военно-морским силам XXI века». Будущую ситуацию в Арктике ее авторы включили в список «вызовов новой эры», к которым необходимо быть готовыми. Для этого США планируют использовать свои ВМС, как для демонстрации военной мощи, так и для давления на государства, политика которых в Арктике не устраивает Вашингтон. В частности, в документе подтверждается, что «мощь крупнейшей в мире армады, насчитывающей 279 надводных и подводных кораблей, будет концентрироваться там, где высока напряженность или, где США захотят продемонстрировать союзникам приверженность идеям безопасности региона».

В Арктике, существуют и другие вызовы региональной стабильности, которые затрагивают национальные интересы России.

Первый из них — это *проблема разграничения полярных владений*. России предстоит вести борьбу в ООН с США, Канадой, Норвегией и Данией, отстаивая свое право на богатства в условном треугольнике

ке Архангельск — Северный полюс — Чукотка. В этом треугольнике оппоненты России будут проводить единую и скоординированную политику недопущения РФ к богатствам шельфа. Для чего ими уже выдвигаются идеи, что к Арктике надо подходить как «к общему наследию человечества», имея в виду открытие этого региона для международных нефтегазодобывающих компаний. Многое в этих планах не совпадает с экономическими, геополитическими и оборонными интересами России и представляет системную угрозу ее национальной безопасности.

Другой вызов региональной стабильности — существующие *противоречия между приарктическими государствами*. В позициях каждого из них по вопросам деятельности в своих секторах существуют противоречия с другими странами региона. Так, Канада не желает, чтобы СЗП приобрел статус международного. При этом необходимо отметить двойственность политики Оттавы по этому вопросу. СЗП — «свой», а не путь вдоль берегов РФ, за интернационализацию которого Канада активно выступает.

Дания не может договориться с Канадой относительно границ юрисдикции на разделяющих их владения акваториях. Есть у неё разногласия по ряду проблем использования Арктики с Норвегией и Россией.

Предметом длительного спора России с Норвегией являлся «серый сектор» континентального шельфа в Баренцевом море площадью 170—180 тыс. кв. км (больше, чем территория всей Прибалтики), где есть богатые нефтегазовые месторождения. Норвежцы чувствуют себя на спорных территориях хозяевами. Нефтедобычу они пока там не ведут, но российские рыболовные суда выпроваживают оттуда крайне решительно.

Этим обуславливается следующий вызов стабильности — постоянный *рост милитаризации региона*. Пять лет тому назад несколько комиссаров Евросоюза подготовили для стран-членов ЕС доклад, в котором предупредили об опасности возможных конфликтов в Арктике. Следуя в русле таких опасений, скандинавские страны объявили о создании собственного военного блока. В него вошли Дания, Исландия и Норвегия, являющиеся членами НАТО, а также придерживавшиеся до последнего времени политики неприсоединения к

военно-политическим альянсам Финляндия и Швеция. При этом они объявили, что их объединение преследует цели «обеспечения безопасности в арктическом регионе»¹¹. Если для Дании и Норвегии, обладающими секторами в Арктике, так и для Исландии, примыкающей к ним, но не имеющей собственных ВС, подобные действия в целом оправданы, то не совсем ясен интерес к «Скандинавскому блоку» Швеции и Финляндии, которые не располагают прямым выходом в Арктику. Можно предположить, что намерения Стокгольма и Хельсинки — включиться в пересмотр существующего status quo в регионе, а также желание оказать давление на Москву, которая ужесточает свои позиции в вопросах продажи леса, за счет которого во многом функционирует скандинавская бумажная и деревообрабатывающая промышленность.

«Скандинавский блок» создает «военный кулак», который будет способным конкурировать и даже преобладать над силами общего назначения России в Арктике. Суммарные силы нового блока насчитывают около 600 боевых самолетов, 24 подводные лодки и свыше 30 боевых кораблей основных классов, а также до 220 более мелких кораблей и катеров. Арктическая направленность блока, как и его преимущественно антироссийская направленность — очевидны. Ибо давно известно, в основе всякого военного объединения лежит подготовка к проведению силовых акций, а значит, нужен и объект, консолидирующий необходимость такой подготовки. Если взглянуть на карту Севера планеты, то кроме России и выбрать в его качестве там некого. И если США и НАТО давно проводят военные приготовления в Арктике, то сейчас к ним присоединяется и «скандинавский блок», что добавляет тревожные «ноты» в полемику относительно возможных направлений дальнейшего развития событий в Арктике.

Проблемы трансарктических перевозок. Следует отметить, что с точки зрения международных правовых основ маршрут СМП проходит по акваториям с различным правовым статусом. Это — внутренние воды России, территориальное море и прилежащие воды, а также районы, отнесенные к исключительной экономической зоне РФ и открытое море¹². Начиная с 1991 г. Москва открыла СМП для проводки иностранных судов, установив при этом некоторые ограниче-

ния, поскольку его маршрут в основном проходит по водам, находящимся под юрисдикцией РФ. По некоторым оценкам потенциального объема транзита по СМП, он может достичь 8—12 млн т в год. Правда, это значение пока не дотягивает и до 0,05 % того объема транзита, который сейчас осуществляется через проливную зону Юго-Восточной Азии, превысившего 2 млрд т в год. И, как считают российские эксперты, в обозримом будущем плавание в арктических водах будет возможно по-прежнему только в течение нескольких теплых и светлых летних месяцев. Причем и тогда на некоторых и довольно протяженных участках пути, например, между островами Врангеля и Новая Земля (свыше 3 тыс. км) не представится возможным совсем отказаться от ледовой проводки.

Несомненно, что широко рекламируемая в СМИ оценка западными специалистами данного маршрута, как весьма перспективного для коммерческого судоходства между Америкой, Европой и Азией, имеет иную цель. Это один из способов, с помощью которого транснациональные и крупные национальные компании развитых стран стремятся проникнуть в российское Заполярье, с задачей закрепить там и развернуть хозяйственную деятельность для установления в последующем своего контроля над добычей ресурсов, прежде всего энергетических, в этом регионе планеты¹³.

Тем не менее, Россия заинтересована в участии западных компаний в освоении ресурсов на своем шельфе и расширении транзита грузов по СМП, как дополнительного источника валютных поступлений для развития инфраструктуры российского арктического региона. Ведь Заполярье приносит 21 % в национальный ВВП, а его экспортная продукция составляет 17 % всего экспорта РФ¹⁴. Наряду с задачей привлечения иностранных инвестиций в модернизацию северных предприятий, у Москвы есть потребность шире привлекать к вывозу этой продукции зарубежных перевозчиков. С этой целью РФ уже открыла значительное число своих северных портов для захода судов, несущих флаги других государств. Аналогичные мотивы определяют заинтересованность Москвы в развитии кроссполярных воздушных маршрутов в Арктике, что нашло прямое отражение в документах, определяющих приоритеты российской политики в этом регионе.

На этом фоне деструктивными для российских интересов выглядит стремление «интернационализировать» СМП (или хотя бы некоторые его участки). Так, Евросоюз, подавляющее большинство стран-членов которого имеют весьма отдаленное отношение к Арктическому региону, настаивает на расширении круга акторов, которые бы участвовали в решении проблем региона и эксплуатировали там месторождения полезных ископаемых, а также подводит юридическую базу под идею интернационализации СМП, игнорируя существующую его нормативно-правовую основу.

Поэтому за предложениями типа создания «Международного транспортного консорциума для управления СМП» видится желание третьих акторов оттеснить Россию от руководства этой важной артерией (в том числе, от выработки эксплуатационной и тарифной политики, правил безопасности и контроля за их исполнением, и т. д.). Причем, в случае поступления аналогичных по сути предложений Москвы, в отношении владений самих инициаторов этого предложения, они вряд ли даже стали бы их обсуждать.

Экологические вызовы. Как уже отмечалось, природа в Арктике в высшей степени чувствительна к антропогенному воздействию и очень медленно восстанавливается после грубого вмешательства. Хозяйственная деятельность человека там особенно негативно влияет на окружающую среду, которая ранее считалась эталонно чистой. В нынешнее время зимой и весной в регион нередко попадают загрязненные воздушные массы из отдаленных районов Евразии. Так, в докладе Арктического совета сообщается, что в регион постоянно заносятся устойчивые к разложению вещества, которые обнаруживаются уже не только в почве, но и в организмах животных. При этом уровень их концентрации в большей части арктической зоны можно объяснить только переносом из районов более низких широт.

Также в Арктической зоне РФ экспертами выделено 27 районов, получивших название «импактных», где процессы загрязнения уже привели к сильной трансформации естественного геохимического фона, загрязнению атмосферы, деградации растительного покрова и почвы, повышенной заболеваемости местного населения. Крайне остро стоит проблема утилизации промышленных отходов, в боль-

шом количестве накапливающихся вокруг предприятий. Так российское объединение «Апатит» ежегодно складировает около 30 млн т отходов. За относительно короткий срок освоения Арктики пробурено десятки тысяч скважин и на половине из них случаются аварийные утечки¹⁵.

Существует потенциальная опасность радиоактивного загрязнения региона. Ее причина — неудовлетворительное техническое состояние объектов хранения радиоактивных отходов и отработавшего ядерного топлива. Только на атомных подводных лодках Северного флота РФ, находящихся в отстое, и на береговых хранилищах Кольского полуострова сосредоточено около 250 активных зон реакторов¹⁶.

Аналогичные примеры негативного воздействия на экологию Арктики можно привести и из деятельности других приарктических государств. Поэтому экологические проблемы Арктики нельзя рассматривать как сугубо национальные, или региональные, поскольку они являются индикатором глобальных тенденций. К тому же следствия нарушения экологического равновесия рано или поздно выходят за границы отдельных стран. Реализовать такие важнейшие проекты как обоснование «экологической емкости» территорий допустимых «антропогенных нагрузок», а также разработать нормативы природопользования для условий Арктики можно только усилиями всех приарктических государств.

Поэтому Россия и Китай как две великие океанические державы обладающие достаточным опытом и компетенциями для реализации комплексного фундаментального подхода к решению основных научных проблем мирового арктического сообщества 10 апреля 2019 г. подписали Соглашение, которое направлено на развитие двухстороннего сотрудничества и сохранения природного многообразия в Арктике. Создание Центра позволит вывести научное сотрудничество России и Китая на новый уровень. Теперь эти страны могут осуществлять совместное планирование и реализацию крупных проектов, среди которых совместные Арктические экспедиции, вести активный инновационный диалог в части исследования минеральных и биологических ресурсов океанских глубин с целью сохранения уникальных подводных экосистем¹⁷.

Возможные шаги России по укреплению своих позиций в Арктике

Из выше изложенного следует, что в свете стоящих перед страной задач по освоению Арктики, основной целью России на ближайшее десятилетие должно стать укрепление статуса арктической державы по следующим направлениям.

Первое направление — в «Арктическом Совете» — целесообразно выступать ведущим субъектом в освоении и эксплуатации ресурсов Арктики, развивая диалог и партнерство в этой сфере с недавно принятыми в АС странами-наблюдателями. Прагматичная политика РФ в этой организации, основанная на уважении чужих национальных интересов, может свести к минимуму число потенциальных недругов и установить благоприятный международный климат, при котором Россия могла бы направить свою энергию на развитие своих арктических владений.

Второе. Необходимо стать ключевым субъектом глобальной энергетики и лидером в разработке новых технологий в нефтегазовой сфере в условиях крайнего Севера. При этом продолжать оставаться ведущим поставщиком энергоносителей с севера России в страны Европы и в Китай, иницируя их инвестиции в российский Север.

Третье. Важно стать основным партнером для всех государств, заинтересованных в освоении Арктики, используя для этого свои преимущества — обладанием самым мощным ледокольным флотом в мире и контролем за Севморпутем. Это козырь для России: на самом трудном участке маршрута корабли могут проходить этот путь только в сопровождении российских ледоколов.

Четвертое. Союзником России в освоении ресурсов Арктического региона может стать Китай. Для этого у обоих государств есть объективная заинтересованность. КНР стремится выйти из-под американского контроля поставок энергоресурсов в страну из нефтедобывающих государств арабского мира. Зависимость от экспорта энергоресурсов и, особенно, нефти — является «ахиллесовой пятой» промышленности КНР, главного соперника США. Альтернативой этому является развитие энергопоставок из России, включая в пер-

спективе и Арктику. РФ может оказать КНР помощь в проведении исследований в Арктике и в развитии флота, предназначенного для плавания в северных широтах. В свою очередь Россия заинтересована в финансовых инвестициях из Китая в развитие инфраструктуры северных территорий. В связи с этим в МИД РФ целесообразно проработать вопрос о перспективе тандема в ООН Москвы и Пекина при решении спорных вопросов в Арктическом регионе.

Пятое. Необходимо быть готовым к усилению информационно-противоборства по проблемам Арктического региона, играя на опережение оппонентов в этой сфере и не повторяя прошлых ошибок (например, по освещению событий на Кавказе 2008 г.). Важной составляющей российского информационного противодействия интернационализации Севморпути должна стать непрерывная научно-аргументированная разъяснительная кампания в зарубежных СМИ. Примером положительного эффекта таких акций может послужить статья В. Путина о Сирии, опубликованная в американских СМИ в сентябре 2013 г.

Шестое. Одновременно целесообразно продолжать развивать систему военной безопасности на севере страны, укрепляя группировку войск (сил) общего назначения и других формирований в арктической зоне РФ, способных обеспечить защиту госграницы и экономической зоны РФ, а также осуществлять эффективный контроль Севморпути. Для этого целесообразно ускорить внедрение системы «Глонас» и систему контроля за военной обстановкой в регионе, которая включала бы радиотехнические, военно-морские, авиационные и армейские силы и средства.

Седьмое. Ближайшими задачами на нынешнем этапе реализации «Основ политики РФ в Арктике на период до 2020 г. и дальнейшую перспективу» могут стать:

- международно-правовое оформление границ в регионе в соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. и заявки России в ООН по расширению её границ принадлежности арктического шельфа;
- организация транзитных полетов в Арктике и использование Севморпути на базе международного права и российского законодательства;

- развитие партнерства с Китаем в освоении Арктики, основанного на совпадении национальных интересов в противостоянии западной гегемонии в регионе во главе с США.

В заключении следует отметить, что во всем мире растет осознание того, что в обозримом будущем Арктика станет основной ресурсной базой человечества. Арктический регион в целом, СЗП, СМП, как неотъемлемые части данного региона, становятся в XXI веке центрами притяжения мировой экономики и торговли. В стратегиях западных держав одно из центральных мест занимает признание растущего значения региона не только для их экономики, но и для военных целей. Динамизм происходящих в регионе процессов создает угрозу возникновения межгосударственных трений и противоречий, грозящих обернуться крупными столкновениями на международном уровне. Приарктические страны имеют территориальные и иные претензии друг к другу. Часть из них можно решить в ближайшие годы, решение же наиболее сложных, к сожалению, возможно в весьма отдаленном будущем.

Китайская Народная Республика становится все более заметным участником деятельности в Арктических широтах. Торговое плавание по Северному морскому пути, научные высокоширотные экспедиции, а также получение статуса наблюдателя в Арктическом совете дополняются активным участием в реализации проектов разработки полезных ископаемых на шельфе северных морей. Стремительная эволюция международных отношений в Арктике обуславливает органы власти России по-новому взглянуть на ситуацию в регионе и уточнить приоритеты национальной стратегии с учетом существующих реалий.

Примечания

1 *Кашин В.* Арктическая кладовая // Ведомости. 25.07.2008.

2 *Matthias Schepp, Gerald Traufetter* // Business Week. 2010/05/24.

³ Арктика: перспективы развития // Информационно-аналитический бюллетень РИСИ. 2008. № 4. URL: www.riss.ru

⁴ *Morozov Y.* Arctic region: the Next «Hot Point» in Sphere of the International Relations or an Area for the Regional Cooperation? *Peace Review: a journal of social justice* # 5/2011, Volume 27. P. 25—41.

⁵ После Ирака Америка взялась за Арктику URL: <http://www.yoki.ru/social/08-12-2005/13294-arc-0>

⁶ *Инджиев А.* Битва за Арктику. М., 2011.

⁷ Битва за Арктику: Азия рвётся в бой. URL: <https://regnum.ru/news/2284997.html>

⁸ В 2013 г. несколько норвежских газет призвали руководство своей страны не голосовать за получение Китаем статуса постоянного наблюдателя при АС, уязвав это с тем, что Китай «плохо отреагировал на вручение Нобелевской премии мира Лю Сяобао» — участнику событий 1989 г. на площади Тяньаньмэнь.

⁹ Основы государственной политики Российской Федерации в Арктике на период до 2020 г. и на дальнейшую перспективу. Утверждены Президентом РФ 17 декабря 2008 г.

¹⁰ Что означает рост российской военной активности в Арктике? URL: <http://chvk.info/arctic/chto-oznachaet-rost-rossijskoj-voennoj-aktivnosti-/>

¹¹ Скандинавские страны создают «арктический кулак». «Правда.Ру» URL: <http://news.mail.ru/politics/2364882/>

¹² Материалы заседания Экспертного совета СФ России «Государственная политика Российской Федерации в Арктике: парламентское измерение» 24 апреля 2009 г.

¹³ Тезисы выступления академика Н.А. Симония на круглом столе в МИД РФ «Арктика в политических ориентирах» 19 мая 2009 г.

¹⁴ *Svend Aage Cristensen.* Are the northern sea routs really the shortens? URL: www.diis.dk/sac

¹⁵ *Моргунов Б.А.* Методология учета экологического фактора в процессе выработки стратегии устойчивого развития арктической зоны России. СПб., 2006.

¹⁶ Загрязнение радионуклидами арктических морей России // Арктика сегодня. URL: <http://www.arctictoday.ru>

¹⁷ Россия—Китай, Арктика территория диалога. URL: https://www.korabel.ru/news/comments/rossiya_i_kitay_nachnut_sovmestnye_issledovaniya_v_arktike.html

А.С. Евсеенко

ПОЛИТИКА США, РОССИИ И КИТАЯ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ И В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Конфликтный потенциал
в отношениях между странами «треугольника»

Одним из регионов, где сталкиваются интересы трех держав «стратегического треугольника» является Ближний Восток. С целью избежать возможной эскалации напряженности, превращения региона в зону конфронтации Китая, России и Соединённых Штатов необходимо определить точки расхождения и совпадения интересов трех стран.

Прежде всего, следует отметить важную деталь: ни одна из стран не является доминирующей силой в регионе. С момента завершения «холодной» войны, в эпоху постбиполярного мира на Ближнем Востоке образовалось несколько региональных держав, готовых отстаивать свои национальные интересы. Их политика часто расходится с интересами стран «треугольника». Просто игнорировать интересы региональных лидеров не представляется возможным. Из объектов международных отношений, такие страны как Турция, Иран, Королевство Саудовская Аравия, Катар выросли в амбициозных акторов ближневосточной политики. Они не будут ставить интересы сверхдержав выше собственных. К тому же в нынешнюю эпоху фактором политики стали негосударственные акторы, вроде террористических организаций. Их влияние порой имеет трансграничный характер, и

бороться с ними силами одного государства не представляется возможным.

Более того, ни у одного из государств «стратегического треугольника» нет возможности вытеснить из региона двух остальных. Ни одно из них не обладает достаточным военным и дипломатическим потенциалом для решения подобной задачи. Однако и Россия, и Китай, и Соединённые Штаты стремятся сохранить присутствие в регионе. Их интересы на Ближнем Востоке разнятся. Это не означает неминуемого конфликта, но и гарантий тесного сотрудничества между тремя странами тоже нет.

Основы ближневосточной политики Соединённых Штатов

Ключевой целью Соединённых Штатов в регионе остаётся обеспечение собственной безопасности и безопасности ключевых ближневосточных союзников. Для её решения США стремятся создать в регионе устойчивые силовые структуры, способные самостоятельно противостоять террористической угрозе. Борьба с терроризмом, таким образом, перестаёт быть приоритетом военной политики США и переходит в компетенцию их региональных союзников. Данный аспект является одним из ключевых в Национальной стратегии безопасности, вышедшей в декабре 2017 г. Её главный адепт, министр обороны США Джеймс Мэттис, в январе 2019 г., ушёл в отставку. Однако и в Министерстве обороны США, и в Комитете начальников штабов продолжают придерживаться курса на минимизацию военного присутствия на Ближнем Востоке¹. В данном регионе находит своё отражение отличительная черта современной внешней политики США: отказ от коалиционной стратегии в пользу классического унилатерализма. Президент США Д. Трамп предпочитает принимать ключевые внешнеполитические решения без учёта мнения союзников в регионе, игнорируя международные соглашения и международное право. Такой подход достаточно ярко продемонстрирован уже дважды. Сначала в декабре 2018 г., при принятии решения о выводе войск из Сирии. Тогда Дональд Трамп не проконсультировался с союзниками США в регионе и проигнорировал возражения лидеров Израиля, Франции и Турции. Ситуация повторилась

в марте 2019 г. при решении признать Голанские высоты частью территории Израиля. Ключевыми интересами США в регионе остаются военно-техническое сотрудничество, поддержка союзников в борьбе с терроризмом, а также инвестиционные проекты и стабильные торговые отношения.

Интересы России на Ближнем Востоке

Интересы другого участника «стратегического треугольника», Российской Федерации, несколько отличаются от американских. Россия начала претендовать на постоянное присутствие в регионе сравнительно недавно, и это присутствие имеет мало общего с политикой СССР на Ближнем Востоке.

Во-первых, современная Россия не занимается социальными экспериментами, её политика в регионе максимально деидеологизирована.

Во-вторых, объёмы вкладываемых РФ ресурсов в страны Ближнего Востока несравнимы с размерами помощи СССР ближневосточным режимам в годы «холодной войны». У Москвы есть стремление вернуть авторитет, которым обладал в регионе СССР, но не доминировать. Её политика представляет скорее классическую «игру с нулевой суммой». Однако это стремление не уступить позицию не означает неминуемую конфронтацию с другими участниками «стратегического треугольника».

У России есть свои представления о должном состоянии дел в регионе. Они не находятся в дихотомии «демократия — тирания». Они скорее рассматриваются через призму понятий «порядок» и «хаос». Таким образом, действующая власть в ближневосточных государствах олицетворяет собой порядок, а её противники — силы «хаоса», который необходимо предотвратить. Поэтому для достижения ключевой цели — закрепления в регионе — Россия стремится наладить прочные двусторонние отношения с правительствами ближневосточных государств. Характерной чертой здесь является тесное сотрудничество с местными силовыми структурами. Именно они олицетворяют те самые силы «порядка», именно с ними руководству РФ удаётся наиболее быстро и плодотворно наладить диалог. Ключевы-

ми интересами России на Ближнем Востоке являются борьба с терроризмом, военно-техническое сотрудничество и продвижение российских государственных компаний на местных рынках.

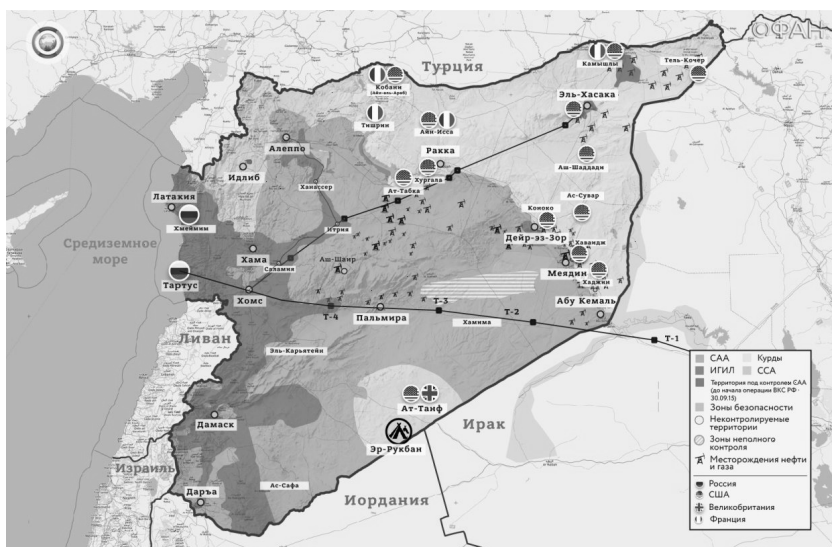
Основы китайской политики в ближневосточном регионе

Третий участник треугольника, КНР, так же, как и Россия, заинтересован в укреплении и расширении своего присутствия в регионе. Прежде всего, речь идёт о дальнейшей китайской экспансии на местных рынках. Она происходит постепенно, без резких рывков, но остаётся масштабной. Двигателем процесса, безусловно, остаётся инициатива «Один пояс, один путь», объявленная китайским лидером Си Цзиньпином в 2013 г. Она продолжает играть принципиальную роль для дальнейшего экономического развития самого Китая, углубления столь важных для него торговых связей со странами Ближнего Востока, и, конечно, статуса сверхдержавы. Именно в интересах его сохранения внешняя политика Китая отличается стремлением избежать втягивания в крупные вооруженные конфликты². Ставка на бесконфликтность позволяет КНР избежать не только материальных, но и репутационных издержек. Ведь при таком подходе инвестиции и проекты не станут мишенью противника, а статус сверхдержавы не будет поколеблен военными неудачами. Стало быть, все ключевые интересы КНР в регионе — дальнейшее инвестирование в ближневосточную экономику, расширение объёмов торговли со странами Ближнего Востока, и участие в крупных инфраструктурных проектах — не пострадают.

Таким образом, страны «стратегического треугольника» обладают похожими, но расходящимися интересами. Они пересекаются в нескольких проблемных плоскостях, которые плотно ассоциированы с современным Ближним Востоком.

Пересечение интересов в регионе акторов «треугольника»

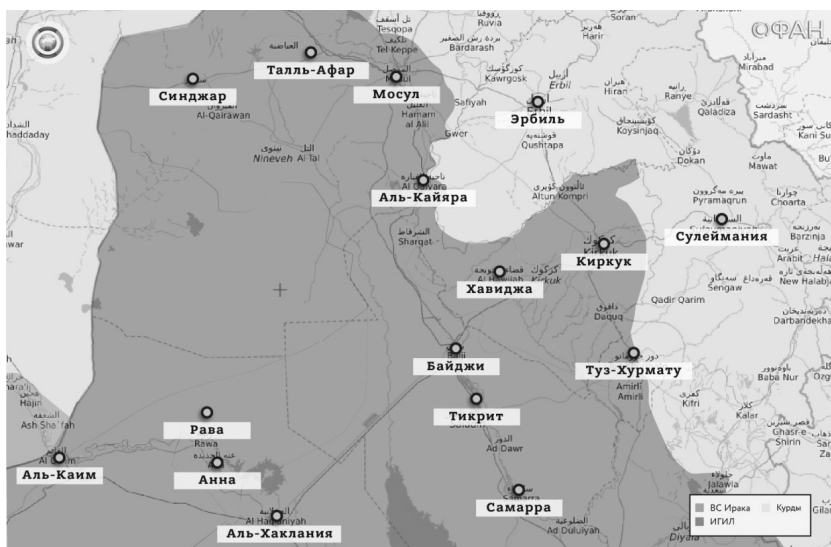
Первой сферой пересечения интересов является борьба с терроризмом, прежде всего с остатками «Исламского государства» (ИГ) в Сирии и Ираке. Здесь следует сделать важное замечание: ИГ не уничтожено. Группировка из квазигосударственного образования

Рис. 1. Зоны влияния вооруженных группировок и военных частей в Сирии.
 Источник: URL: <https://static.riafan.ru/uploads/2019/03/30/orig1553936025cc8347db5688ae0ab9fadbf066ed8625.jpeg>

перешла в состояние подпольного бандформирования, не утратив при этом боеспособность. Общая численность боевиков ИГ в Сирии оценивается в 14 тыс. человек. После разгрома «кармана» боевиков в долине Евфрата и взятия населённого пункта Багуз, основные силы джихадистов сосредоточены в районе Сирийской пустыни (рис. 1).

Оттуда совершается большинство их террористических атак. Боевикам также удалось наладить координацию и коммуникацию с иракскими ячейками «Исламского государства». Там численность боевиков оценивается в 15—17 тыс. человек. Их основные силы в Ираке сосредоточены в исторической «вотчине» «Аль-Каиды» — горном хребте Хамрин³. Это позволяет им достаточно свободно действовать между провинциями Нинава, Киркук и Дияла. Также значительные силы джихадистов укрываются на спорных территориях в провинции Киркук, образованных в ходе ирако-курдского конфликта 2017 г. (рис. 2).

Рис. 2. Зоны влияния вооруженных группировок и военных частей в Ираке.

Источник: URL: <https://static.riafan.ru/uploads/2019/03/30/orig-15539361342dfea01206bc43d97b3b9a30e71bc889.jpeg>

В результате создано мобильное подполье, а новой тактикой боевиков взамен захвата населенных пунктов стало адресное насилие. Мишенью террористов становятся военные конвои, блокпосты, а также объекты органов государственной власти и места проведения досуга. Помимо боеспособности, сохранена и финансовая база. ИГ удалось вывезти из Ирака 400 млн долл. и инвестировать их в легальный бизнес на всей территории Ближнего Востока: купля-продажа автомобилей, магазины электроники, аптеки, обмен валюты. Однако боевики продолжают промышлять и криминалом: рэкет, контрабанда, кражи, отмывание денег, контрабанда наркотиков⁴. Таким образом, есть все основания опасаться возрождения «Исламского государства». Ситуация напоминает обстановку декабря 2011 г. при выходе американских войск из Ирака. У ИГ не было подконтрольных территорий, а численность составляла около 700 боевиков. Это не помешало буквально через три года захватить террито-

рию, сопоставимую по площади с Великобританией, и привлекать добровольцев со всего мира.

Поэтому первоочередной задачей является не допустить возрождения джихадистской группировки и решить проблему возвращения боевиков в родные страны. Каждая из держав борется с этими угрозами своим путём. США продолжают действовать в рамках международной антитеррористической коалиции из 78 государств. Благодаря заключенному 21 февраля 2019 г. соглашению между сирийскими курдами и иракскими властями, пленные боевики ИГ передаются в ведение силовых структур Багдада. В северной Сирии США продолжают курс на создание устойчивых сил безопасности, способных давать отпор террористам. Их основу составят курдско-арабские формирования «Сирийских демократических сил» (СДС), зарекомендовавшие себя в борьбе с «халифатом». Их подготовка не прекратится, несмотря на решение Д. Трампа сократить американское военное присутствие в Сирии. 200 военнослужащих займутся боевой выучкой СДС в северной Сирии, еще 200 — в южной Сирии, на базе «Ат-Танф» будут готовить светских повстанцев (остатки т.н. «Южного фронта») для борьбы с джихадистами в Сирийской пустыне. В Ираке США осуществляют боевую подготовку федеральных вооруженных сил, а также курдских отрядов самообороны «Пешмерга» по линии программ Министерства обороны США и НАТО. Основным направлением американской военной политики там остаётся создание иракских сил специального назначения и подготовка силовых структур Ирака к борьбе с террористическим подпольем⁵.

Россия также не оставляет усилий по борьбе с возрождением ИГ, действуя в кооперации с официальным Дамаском и Тегераном. Следует отдельно подчеркнуть, что, несмотря на всю сложность современных российско-американских отношений, вопреки всем политическим расхождениям между Москвой и Вашингтоном вокруг сирийского конфликта, координация двух стран в борьбе с ИГ не прекращалась. Обмен данными между российской авиабазой Хмеймим и американской авиабазой Эль-Удэйд не прекращался. Имевшие место инциденты лишь доказали нежелание двух держав входить в конфронтацию. Усилия по их купированию продемонстрировали стремление России и Соединённых Штатов не превращать

Сирию в поле битвы друг с другом. Помимо обмена данными с ВВС США, военнослужащие РФ продолжают работу по боевой подготовке и оказанию материально-технической помощи Сирийской арабской армии в противостоянии террористам. На сегодняшний день российскими официальными лицами по инициативе Фонда Ахмата Кадырова проводится политика возвращения членов семей боевиков ИГ из зон боевых действий в Россию. Главные успехи здесь связаны с дипломатическими усилиями сенатора Зияда Сабсаби. Программа продолжается, несмотря на расхождения в данном вопросе между органами государственной власти РФ⁶.

Китай, в свою очередь, стремится держаться в стороне от столкновений с джихадистами. Как уже было отмечено, неучастие в вооруженных конфликтах остаётся стратегическим интересом Китая. Однако существуют некоторые исключения. Одним из них является военное присутствие в Сирии. Вызвано оно участием в сирийской гражданской войне боевиков «Туркестанской исламской партии», ответвления террористической уйгурской организации «Исламское движение Восточного Туркестана». Их возможное возвращение из Идлиба, где их численность оценивается от нескольких сотен до нескольких тысяч бойцов, рассматриваются Китаем как прямая угроза национальной безопасности КНР. Именно поэтому в сентябре 2017 г. китайские дипломаты обратились с сирийским военным с просьбой о размещении военного контингента. Дамаск дал на это согласие и в Тартус были переброшены спецподразделения китайской армии «Сибирские тигры» и «Ночные тигры». Они не участвуют в боевых столкновениях в Идлибе, поскольку Китай не заинтересован в обострении отношений с Турцией⁷. Противостояние с уйгурами показывает, что КНР не сможет достигать своих целей на Ближнем Востоке только экономическим инструментарием.

Следующей сферой пересечения интересов трёх стран является военно-техническое сотрудничество и экспорт вооружений в регион. В этом аспекте США являются абсолютным лидером. Порядка 52 % американского экспорта вооружений направляются на Ближний Восток, где главными потребителями этого вооружения остаются Королевство Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты (28 % общего американского экспорта на двоих)⁸. Столь широ-

кий спрос объясняется давностью присутствия США в регионе, регулярным участием арабских стран в проамериканских коалициях в регионе и высокой репутацией Соединённых Штатов среди ближневосточных покупателей вооружений. Россия остаётся поставщиком «второго эшелона». Только 11 % её оружейного экспорта направляются на Ближний Восток. Покупателями являются страны, которым США по тем или иным причинам отказали в продажах вооружений. Лидером остаётся Алжир (1,8 млрд долл.), за ним следуют Иран и Сирия⁹. Однако следует заметить, что лидирующее положение США не означает монополию на поставки вооружений. Ирак является третьим после КСА и ОАЭ покупателем американских вооружений. При этом поставки российских боевых самолётов, вертолётов, ракетных систем залпового огня и комплектующих к ним не прекращаются¹⁰. Таким образом, военно-техническое сотрудничество России и США со странами региона больше дополняют, чем сталкивают две державы.

В отличие от них, у Китая не сложилось репутации надёжного поставщика вооружений. КНР не участвует в крупных вооружённых конфликтах в последние годы, поэтому его вооружения не получили признания среди потенциальных покупателей. Ещё одной причиной недоверия к китайским вооружениям является их низкое качество. Проблема в том, что реформа оборонной промышленности Китая далека от завершения. Отрасль по-прежнему сталкивается с препятствиями для развития, такими как доминирование государственных монополий и отсутствие четкой законодательной и нормативной базы для интеграции гражданских и военных технологий. Результатом такого положения вещей стало сорванное в ноябре 2015 г. соглашение с Турцией о поставках китайских зенитных систем¹¹. В итоге единственным видом высокотехнологичных вооружений, где Китай может вести конкурентную борьбу с американскими и российскими поставщиками, являются беспилотные летательные аппараты. Единственным их покупателем в регионе является Иран¹².

Таким образом, перспективы Китая на ближневосточном рынке вооружений зависят не только от технического и организационного прогресса его ВПК, но и в той нише, что оставят ему РФ и США. Более того, остаётся открытым вопрос о готовности Китая делать

поставки вооружений более заметной частью своей торговой политики в регионе. Речь идёт о потенциальном ущербе репутации Китая. Примером служат США, которые не являются участниками конфликта в Йемене, однако прочно ассоциируются в общественном мнении с трагическими событиями в стране из-за поставок вооружений КСА.

Важность сохранения и поддержания репутации вызвана теми успехами, которых достиг Китай в торговой политике, инвестиционных и инфраструктурных проектах на территории Ближнего Востока. Было бы недальновидно перечеркнуть их из-за превращения китайского оружия в источник нестабильности или даже гуманитарной катастрофы в регионе. Здесь есть, что терять, поскольку Китай достиг выдающихся успехов в экономическом сотрудничестве с Ближним Востоком за последние годы. В 2012—2017 гг. прямые инвестиции КНР в регион выросли на 1700 % и составили порядка 700 млрд долл.¹³ К 2020 г. Пекин стремится нарастить объём торговли с регионом до 600 млрд долл.

У США товарооборот с регионом в 2016 г. составил лишь 194 млрд долл., а по объёму инвестиций в экономику Ближнего Востока за тот же год США уступили не только КНР (29,5 млрд долл.), но и ОАЭ (15,1 млрд долл.), вложив в экономику региона только 6,9 млрд долл.¹⁴ Ещё одной «визитной карточкой» Китая в регионе стали высокотехнологичные инфраструктурные проекты. Они отличались не только дешевизной, но также качеством и скоростью работ. Примерами могут быть линия легкорельсового транспорта в Мекке, нефтепровод в ОАЭ, а также строительство 40 000 единиц жилья в Бахрейне¹⁵.

Однако у этих проектов и инвестиций, столь заманчивых для региональных правительств и важных для КНР есть некоторые ограничения.

Во-первых, это санкционная политика США в регионе. Китайские компании опасаются потери американского рынка сбыта и инвестиций. Поэтому они не рискуют крупными вложениями в экономики стран, находящихся под режимом санкций США. Примером может служить нефтяная отрасль Ирана, куда китайская государственная компания «Синопек» в феврале 2019 г. предложила вложить

3 млрд долл. США. Хотя иранцы готовы предложить 33 проекта в отрасли всего за 6,2 млрд долл. Однако китайцы готовы вкладываться только в месторождение Ядавалан, о котором изначально шла речь. Оно стало разрабатываться «Синопек» ещё в 2007 г., а значит, не попадает под антииранские санкции США, установленные в ноябре 2018¹⁶.

Вторым ограничителем является политика самого Ирана в регионе. Он стремится держать под контролем те районы, которые имеют важность для его национальной безопасности. Примером может служить проект системы видеонаблюдения в иракской провинции Бабиль, отобранный про-иранскими повстанцами у китайских подрядчиков в 2017 г.¹⁷ Та же ситуация происходит и в Сирии. Иран активно покупает недвижимость по всей территории страны, строит новые шиитские мечети и школы. Происходит постепенная замена суннитских общин людьми, дружелюбными по отношению к Ирану и режиму Асада. Иранцы превращают местные суннитские мечети в шиитские религиозные центры, открывают центры по изучению языка фарси¹⁸. Поэтому планы колоссальных вложений Китая как в Сирию, так и в Ливан могут быть серьезно скорректированы руководством «Корпуса стражей исламской революции», которое традиционно курирует внешнюю политику Ирана на Ближнем Востоке.

США сохраняют свой традиционный инструментарий экономической дипломатии. Он не позволяет добиваться такого роста торгового оборота, как у КНР со странами региона. Однако способствует локальным экономическим успехам и стимулирует развитие экономики американских партнёров на Ближнем Востоке. В него входят соглашения об особых экономических зонах, действующие с Иорданией и Египтом. Они открывают товарам этих двух стран неограниченный доступ на американские рынки при 35- % прибавочной стоимости и наличии израильских компонентов. Также продолжают играть важную роль рамочные соглашения о торговле и инвестициях, федеральные торговые соглашения. Их важность заключается скорее в содействии внутрирегиональным экономическим связям, а значит — снижению напряжения между странами Ближнего Востока. Американский экспорт остаётся высокотехнологичным — самолёты, автомобили и др. продукция машиностроения¹⁹. Однако

доля Ближнего Востока в американском экспорте сравнительно невелика — всего 4,73 % (73 млрд долл.)²⁰.

Третий участник «стратегического треугольника», РФ, не может на равных конкурировать ни с Китаем, ни с США. Доля России в мировом ВВП составляет всего 3,2 %, а в мировом экспорте высокотехнологичной продукции РФ занимает 27 место²¹. Россия, как и страны Ближнего Востока, остро нуждается в импорте высоких технологий, находясь при этом под санкционным давлением США. Примером ограниченности России в вопросе экспорта технологий может служить отказ «Российско-ближневосточного экспортного центра» от строительства станции опреснения воды в Иране. Причина лежала в отсутствии у России необходимых технологий и неспособности заключить договор о поставках необходимого оборудования с южнокорейскими фирмами. Исключением из общей картины являются ядерные технологии. В этой сфере Россия может достойно конкурировать на Ближнем Востоке, как с Китаем, так и с США. В данный момент российские специалисты работают над созданием объектов атомной энергетики в Турции и Египте, заключено соглашение о сотрудничестве с Иорданией, а также ведутся переговоры с Саудовской Аравией на предмет постройки там двух атомных реакторов²². В таком аспекте как инвестиции возможности России также ограничены санкционным давлением США и слабостью российской кредитно-финансовой системы. Торговый оборот со странами Ближнего Востока в 2017 г. составил 41 млрд долл., что составляет лишь 7 % российской внешней торговли. Таким образом, ни США, ни РФ не могут считаться мощными конкурентами Китая в торгово-экономических отношениях с Ближним Востоком.

Отдельно следует отметить такую важную сферу как нефтегазовый сектор. Здесь интересы трех держав не просто пересекаются, а переплетены. 44 % импортируемой Китаем нефти поступает из Ближнего Востока, прежде всего из КСА и Ирака²³. Половина китайских инвестиций в регионе направлена именно в энергетический сектор. При этом Китай не оставляет попыток диверсифицировать свои нефтяные поставки и добиться от ОПЕК снижения цены на «черное золото». Для борьбы с нефтяным картелем Китай, совместно с Индией, предпринимает попытки нарастить импорт американской

сланцевой нефти в Азию. Углеводороды США, таким образом, становятся китайским инструментом борьбы за «экономику потребителя» на мировом рынке нефти. США присутствуют на нём уже не как крупнейший в мире импортёр, а как потенциально крупнейший производитель нефти и газа. Именно сокращение американского импорта ближневосточной нефти привело к падению торгового оборота Соединённых Штатов с регионом. Безусловно, вытеснить ближневосточную нефть из Китая американские нефтяники не смогут. Прежде всего, из-за объёмов китайского импорта. В 2018 г. он составил 9,28 млн баррелей в день, притом, что американский экспорт сырой нефти в США даже до начала торговой войны между КНР и США не превышал 700 тыс. баррелей в день²⁴. К тому же у ближневосточных поставщиков сохраняется преимущество в логистике. Танкер из Ближнего Востока пребывает в Китае за три недели, а из Мексиканского залива — за шесть²⁵. Поэтому для дальнейшей конкуренции со странами ОПЕК США необходимы супертанкеры, а значит и модернизация морских портов.

Россия же наоборот нацелена на сотрудничество с нефтяным картелем в интересах стабилизации цен на нефть. Российские нефтяники успешно разрабатывают месторождения и развивают соответствующую инфраструктуру в Турции, Сирии, Ираке, Египте. Порой это происходит вопреки местному законодательству. Например, компания «Роснефть» инвестировала 3,5 млрд долл. в нефтяную инфраструктуру Иракского Курдистана, при отсутствии закона о нефти и продолжающейся тяжбе между Багдадом и Эрбилем в Верховном суде Ирака по вопросам нефтяного экспорта²⁶. Протесты со стороны официального Багдада с отсылками к конституции пока не нашли поддержки ни у одной из других стран «треугольника». Однако кроме внутривосточных конфликтов, существует ещё больший барьер для российских нефтяников в виде санкционных войн. Решение президента США Д. Трампа восстановить антииранский режим санкций не только сорвало инвестиционный план крупнейших российских нефтяных компаний. Оно привело к их уходу из иранского нефтяного сектора²⁷.

В итоге можно сделать вывод о схожести интересов стран «стратегического треугольника»: рост собственной экономики за счёт

Ближнего Востока, борьба с террористической угрозой, общая стабильность региона. Однако преследуются они совершенно разными методами. США продолжает быть для большинства стран региона идеологизированным, но необходимым партнёром в силу своего военного, дипломатического и экономического потенциала. Идеологизированность заключается во внимании США на внутреннюю обстановку в государствах при выстраивании двусторонних отношений. Так, например, реакция американского истеблишмента на убийство в Стамбуле журналиста Джамала Хашогги саудовскими спецслужбами оказалась предельно категоричной и сопровождалась угрозами санкций. В результате саудовский экономический форум, проведённый в октябре 2018 г., был бойкотирован многими американскими политиками и бизнесменами, а саудовско-американские отношения серьёзно охладели. Более того, несмотря на политику Д. Трампа по сокращению финансирования программ Государственного департамента и Агентства по международному развитию, их бюджет на 2019 финансовый год остаётся внушительным — 39 млрд долл²⁸. США продолжают работать над программами продвижения идей улучшения управления, гражданского общества и демократии в странах Ближнего Востока. Причём эта деятельность воспринимается американцами как процесс, который необходимо вести постоянно, без привязки к конкретному результату. Речь идёт о непрерывном воспроизводстве местных элит, которые положительно воспринимают США и их интересы. Следовательно, такой процесс будет способствовать развитию межгосударственных отношений. В этой работе США нацелены на сотрудничество не только с органами государственной власти, но и с неправительственными организациями. Они стремятся к соответствию этой деятельности местному законодательству, однако правительства воспринимают её скорее, как средство установления контроля, чем как способ поддержания порядка.

У Китая подобного стремления продвигать свою идеологию и свои ценности в регионе нет. Ему интересен конечный результат, а не процесс. Действия китайского правительства во внешней политике ограничены прагматичными интересами, которым способствуют тесные отношения с другими правительствами. Китайские «Пять

принципов мирного сосуществования», сформулированные более полувека назад, подчёркивают не только необходимость уважения суверенитета и территориальной целостности других государств, но и на невмешательство в их внутренние дела. Поэтому вопросы развития межгосударственных отношений обсуждаются только в рамках диалога правительств без участия негосударственных акторов. Поэтому ни о каком ценностном влиянии на продвижение интересов Китая в регионе речи быть не может.

То же самое касается и культурного влияния. Причем проблема не в бюджете Института Конфуция. Для Ближнего Востока Китай более сложен, чем Соединённые Штаты. Это связано и с языком, и с религией, и со сравнительно недавним появлением КНР в регионе. В целом, для местных обществ ближе американский, а не китайский образ жизни. Высшим стандартом образования считается Гарвардский университет, а не Пекинский. Большая часть местных студентов старается попасть на учёбу или стажировку в Соединённые Штаты, а не Китай. Продукция таких брендов как «Эппл» и «Джип» более востребована, чем её аналоги от «Сяоми» и «Грейт-Уолл» соответственно. Китайская продукция остаётся дешёвой, а потому широко доступной на Ближнем Востоке. При этом воспринимается как альтернатива для бедняков. Это же характерно и для самого Китая, где местные элиты тяготеют к западным брендам. Такое положение вещей говорит о том, что культурный наклон в сторону США будет сохранён. Все антиамериканские настроения в ближневосточных обществах скорее связаны с отношением к американскому политическому истеблишменту, а не американскому жизненному укладу.

Применительно к России, мы тоже не можем говорить о большом потенциале т.н. «мягкой силы». Бюджет «Россотрудничества» в 2018 г. составил 3,6 млрд руб., а его приоритетным направлением являются страны СНГ²⁹. Однако в аспекте «жесткой силы» России удалось преуспеть в 2015—2019 гг. В Сирии она продемонстрировала, что может оказывать помощь не только в рамках военно-технического сотрудничества, но в виде боевой операции вдали своих границ. России удалось оперативно создать тактический альянс и добиться необходимых военно-политических результатов. В частности, защитить от падения дружественный РФ режим Б. Асада,

нанести ряд чувствительных поражений боевикам ИГ, получить пункты постоянной дислокации для российских военно-воздушных и военно-морских сил. Также Россия продемонстрировала свой дипломатический потенциал. В ходе сочинско-астанинского процесса были выработаны решения о зонах деэскалации, поставках гуманитарной помощи и размещении беженцев. При этом РФ не хватает авторитета, чтобы положить конец гражданской войне в Сирии. Ей не хватает достаточного экономического потенциала для послевоенного восстановления Сирийской Арабской республики. Однако есть стремление удержать и расширить занятые позиции в Восточном Средиземноморье.

Перспективные отношения акторов «треугольника» в регионе

На Ближнем Востоке нет фундаментального конфликта между странами «стратегического треугольника». Разночтения в военной политике не разрастаются до вооружённой конфронтации, поскольку ни одна из сторон не желает её. В свою очередь борьба экономических интересов, в большинстве своём, проистекает в сфере рыночной конкуренции. Все три державы заинтересованы в стабильности региона и разными методами стараются поддерживать на Ближнем Востоке статус-кво.

При этом им крайне сложно будет выстроить трехстороннюю стратегию в регионе. Ближний Восток крайне динамичен и непрозрачен. Здесь бывает сложно отличить политику государства от сиюминутных пожеланий её руководителя. Объединить усилия трёх держав может только некая общерегиональная гуманитарная катастрофа вроде засухи или голода. Но на данном этапе гораздо более вероятно, что страны «стратегического треугольника» будут не взаимодействовать, но дополнять друг друга. Китай нуждается в военном сопровождении своих инвестиций и инфраструктурных проектов, не желая при этом участвовать в военных действиях или вкладываться в зарубежную безопасность. Со своей стороны, США и Россия стремятся к сохранению военного присутствия и укрепляют местные силы безопасности в регионе. РФ и КНР укрепляют государственность через правительственные соглашения и сотрудничество

между политическими элитами, а США — через сотрудничество с местными общественными организациями. В результате у стран стратегического треугольника есть потенциал проводить свои интересы в регионе, не превращая его в поле битвы друг с другом.

В данной ситуации России следует принимать дальнейшие усилия по противостоянию террористической угрозе. Прежде всего, российским властям необходимо продолжить практику возвращения членов семей боевиков из Ирака и Сирии на родину. Эта политика, безусловно, должна получить законодательное оформление. Недопустима ситуация, когда члены семей боевиков, вернувшихся в Чечню, оказываются на свободе, а родственники членов «Исламского государства» вернувшиеся в Дагестан априори оказываются в заключении.

Поэтому необходима выработка программ реабилитации и адаптации лиц, побывавших в зоне боевых действий. И дело не только в гуманитарных соображениях, но и в ценной информации, которую могут предоставить эти люди. «Исламское государство» явило уникальный опыт отъезда людей семьями для участия в террористической активности. Этот опыт необходимо изучить и при участии психологов, исламоведов и специалистов медиа выработать контрпропагандистскую стратегию для противостояния уже следующему поколению джихадистов. Их новым местом массового сосредоточения могут стать и Йемен, и Афганистан, и снова Восточное Средиземноморье. Это будет зависеть от слабости местных государственных структур, финансового потенциала джихадистов и возможности местных ячеек координировать друг с другом свои действия. Поэтому важно подготовить программу действий, которая не позволила бы боевикам нарастить свою численность за счёт пропагандистских материалов.

Еще одним шагом российской антитеррористической политики должно стать укрепление боеспособности Сирийской арабской армии (САА). Столкновения с боевиками ИГ в районе Сирийской пустыни между провинциями Хомс, Дейр-эз-Зор и Ас-Сувейда показывают, что у сирийских военных сохраняются серьезные проблемы. Им не удаётся противостоять мобильному подполью в условиях ночного времени суток и активного использования боевиками пе-

шер для укрытия³⁰. Поскольку невозможно перебросить в район дополнительные силы, которые задействованы в других, не менее важных регионах страны, имеет смысл начать создание специальных подразделений САА. Их задачей должно стать противостояние ночным рейдам боевиков в близлежащие населенные пункты, где джихадисты пополняют свои запасы. У российских инструкторов есть достаточный опыт и военно-технический потенциал для обучения ограниченного числа солдат контрдиверсионной борьбе в ночное время суток. В данных инициативах РФ не может рассчитывать на помощь других стран «стратегического треугольника». Тем не менее, она способна осуществить их самостоятельно, не обостряя при этом отношения ни с США, ни с КНР.

Примечания

¹ Intel: How the Pentagon plans to use a thinned-out US presence in Iraq // Al-Monitor. 14.03.2019. URL: <https://www.al-monitor.com/pulse/originals/2019/03/intel-pentagon-plans-thinned-out-us-presence-iraq.html#ixzz5jstGdu4O> (accessed: 29.03.2019).

² *Вэнь Х.* Позиция Китая по вопросам безопасности на международной арене в настоящее время // Информационный бюллетень. 2019. № 1. С. 132.

³ *Wallace B.* ISIS Re-Establishes Historical Sanctuary in Iraq // Institute for the Study of War. 07.03.2019. URL: <http://iswresearch.blogspot.com/2019/03/isis-re-establishes-historic-sanctuary.html>

⁴ *Cafarella J., Wallace B.* ISIS Threat Update — December 2018 // Institute for the Study of War. 19.12.2018. URL: <http://iswresearch.blogspot.com/2018/12/isis-threat-update-december-2018.html>

⁵ *Mylroie L.* DoD budget request for Peshmerga, Iraq, Syrian Forces released // Kurdistan24. 19.03.2019. URL: <http://www.kurdistan24.net/en/news/30244efb-8f43-4901-82d4-24e41e41807f>

⁶ *Винокурова Е.* Родственно-террористические связи: ФСБ критикует возвращение жен и детей боевиков ИГИЛ в Россию. 08.11.2018. URL: https://www.znak.com/2018-11-08/fsb_kritikuet_vozvrachenie_zhen_i_detey_boevikov_igil_v_ros_siyu_etoy_temoy_zanimaetsya_ramzan_kadyro

⁷ *MarksIs J., Pauley L.* China Increasing Its Military Presence in Syria? // The Diplomat. 20.08. 2018. URL: <https://thediplomat.com/2018/08/is-china-increasing-its-military-presence-in-syria/>

⁸ Global arms trade: USA increases dominance; arms flows to the Middle East surge, says SIPRI // Stockholm International Peace Research Institute. 11.03.2019. URL: <https://www.sipri.org/media/press-release/2019/global-arms-trade-usa-increases-dominance-arms-flows-middle-east-surge-says-sipri>

⁹ *Fleurant A., Kuimova A., Nan T., Wezeman P., Wezeman S.* Trends in International Arms Transfers, 2017. 12.03.2018. URL: https://www.sipri.org/sites/default/files/2018-03/fssipri_at2017_0.pdf

¹⁰ Middle East and North Africa / Military Balance 2018. The International Institute for Strategic Studies. P. 338.

¹¹ Турция отказалась от китайских зенитных систем // Лента. Ру. 16.11.2015. URL: <https://lenta.ru/news/2015/11/15/turkey/>

¹² *Beraud-Sudreau L., Nouwens M.* Are arms exports a tool of Chinese foreign policy? // The East Asia Forum. 07.07.2018. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2018/07/07/are-arms-exports-a-tool-of-chinese-foreign-policy/>

¹³ *Melman Y.* China Is Spying On Israel to Steal U.S. Secrets // The Foreign Policy. 24.03.2019. URL: <https://foreignpolicy.com/2019/03/24/china-and-russia-are-spying-on-israel-to-steal-u-s-secrets-putin-netanyahu-xi-haifa-ashdod-iai-elbit/>

¹⁴ China is largest foreign investor in Middle East // The Middle East Monitor. 24.07.2017. URL: <https://www.middleeastmonitor.com/20170724-china-is-largest-foreign-investor-in-middle-east/>

¹⁵ *Alterman J.* The Other Side of the World: China, the United States, and the Struggle for Middle East Security. Center for Strategic and International Studies, Brzezinski Institute on Geostrategy. URL: https://csis-prod.s3.amazonaws.com/s3fs-public/publication/170303_

¹⁶ *Slav I.* Sinopec Ready To Pour \$3 Billion In Iran Oil // Oilprice.com. 18.01.2019. URL: <https://oilprice.com/Latest-Energy-News/World-News/Sinopec-Ready-To-Pour-3-Billion-In-Iran-Oil.html>

¹⁷ *Arango T.* Iran Dominates in Iraq after U.S. 'Handed the Country Over' // the New York Times. 15.07.2017. URL: <https://www.nytimes.com/2017/07/15/>

¹⁸ *Ghaddar H., Stroul D.* Pushing Back on Iran in Syria (Part 1): Beyond the 'Boots' // The Washington Institute. 22.01.2019. URL: <https://www.washingtoninstitute.org/policy-analysis/view/pushing-back-on-iran-in-syria-part-1-beyond-the-boots>

¹⁹ Middle East and North Africa: Trade and Investment Relations with the United States and Implications on American Foreign Policy // Wharton: University of Pennsylvania. 11.07.2017. URL: <https://publicpolicy.wharton.upenn.edu/live/news/1973-middle-east-and-north-africa-trade-and-investment>

²⁰ United States 2017 Export Partner Share // World Integrated Trade Solution. URL: [https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/USA/year/LTST/Trade flow/Export](https://wits.worldbank.org/CountryProfile/en/Country/USA/year/LTST/Trade%20flow/Export)

²¹ *Микаелян К. С.* Анализ мирового рынка высоких технологий // Молодой ученый. 2018. № 47. С. 248—253. URL <https://moluch.ru/archive/233/54061/>

²² *Mamedov R.* Prospects for Russia—China Cooperation in the Middle East // Russian International Affairs Council. 01.10.2018. URL: <https://russiancouncil.ru/en/analytics-and-comments/analytics/prospects-for-russia-china-cooperation-in-the-middle-east/>

²³ *Workman D.* Top 15 Crude Oil Suppliers to China // The World's Top Exports. 5.03.2019. URL: <http://www.worldstopexports.com/top-15-crude-oil-suppliers-to-china/>

²⁴ U.S. Exports to China of Crude Oil and Petroleum Products // U.S. Energy Information Administration. 29.03.2019. URL: https://www.eia.gov/dnav/pet/hist/Leaf_Handler.ashx?n=PET&s=MTTEXCH1&f=M

²⁵ *Шнигель Б.* США наращивают экспорт нефти в Китай // Ведомости. 07.07.2019. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/07/07/714610-ssh-a-nefti-kitai>

²⁶ *Foy H.* Rosneft's Iraqi Kurdistan oil and gas play angers Baghdad // The Financial Times. 30.10.2018. URL: <https://www.ft.com/content/ace52dd2-4f0c-11e8-ac41-759eee1efb74>

²⁷ Из Ирана ушла единственная российская нефтяная компания, имевшая контракт с Тегераном // Интерфакс: международная информационная группа. 31.10.2018. URL: <https://www.interfax.ru/business/635885>

²⁸ Fiscal Year (FY) 2019 Development and Humanitarian Assistance Budget // USAID Fact Sheets. 21.03.2018. URL: <https://www.usaid.gov/news-information/fact-sheets/fiscal-year-fy-2019-development-and-humanitarian-assistance-budget>

²⁹ Глава Россотрудничества — РБК: «Мы на латинице писать не будем» // РБК. 12.09.2018. URL: <https://www.rbc.ru/interview/politics/12/09/2018/>

³⁰ *Aboufadel L.* ISIS becomes 'army of the night' as they retreat to the Syrian Desert // The AMN News. 17.02.2019. URL: <https://www.almasdarnews.com/article/isis-becomes-army-of-the-night-as-they-retreat-to-the-syrian-desert/>

А.С. Давыдов

НЕКОТОРЫЕ ПОЛИТИКО-ВОЕННЫЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ США И КНР В ТЕКУЩЕМ ДЕСЯТИЛЕТИИ

Нынешнее обострение отношений между США и КНР — это, по сути своей, не просто торговая война в чистом виде, не попытка США, как считают некоторые российские исследователи, всего лишь заставить Китай действовать по общепринятым международным правилам торгово-экономического взаимодействия согласно нормам ВТО¹, а начало схватки за изменение и обновление существующего миропорядка.

Хотя «торговую войну» Пекину первыми объявили США, в Вашингтоне полагают, что эту схватку начал Китай, который, помимо достижения статуса второй (а в чем-то и первой) экономики мира, активно расширяет свое геополитическое влияние не только в АТР, но и в других частях света. Его замысел «пояса и путей» является, по мнению американских экспертов, одним из инструментов КНР для усиления такого влияния.

Китай, занявший ведущие позиции в мировой экономике, но решительно отрицающий собственное стремление к гегемонизму, на деле по существу демонстрирует неуклонное желание продвижения из статуса региональной в статус глобальной державы с последующим его упрочением и, в конечном итоге, как утверждает директор Центра китайских исследований Гудзоновского института

Майкл Пиллсбери, «смещением к середине XXI в. США с вершины мира, где должно сиять лишь одно солнце», и собственным воцарением на этой вершине.

Для этого, считают в Вашингтоне, помимо экономических мер, КНР предпринимает целенаправленные шаги в политической, военной, технологической, социальной, демографической и ряде других важнейших сфер. Поэтому изменения, происходящие в глобальном силовом балансе, связаны, отчасти, с намерением Китая занять место ведущего игрока в АТР и одного из ключевых мировых лидеров.

Хотя отношения США и Китая в политико-военной сфере развивались до последнего времени, как и во всех остальных сферах — зигзагообразно и с перепадами, но при сохранении в них относительной стабильности. Институциональные основы взаимоотношений двух стран и основные механизмы их диалоговых форматов начали оформляться еще в период президентства Дж. Буша-мл. Характеризуя отношения с США, китайская сторона продолжала постоянно подчеркивать, что их суть в «сочетании сотрудничества и межгосударственной конкуренции», а не в усилении конфронтации и, тем более, не в нагнетании военной напряженности.

Более того, по наблюдениям некоторых российских исследователей², в период президентства Б. Обамы отмечалось даже определенное углубление взаимодействия Вашингтона с Пекином: стали регулярными встречи на самом высоком уровне, координировались позиции сторон по ряду международных и региональных вопросов, включая ядерную безопасность и денуклеаризацию Корейского полуострова.

Между двумя странами действовало около 90 механизмов диалога и обменов, в том числе стратегический и экономический диалог. В военной сфере было отмечено стремление к усилению контактов через механизм двустороннего стратегического диалога в области безопасности, затрагивавшего взаимодействие вооруженных сил США и КНР, обеспечение кибербезопасности, безопасности в морской и воздушной среде и т. п.

Более 60 раз между Китаем и США осуществлялись различные межармейские обмены и контакты на разных уровнях, включая визиты военных чиновников соответствующих рангов, консультации

по вопросам обороны, мерам построения взаимодоверия, рабочие встречи министров обороны КНР и США. В 2014 и 2016 гг. Китай участвовал в трехсторонних военных учениях с Америкой и Австралией, а также в организованных ВМС США военно-морских маневрах RIMPAC-2014. В 2015 г. совместно с США он впервые принял участие в учениях Cobra Gold. Кроме того, проводились учения двух стран по ликвидации последствий стихийных бедствий и оказанию гуманитарной помощи³.

В то же время КНР давала понять США, что даже в условиях выстраивания «отношений нового типа» она не намерена мириться с американскими посягательствами на ее сферы влияния и интересы в АТР. При этом свои региональные амбиции Китай стал проявлять еще на рубеже 2009—2010-х годов, когда ужесточил позицию по Южно-Китайскому морю, проблеме американских поставок вооружений Тайваню, по вопросам проведения совместных военных учений Америки с ее союзниками и американских операций по наблюдению и разведке в западной части Тихого океана.

А четыре-пять лет спустя Пекин не только в экономическом, но и в военном отношении превратился в могучий региональный центр силы и влияния, предпринимающий попытки всеми возможными способами изменить в свою пользу военный баланс в АТР и заставить другие страны региона считаться с мощью Китая.

Со стороны Вашингтона сдерживание Пекина вылилось в модернизацию собственных азиатских альянсов, нацеленных на сохранение статус-кво в регионе, в дальнейшее наращивание американского военного и экономического присутствия в АТР, в активизацию разведывательных действий своих морских и авиационных сил в водах и воздушном пространстве КНР.

Действия США по расширению и укреплению их военно-стратегического присутствия в Восточной Азии и АТР опирались, с одной стороны, на основополагающие государственные документы по безопасности, такие как «Стратегия национальной безопасности США» (2010) и (2015), «Обзор оборонной стратегии» (2010), стратегическое руководство для Пентагона «Поддержание глобального превосходства: приоритеты для обороны XXI века», а с другой стороны, — на активизацию союзнических связей со своими старыми и новыми регио-

нальными партнерами, путем трансформации бывших двусторонних и многосторонних альянсов в обновленные, за счет формирования горизонтальных связей между их участниками и перехода к более устойчивой и надежной «сетевой» форме взаимодействия.

Одновременно были приняты меры по углублению отношений и интенсификации военного сотрудничества на двусторонней основе с Японией, Южной Кореей, Австралией, Филиппинами, Новой Зеландией, Индонезией, Сингапуром, Вьетнамом, Малайзией и Индией. В соответствии с Законом об отношениях с Тайванем (1979) США продолжили продажу оружия острову и поддержку Тайбэя.

Для Пекина все это выглядело как сдерживание Китая в целях обеспечения экономического, политического лидерства и военного превосходства США в регионе. Их действия заставляли китайскую сторону говорить о том, что «в условиях существования в Восточной Азии эксклюзивной (а не инклюзивной) системы безопасности, основывающейся на поддержании Америкой союзнических отношений с ограниченным кругом государств и предоставлении им с ее стороны гарантий безопасности», поведение США дестабилизирует региональную обстановку, ведет к углублению «разделительных линий» между странами и усилению чувства взаимного недоверия и подозрительности⁴.

Соединенным Штатам было предложено признать факт усиления позиций Китая, в том числе в АТР, и смириться с готовностью КНР играть новую для нее роль «равновеликой державы» как на региональном, так и на глобальном уровне. Однако такого признания не последовало, и Америка продолжила курс на укрепление своих военно-политических союзов в Восточной Азии.

В «Стратегии национальной безопасности» (2015) наряду с признанием беспрецедентного уровня двустороннего взаимодействия США с Китаем, большое внимание уделялось риску возникновения конфликтов между ними, подчеркивалось наличие у них соперничества в таких новых сферах, как кибербезопасность. Этот документ подтвердил, что Соединенные Штаты все больше рассматривают КНР в качестве соперника⁵. Активность Америки в Восточной Азии в ее отношениях с союзниками истощали потенциал ее стратегического взаимодействия с Китаем.

Временами это приводило к внутриведомственным разногласиям в руководящих американских структурах. Так, в то время как Совет национальной безопасности преимущественно ратовал за поддержание ровных отношений и углубление взаимодействия с Китаем, Госдепартамент США видел в усилении КНР угрозу американским позициям в регионе и отдавал приоритет задаче укрепления связей с региональными союзниками и партнерами⁶.

Климат в отношениях двух стран начал постепенно меняться к худшему с появлением в январе 2017 г. в Белом доме президента-республиканца Дональда Трампа, который пришел туда с лозунгом возрождения «величия Америки», причем на новой, «более крепкой основе». Это не могло не сказаться на характере взаимоотношений США и КНР. По-прежнему именуя их самыми важными двусторонними отношениями в мире, Вашингтон в своей «Стратегии национальной безопасности» (2017) впервые открыто причислил Китай к главным стратегическим соперникам.

Администрация Трампа фактически отказалась придерживаться постулата о том, что поддержание прежнего баланса сил в АТР и Восточной Азии сможет сдерживать стремление Пекина изменить установленный там Америкой региональный порядок. Был обозначен также отказ от дальнейших попыток интеграции КНР — с надеждой на последующую либерализацию ее режима изнутри — в общемировой порядок, формировавшийся под патронажем США.

Признавая одновременно частичное распространение и укоренение влияния Китая в АТР, США активизировали усилия по развитию отношений с Индией, расширяя, таким образом, для себя стратегическое пространство путем включения в него зоны Индо-Тихоокеанского региона.

Произошли приостановка и сворачивание американо-китайских военных контактов. В частности, было отозвано приглашение Китая на участие в учениях RIMPAC-2018.

Конкретно США инкриминировали КНР установление и использование дискриминационных торговых барьеров, принуждение американских компаний к передаче Пекину современных технологий в качестве условия допуска на китайский рынок, милитаризацию Южно-Китайского моря, усиление давления на Тайвань, нару-

шения в области прав человека и свободы вероисповедания, поощряемый властными структурами кибершпионаж и расширение геополитических притязаний.

Первые президентские шаги Трампа, связанные с выходом из Транстихоокеанского партнерства, американско-европейскими «разборками» в торговле, отношением к «санкционной политике» и обязательствам США перед НАТО поначалу создали поверхностное представление о нем как о непредсказуемом, неуправляемом, взбалмошном, безответственном, неопытном и слабом лидере. Оно, однако, оказалось ошибочным.

Не имея достаточного опыта политика и администратора, Трамп начал действовать на президентском поприще как прирожденный бизнесмен, колебания которого в настроениях, действиях и взглядах соответствовали, как у подлинно делового человека, скачкам котировок на финансовой бирже, импульсы коим задавала конъюнктура момента. Однако при этом экономический рейтинг Трампа внутри США, несмотря на обвинения в его адрес, неуклонно полз вверх: сокращение им налогов стимулировало рост экономики, уменьшение безработицы и расширение рынка вакансий.

Постепенно накапливался необходимый политический опыт и, главное, несмотря на кажущуюся порой хаотичность и экстравагантность его действий и решений, начали прорисовываться контуры «замыслов» Трампа и обретать неясный прежде смысл казавшиеся случайными и импульсивными его шаги к достижению поставленных целей.

Стало возможным более ясно и определенно толковать некоторые из его казавшихся прежде «неумными» действий, таких, например, как ракетные удары по Сирии во время первого визита Си Цзиньпина в США, открытое заигрывание с Тайванем в начале президентского срока с последующим принятием ряда протайваньских законов, смена первоначальной агрессивности на благожелательность по отношению к Ким Чен Ёну и, конечно, объявление «торговой войны» Пекину.

Оно свидетельствует, во-первых, о том, что тесные торгово-экономические связи и огромные объемы товарооборота не рассматри-

ваются более Америкой в качестве гарантии недопущения перерастания разногласий между двумя странами в острый конфликт.

Во-вторых, оно означает, что торговые споры все чаще могут использоваться в качестве рычага политического давления.

В-третьих, КНР из конкурирующего партнера переводится в разряд геополитических соперников США, противостояние с которыми может затронуть не только торгово-экономическую, но и остальные сферы.

В-четвертых, двусторонние диалоговые механизмы, деятельность которых была приторможена в результате ухудшения взаимоотношений обеих стран, нуждаются в перезагрузке или обновлении.

В-пятых, хотя принцип «одного Китая» во взаимоотношениях США и КНР пока сохраняется, налицо усиление противоречий идеологического и гуманитарного свойства по проблемам тоталитаризма, прав и свобод, отсутствия правового государства и т. п.

В-шестых, и это главное отличие от подходов предыдущих американских администраций — озвучены новые предложения США о необходимости участия КНР в «разборках» ведущих ракетно-ядерных держав, включая проблему РСМД. Притом, что в американской военной доктрине появилось положение о допустимости ядерных ударов малой мощности в ответ на угрозы в адрес США с применением как ядерного, так и обычного оружия.

И, наконец, в-седьмых, сохраняется самое важное противоречие, поскольку КНР ратует за многополярность, а США по-прежнему привержены идее однополюсного мира. При этом парадоксально то, что Вашингтон больше не желает единолично нести бремя издержек, сопутствующее роли мирового лидера.

Одновременно у нынешней администрации США отмечается падение интереса к многосторонним формам международных системобразующих институтов, и приоритет отдается не столько перспективным стратегическим, сколько текущим экономическим целям.

Сделка по урегулированию торговых разногласий, которая, по прогнозам, может состояться в июне с. г., возможно несколько ослабит напряженность в отношениях США и Китая, однако не разрешит фундаментальных экономических проблем между ними, которые ведут к росту геополитической и военной напряженности. США не до-

пустят подрыва своей гегемонии в мировой экономике без борьбы. Причем глобальное соперничество может не ограничиться экономической сферой, а обрести характер эскалации военных действий.

Хочется верить, однако, что скрепы взаимного магнетизма, формировавшиеся между Америкой и Китаем на протяжении последних нескольких десятилетий и покоящиеся не только на экономике и торговле, но на культурной и научно-образовательной основе, а также на давних этнических связях и взаимоотношениях между людьми, достаточно прочны. К тому же соперничество США и КНР, хотя выходит уже за рамки чисто экономического, еще не достигло стадии, когда война становится единственным аргументом и способом разрешения спора.

Думается также, что Китай отдаст себе отчет в военно-стратегических преимуществах США, выражаемых в технологически совершенном арсенале вооружений всевозможных видов, в наличии оснащенных современными боевыми средствами союзников в Европе и Азии, в преимуществах передового базирования американских вооруженных сил и в мощнейшем военном флоте, которому доступны все широты мирового океана. И поэтому КНР воздержится от необдуманных действий.

Что касается самих США, то, по справедливому утверждению российского эксперта А.В. Волошиной, «азиатская политика Америки в дальнейшем будет во многом зависеть от того, насколько точно администрации Д. Трампа и следующим за ним президентам США удастся определить цели Америки в регионе, доступные для их реализации средства, место Китая в своей внешней политике, масштаб «китайского вызова», меры, необходимые для ответа на него, а также оценить потенциальные издержки и риски. Без ответа на эти вопросы говорить о будущей стратегии Америки в Азии не представляется возможным»⁷.

Примечания

¹ *Лексютин Я.В.* «Торговые войны» или борьба за обновление мироустройства // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2.

² *Волошин А.В.* Китай в «тихоокеанском повороте» США // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 43.

³ Там же. С. 45.

⁴ *Вэй Цзунъю.* Чжун-мэй чжаньюэ тосе ю дун я аньцюань чжисюй гоуцзянь [Китайско-американский стратегический компромисс с целью построения системы безопасности в Восточной Азии] // «Гоцзи гуаньча» [Международное обозрение]. 2014. № 4. С. 43—56.

⁵ *Су Сяохуэй.* Цун синь цзю баогао кань Мэй дуй Хуа жэньчжи бяньхуа [Изменения в восприятии Америкой Китая в соответствии с новым и старым докладом] // Жэньминь жибао хай ваньбан. 09.02.2015. С. 1.

⁶ *Rozman G.* The Pivot vs. the “Progressives” // «The Asan Forum», May — June 2016 Vol. 4. № 3. URL: <http://www.theasanforum.org/the-pivot-vs-the-progressives/#a2>

⁷ *Волошин А.В.* Китай в «тихоокеанском повороте» США // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 2. С. 49.

Ю.В. Морозов

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ США, РОССИИ И КИТАЯ ПОД ВЛИЯНИЕМ НОВЕЙШИХ ТЕХНОЛОГИЙ

Влияние концепций и военных технологий
на развитие ВС США

Прописав в своей «Стратегии национальной обороны» 2019 г. тезис о возрождении соперничества великих держав, США приступили к перестройке своих ВС под эту задачу. Они должны быть готовыми к войне в том числе с Россией и Китаем, ведущейся во всех сферах, включая космос и киберпространство. С этой целью в октябре 2019 г. была обнародована «Стратегия модернизации Армии 2019: инвестируя в будущее», которая стала ориентиром в деле совершенствования видов ВС США¹. В ней описано как будут трансформироваться все компоненты армии и флота в силу, способную с высокой эффективностью вести операции на глобальном и тактическом уровне. К 2028 г. ВС США должны быть готовы вести операции на одном ТВД, а к 2035 г. — одновременно на нескольких ТВД в составе объединенных группировок коалиционных сил НАТО. Для этого было принято решение о формировании к 2022 г. двух новых командований объединённого командования ОВС НАТО — «Атлантика» и объединённого командования (?) тыла. Это позволит обеспечивать переброску войск из США в Европу и их ускоренное

развёртывание вблизи российских границ. В 2019 г. для этого были определены основные запасные транспортные маршруты, а в 2020 г. — будет сформирован механизм координации трансграничных перебросок, что позволит сократить сроки получения необходимых разрешений с 15 до 5 суток. США уже потратили 6300 млн дол. на работы по развёртыванию системы передового базирования в странах Европы.

Одним из ведущих подходов в строительстве ВС США является интенсивное развитие и широкое применение новых военных технологий в интересах реализации концепции *«сетцентрических войн будущего»*². В соответствии с ней происходит всесторонняя технологизация процессов всех сфер военных действий и деятельности органов военного управления США. Это означает, что в реальном масштабе времени будет собираться и перерабатываться информация, и по ней будут приниматься соответствующие решения, которые будут доводиться до участников военных действий. Для реализации этих возможностей в Пентагоне идет коррекция боевых уставов и наставлений. Так, «сетцентричная модель войн будущего» реализована в таких документах как «Глобальная информационная решетка»³, «Перспективная технология тактического целеуказания ВВС»⁴, «Единая тактическая система радиосвязи»⁵ и в наставлении «Боевая система будущего»⁶, а также в ряде других уставов для видов ВС США.

Таким образом, в будущей войне на первый план выходят не только тактико-технические характеристики (ТТХ) образцов и систем вооружения и военной техники (ВВТ), но и способности войск по ведению «объединенных» военных действий для реализации целей «войн будущего поколения»⁷. Для этого в структурах ВС США активно внедряются новые способы обучения военнослужащих и формирование у командиров навыков управленческой деятельности в будущих военных действиях.

Нарастающее влияние на развитие геополитических процессов в мире оказывают *информационные войны*, ставшие значимым инструментом внешней политики США. Поэтому в перспективе следует ожидать, что политическая и иная пропаганда в рамках таких войн будут и далее использоваться Вашингтоном для «промывки мозгов»

международному сообществу с целью поддержания тезиса о приоритете американских ценностей над остальными. Для этого применятся широкий набор инструментов, таких как аналитические центры, теле- и радиостанции, вещающие на разных языках, мультимедийные службы, для того, чтобы удерживать мировое сообщество в рамках однополярного мира под эгидой США. В зарубежных странах посредством Интернета этим занимаются «киберкомандование» ВС США для создания в странах противников США условий для проведения там «цветных» революций и иных акций.

В США не забывают и о совершенствовании ядерного оружия. В ближайшей перспективе будет разработана новая концепция применения *триады стратегических ядерных сил* (СЯС). Она начнет формироваться с 2026 г. и просуществует до 2080—2090-х годов. В ВМС вместо подводных лодок с межконтинентальными баллистическими ракетами (МБР) типа «Огайо» будут приняты на вооружение субмарины проекта 826 «Колумбия». На смену МБР «Минитмен-III» придет ракета «стратегического сдерживания наземного базирования» — GLSD. В ВВС появится новый стратегический бомбардировщик В-21 «Рейдер», который заменит существующие типы самолетов В-52Н, В-1 и В-2⁸. А ядерное оружие будет постепенно терять особое положение в системе обеспечения безопасности США, став оружием на поля боя, для чего разрабатываются атомные заряды малой и сверхмалой мощности, и так называемое «чистое» ядерное оружие, применение которого может открыть принципиально новую эру войн.

В качестве вероятного начала агрессии против России в Пентагоне разработана концепция о первом *«обезоруживающем ударе»*, в ходе которого планируется нейтрализовать СЯС РФ обычными боезарядами крылатых ракет (КР). Эта цель будет достигаться применением высокоточного оружия (ВТО) большой дальности преимущественно морского базирования. Его носителями являются крейсеры с управляемыми КР, эсминцы, подводные лодки, стратегические бомбардировщики и грунтовые ракетные установки. И по мере увеличения дальности КР, районы, из которых могут наноситься удары ВТО по территории России, значительно расширятся. Также разрабатываются гиперзвуковые ракеты разных типов, способные летать

со скоростью до 10 Махов, преодолевая расстояние в 1 тыс. км менее чем за 5 мин. Этот потенциал лежит в основе концепции «*Глобально-го молниеносного удара*», предполагающей нанесение в течение часа разоружающего удара по противнику США в любой точке мира⁹. Поэтому под их ударом могут оказаться практически все цели на территории РФ, которые рассматриваются Пентагоном в качестве объектов для нанесения такого удара.

Одним из амбициозных проектов США в развитии *ВТО* является программа *FALCON* нацеленная на разработку к 2025 г. боевой системы для нанесения ударов с территории США на трансконтинентальную дальность (до 16 тыс. км). Ее главным элементом станет система гиперзвуковых КР, оснащенных боеприпасами весом до 500 кг. Время боевого развертывания этой системы не будет превышать двух часов. А в качестве более дешевого ВТО планируется использовать комплекс *Small Launch Vehicle*, разработка которого ведется. Он обеспечит вывод на космическую орбиту боевой нагрузки до 1 т при стоимости запуска не более 5 млн долл.

Предполагается, что в перспективе лазерное оружие также будет применяться в военных действиях будущего. У ВМС США уже есть лазерное вооружение, которая представляет собой орудие, установленное на борту десантного корабля. Лазеры планируется использовать не только на море, сухопутная электрическая волоконно-лазерная оружейная система, разработанная *Lockheed Martin*, уже прошла полевые испытания, в ходе которых за считанные секунды была уничтожена наземная цель.

Для достижения превосходства *в космическом пространстве* Соединённые Штаты начиная с 2018 г. приступили к созданию нового вида вооружённых сил — космических войск. И хотя еще нет космического оружия, но уже выпущены наставления по применению боевых систем США в космосе, из космоса по земле, с земли в направлении космоса, для чего ведутся летные испытания систем, которые станут таким оружием. В связи с чем Вашингтон не намерен заключать никаких соглашений в области ограничения военной деятельности в космосе, за исключением противоспутниковых систем. Это связано с тем, что Пентагон озабочен испытаниями противоспутникового оружия, проведенными Китаем, так как зависимость ВС США от

космических систем уже достигла 90 %. И в перспективе следует ожидать инициативу США о начале переговоров с участием Китая, России, и, возможно, других стран по противоспутниковому оружию.

Для защиты от ударов с космоса Соединенные Штаты продолжают активно создавать глобальную *систему противоракетной обороны* (ПРО), способную защитить свою территорию и ее силы за рубежом. Эта система должна обладать такими ТТХ, которые бы делали бесперспективным для противников США вкладывание значительных средств в развитие ракетных технологий и сдерживали бы их от конфронтации с Америкой.

В настоящее время ПРО США защищает свою территорию от ограниченного удара МБР. Она развернута в двух позиционных районах — на Аляске и в Калифорнии. Для перехвата ракет на среднем участке их траектории полета развернуты радиолокационные станции (РЛС) раннего предупреждения на Алеутских островах (о. Шемия), в Калифорнии (Бил), Гренландии (в Туле) и Великобритании. РЛС морского базирования размещены на эсминцах и крейсерах, которые оснащены системами «Иджис», и на территории Аляски. Дополнительно создан целый ряд систем для защиты от ракет малой и средней дальности при помощи модернизированного комплекса «Патриот»; строится передвижной радар передового базирования AN/TPY-2 для обнаружения и сопровождения МБР; создан противоракетный комплекс наземного базирования для заатмосферного перехвата ракет средней дальности и идет модернизация корабельной системы «Иджис», обеспечивающей возможность обнаружения и перехвата МБР с использованием противоракеты «Стандарт-3».

Последовательно развертывается европейский компонент глобальной ПРО, который будет решать задачи защиты войск США на этом континенте. При поддержке США на Ближнем Востоке активно развивается противоракетная система Израиля «Железный купол», представляющая собой тактическую ПРО. Идет модернизация израильских противоракет «Эрроу» для нейтрализации ракетной угрозы со стороны Ирана. По мере укрепления ракетного потенциала КНДР при поддержке США развивается ПРО Южной Кореи и Японии, основу которой составляют ПЗРК «Пэтриот» и система «Иджис» морского базирования. А усиление ракетного потенциала КНР

обуславливает необходимость развития Пентагоном ПВО Тайваня, которая опирается на ПЗРК «Пэтриот» ПАК-3.

Таким образом, объединение систем ПРО членов НАТО в рамках единой системы управления одновременно с реализацией «Адаптивного подхода США к развертыванию ЕвроПРО», установка американских систем ПРО на Ближнем Востоке и в Азии является практической реализацией поэтапного развертывания глобальной ПРО. И при ее завершении может измениться природа международных отношений. Ключевым стимулом поведения на международной арене станет несоблюдение норм международного права, а стремление ряда стран использовать глобальную ПРО США для защиты своих интересов. При таком сценарии роль Совбеза и других институтов ООН может быть существенно девальвирована. Также становится очевидным, что Договор СНВ-3 просуществует до 2021 г., когда США развернут в Европе противоракеты SM-3, способные перехватывать российские МБР.

Однако задача построения эффективной системы глобальной ПРО, которая могла бы успешно противостоять российским СЯС, остается неразрешимой. И в ближайшем десятилетии эта ситуация вряд ли изменится из-за ввода в строй в ВС РФ гиперзвуковых наступательных систем, удары которых невозможно перехватить. Хотя действия Пентагона свидетельствуют о его нацеленности именно на достижение этих возможностей. Для этого ведется разработка новых пусковых установок противоракет, а также РЛС для кораблей с системой ПРО «Иджис», которые будут использоваться и в наземных системах. И поскольку эти системы универсальны (с них может запускаться более 5 типов оружия), то нет гарантии, что на кораблях, курсирующих у берегов России, находятся не противоракеты, а КР в ядерном оснащении. В ВС США в 2020 г. парк таких ракет с радиусом действия до 2400 км планируется довести до 800 единиц.

Для повышения боевых возможностей *сухопутных войск* (СВ) США определен ряд главных направлений, в рамках которых военно-промышленный комплекс (ВПК) ведет разработку новых образцов ВВТ¹⁰. В первую очередь речь идет о создании ударного ВТО большой дальности, с помощью которого СВ смогут «преодолевать и нейтрализовать неприятельские системы ограничения и воспре-

щения маневра, обеспечивая военное превосходство на всех уровнях»¹¹. В рамках данного направления Пентагон на 2020 г. запросил 1,3 млрд долл. с целью создания: стратегической системы гиперзвукового ракетного комплекса (очевидно, именно для этого Вашингтон в 2019 г. вышел из ДРСМД); баллистической ракеты средней дальности¹² и управляемого артиллерийского боеприпаса увеличенной дальности¹³.

Другое направление — создание семейства бронированных машин нового поколения, в рамках которого ведутся работы по четырем основным программам, совокупные расходы на которые в 2020 г. составят 2 млрд долл. для создания: обитаемой боевой машины пехоты (БМП), которая заменит БМП «Брэдли»¹⁴; многоцелевого бронетранспортера (БТР) и создаваемые на его базе различные специализированные машины, которые заменят в СВ весь парк БТР М113 и технику на его базе¹⁵; легкого танка с возможностью транспортировки самолетами; семейства боевых машин, предназначенных для транспортировки и оказания огневой поддержки пехоте¹⁶.

Следующее направление — создание новых летательных аппаратов, способных осуществлять вертикальный взлет и посадку с целью повысить маневренность, ударную мощь и живучесть армейской авиации, увеличив ее радиус действия. Работы ведутся с целью создания к 2030 г.: легкого вертолета на замену вертолета OH-58 «Кайова»¹⁷; штурмового вертолета большой дальности, для замены всего парка вертолетов UH-60 «Блэкхок» и в перспективе AH-64 «Апач»; беспилотной авиационной системы и модульной системы с открытой архитектурой¹⁸.

В рамках развития направления «Сетевые технологии и связь» на 2020 г. планируется потратить 2,3 млрд долл., для повышения эффективности управления силами и средствами в ходе ведения операций будущего. А в рамках программы «Противовоздушная и противоракетная оборона» в 2020 г. запрошено 1,4 млрд долл., для создания новых систем радиотехнического и иного вооружения, а также для разработки передовых технологий с целью повышения защищенности подразделений от ударов средств воздушного нападения. Кроме того, адаптируются под нужды СВ США существующие системы ПВО и ПРО малой и средней дальности¹⁹.

В рамках программы «Огневая мощь солдата» в 2020 г., планируется потратить 0,8 млрд долл., с целью создания новых образцов стрелкового оружия, а также усовершенствованной системы ночного видения и интегрированной системы «дополненной реальности»²⁰. У военнослужащих вскоре появятся солнечные панели на касках для зарядки батарей, питания экранов и другого оборудования, применяемого во время боя. Уже разработан планшет, который изображает рельеф местности. Фирма Natick работает над созданием самолета воздушной разведки размером с ладонь, который будет передавать видео в реальном масштабе времени²¹. Изучаются методы, благодаря которым можно превратить солдат в «ходячие генераторы», путем сбора кинетической энергии от их движения с помощью приборов, которые будут закреплены поверх униформы.

Что касается *развития ВМС США*, то его боевые возможности флота уже несоизмеримы с российскими. В его составе 10 атомных авианосцев, 10 крупных десантных кораблей, выполняющих роль морских баз для вертолётов и самолётов вертикального взлёта, 57 ударных многоцелевых подводных лодок — носителей тяжёлых ракет. Корпус морской пехоты США насчитывает 202 тыс. военнослужащих, он может быть перебросен в любую точку мира по приказу президента США без согласия на то Конгресса.

Следует также учесть еще одно обстоятельство — берега США омывают два океана, которые по своей природе защищают их территорию. Пентагон использует это преимущество в полной мере — у него полное господство в Атлантическом и Тихом океанах, которое обеспечивается флотами ВМС, в том числе и авианосцами, глубина обороны которых достигает 1500 км (!). На этой дальности у них всестороннее обеспечение, которое сложно преодолеть: радиолокационные дозоры, авиаразведка и силы охраны, состоящие из кораблей и подводных лодок, обеспечивающих действия авианосцев, на борту которых находятся порядка 95 самолётов, из них 65 ударных, способных нести ядерное оружие.

На средиземноморском направлении, с учётом ВМС НАТО и мощи 6-го флота США, они превосходят ВМФ России в 27 раз. На Чёрном море Россия тоже окружена ВМС НАТО: не считая проблем с Украиной, прибрежные страны Румыния, Болгария, Турция —

члены этого альянса. А на Балтике и в Баренцевом море все проливы также находятся под контролем НАТО. В их составе 12 авианосцев, 22 атомных ракетных крейсера и 36 нестратегических атомных подлодок. В Арктике воссоздан 2-й оперативный флот ВМС для расширения там военного присутствия США. В 60 км от российской границы в Норвегии ведётся развёртывание новой РЛС «Глобус-3». Кроме того, у США более 400 космических аппаратов двойного назначения, которые работают в том числе и на нужды ВМС. А у России космических аппаратов двойного назначения, которые работают и на нужды флота, в разы меньше и только 1 авианосец, построенный 30 лет тому назад.

Следует отметить и то обстоятельство, что оборонная часть госбюджета США в 2020 г. составляет около 750 млрд долл., что почти в 17 раз превышает аналогичную расходную часть госбюджета России.

Перспективы перевооружения Вооруженных сил России

Усиление военной активности США с использованием новейших технологий и средств вооруженной борьбы в непосредственной близости от границ РФ усиливает озабоченность руководства России. Для парирования этих угроз в 2019 г. правительство РФ выделило Минобороны свыше 1,5 трлн руб., в связи с чем на 6,7 % ускорился темп закупок высокотехнологичного вооружения. В 2020 г. планируется увеличение военного бюджета на 6,6 %, из которых около 70 % будет направлено на закупки современного ВВТ.

Последовательно укрепляется *ядерная триада СЯС* России, где доля современного вооружения составляет 82 %. В 2019 г. в РВСН заступил на боевое дежурство ракетный полк, оснащённый комплексом «Ярс». Авиационные СЯС пополнились модернизированными самолётами — Ту-160 и Ту-95МС, при этом Ту-160 успешно выполнил пуск 12 КР воздушного базирования ХА-101. Подтверждена возможность залповых пусков ракет с подводных лодок. В 2019 г. подводный крейсер стратегического назначения «Юрий Долгорукий» осуществил успешный залповый пуск 4 МБР «Булава» (стрельба таким количеством ракет с подводных крейсеров была проведена впервые в мире). На опытно-боевом дежурстве находятся

высокоточные гиперзвуковые авиационно-ракетные комплексы «Кинжал». В войсках стоят на вооружении боевые лазерные комплексы «Пересвет», по планам идут работы над ракетами «Циркон» и «Буревестник». Началось серийное производство ракетного комплекса «Авангард», в 2019 г. заступил на боевое дежурство ракетный полк, вооружённый этим комплексом с планирующим крылатым блоком. Успешно проведены испытания тяжёлой МБР стратегического назначения «Сармат». Таким образом, кроме России ни у одной страны мира сегодня нет гиперзвукового оружия, а гиперзвукового оружия континентальной дальности — тем более.

Серьезные усилия направлены на создание обеспечивающих объектов действий ядерной триады за счет совершенствования аэродромной сети, системы базирования флотов, развития арктической группировки и арсеналов хранения оружия. Для этого за последние 5 лет было завершено: техническое обустройство 7 ракетных полков РВСН; введены в строй новые РЛС; реконструированы 17 аэродромов, еще 12 находятся в стадии высокой готовности. Ежегодно в рамках выполнения оборонного заказа войска получают более 300 летательных аппаратов малой дальности и ближнего действия. Их число уже превысило 2100 единиц. Боевые возможности авиационных СЯС за 5 лет увеличились в 1,5 раза, где доля современных ракетноносцев достигла 75,7 %. А количество самолетов, способных применять новые КР, увеличилось более чем в 11 раз. Стратегические бомбардировщики ВВС стали регулярно выполнять задачи боевого патрулирования в ключевых районах мира — над акваториями Тихого, Атлантического и Северного Ледовитого океанов. Намечилось возрастание морского военного присутствия России в стратегически важных акваториях за счет дальних походов кораблей ВМФ. В Средиземном море создана постоянная группировка подлодок и кораблей. Россия также активно наращивает свое присутствие в Арктике путем строительства стационарных военных баз на островах Арктического архипелага, где уже построено 425 военных объектов. Таким образом, в настоящее время Армия России оснащена современными образцами ВВТ, способными гарантированно нанести неприемлемый ущерб агрессору, в том числе обладающему средствами ПВО и ПРО.

Но ВС РФ могут защищать национальные интересы страны не только ядерными средствами. Ее неядерные силы тоже выходят на уровень, позволяющий гарантировано обеспечивать оборону России. Если сегодня в них доля современного ВВТ составляет 58,9 %, то в 2021 г. она должна составить не менее 70 %. Для этого предстоит решить ряд приоритетных задач: вывести стратегические неядерные силы на уровень, позволяющий нейтрализовать военные угрозы РФ; продолжить совершенствование системы обеспечения и боевого управления неядерных сил и повысить боевые возможности группировок войск на стратегических направлениях²².

Высокоточное оружие также развивается стремительно: количество носителей высокоточных КР в войсках за 5 лет увеличилось более чем в 30 раз. В этот срок были налажены серийные поставки в войска (силы) ракетных комплексов «Искандер-М», подводных и надводных кораблей с комплексом «Калибр» для ВМФ, в ВВС начата модернизация самолетов дальней авиации под применение новой КР Х-101. Дополнительно в 2019 г. ВС РФ получили более 31 тыс. единиц техники связи, при этом уровень оснащённости современными средствами управления повысился в войсках до 66 %.

Помимо традиционных классов ВТО «воздух—земля» и «воздух—воздух» разрабатываются перспективные системы «космос—земля», «космос—воздух» и «космос—космос», в том числе гиперзвуковые КР с дальностью стрельбы до нескольких тысяч километров. Широкое применение получили высокоточные авиабомбы от малого до сверхбольшого калибра, управляемые артиллерийские снаряды и автономные авиационные боеприпасы.

Для дальнейшего развития систем ВТО Минобороны при участии РАН, ведущих научных центров и НИИ сформировало систему инновационной деятельности, в рамках которой за последние 5 лет было проработано около 1,5 тыс. научно-технических проектов, 450 из которых отобраны для внедрения, свыше 180 находятся в стадии реализации и более 300 образцов прошли апробацию. Более 800 инновационных образцов и технологий были отобраны МО РФ в рамках форума «Армия 2019», где был представлен созданный в РФ ударный беспилотный комплекс «Ланцет», который в перспективе может кардинально изменить характер боевых действий²³.

Доведение к 2021 г. уровня оснащенности ВС современным ВВТ до 70 % позволит им считаться одной из самых передовых армий мира, несмотря на то, что бюджет ВС РФ значительно уступает американскому, при этом по экспорту вооружений Россия занимает второе место в мире после США.

Для соответствия параметрам армии XXI века *сухопутные войска* РФ регулярно переоснащаются на новые образцы ВВТ. В ходе проводимых преобразований они получили боеспособные полки, бригады и дивизии, оснащенные новыми системами ВВТ, а на всех стратегических направлениях были созданы самодостаточные группировки войск. С этой целью, к примеру, в танковую армию Западного военного округа поступили на вооружение новейшие средства спутниковой связи «СНАРК» и «Ладья». Другие части армии также существенно обновили свою технику. Ракетную бригаду округа перевооружили на ОТРК «Искандер-М». Всего в армию поступило более 200 единиц техники. Это БТР-82А, бронированные командно-штабные машины Р-149АКШ, БМП-2М, ремонтно-эвакуационные машины РЭМ-КЛ, автомобили повышенной проходимости «Мустанг», подвижные радиорелейные станции Р-419Л1, гаубицы 2А65 «Мста-Б». Всего на вооружении округа стоит более 3,7 тыс. единиц бронетанковой техники, где для замены танка Т-72 в войска стал поступать танк «Армата», массовый выпуск которого уже начался.

В дополнение к этому следует отметить, что в ходе проводимой военной операции ВС РФ в Сирии, все командующие военных округов приобрели боевой опыт. Там также получили навыки боевого управления все командующие общевойсковыми армиями и армиями ВВС и ПВО, почти все командиры дивизий и более половины командиров общевойсковых бригад и полков с их штабами. Практически весь летный состав оперативно-тактической и армейской авиации также приобрел опыт ведения боевых действий в Сирии. Но даже с учетом этого опыта, приобретенного российскими войсками в Сирии и их предыдущих действий на Балканах, Северном Кавказе и в Южной Осетии, Россия пока уступает США в опыте применения военной силы в локальных военных конфликтах. Американские войска приобрели боевой опыт во многих «горячих точках планеты»: в Афганистане, Ливии, Ираке, Сирии, в Персидском заливе, на Бал-

канах и Голанских высотах, и в других частях мира. Поэтому американский опыт российским военным целесообразно изучать и адаптировать его применительно к военным действиям ВС РФ в будущих локальных конфликтах на планете (при практически мизерной вероятности развязывания глобальной ядерной войны).

В интересах развития *Воздушно-космических сил* (ВКС) в 2019 г. в их соединения и части было поставлено 126 самолётов и вертолёт, 10 космических аппаратов, 120 единиц техники ПВО. При этом доля современного вооружения в ВВС достигла 64 %, а в целом в ВКС была доведена до 74 %. Акцент в авиации направлен на обновление парка военно-транспортной авиации, прежде всего на самолет Ил-76МД-90А, испытания которого продолжаются. Испытания проходит и новый самолет-заправщик. Активно ведется доработка самолета Ил-112В, который заменит Ан-24 и Ан-26 в 2022 г. Завершается создание беспилотных разведывательных ударных комплексов средней дальности и с 2020 г. они начнут поступать в войска.

В настоящее время *войска воздушно-космической обороны* (ВКО) России контролируют воздушное пространство над центральным промышленным районом России и отвечают за ПРО Москвы. В общей сложности они прикрывают свыше 140 объектов государственного управления, промышленности и энергетики, транспортных коммуникаций и атомных электростанций с использованием комплексов тактической ПРО малого, среднего и большого радиуса действия и других систем.

При развитии сил ВКО особое внимание уделяется средствам предупреждения о ракетном нападении (СПРН). Ее главной составляющей являются РЛС «Воронеж» способные засекать на расстоянии до 6—8 тыс. км крупные ракеты противника. Для этого в России построены 4 «Воронежа»: на северо-западе страны (в Лехтуси), на западе (в Калининграде), на юго-западе (в Армавире) и на юго-востоке (под Новосибирском). Прогресс в развитии отечественной радиоэлектроники, позволил на порядок уменьшить массу и габариты комплекствующих и обеспечил ускорение их строительства. В 2019 г. на боевое дежурство заступила новейшая загоризонтальная РЛС «Контейнер», в связи с чем система СПРН стала более чувствительной. По сравнению с «Воронежем» новая РЛС способна одновре-

менно отслеживать сверхмалые воздушные цели, включая гиперзвуковые КР и самолеты, выполненные по технологии «стелс», определяя их траекторные параметры на удалении от 3 тыс. км от госграницы РФ²⁴. Помимо создания новых элементов системы СПРН, идет массовая закупка зенитных ракетных комплексов С-400 «Триумф», проходит тестирование С-500 «Витязь» и модернизация Московской системы ПРО, а также ведутся работы по созданию интегрированной управляющей системы ВКО.

Что касается развития *ВМФ России*, то для него российский ВПК стал разрабатывать и поставлять на вооружение новые корветы и малые ракетные корабли со сверхзвуковыми противокорабельными ракетами и КР типа «Оникс» и «Калибр». Строятся фрегаты дальней морской зоны. На «Адмиралтейских верфях» для Северного флота стоит патрульный корабль ледового класса «Николай Зубов», который в 2024 г. присоединится к аналогичному кораблю «Николай Панин». Новые крейсера не строятся, а обновляется прибрежный флот, исходя из экономических возможностей России, у которой, кроме побережья Камчатки, нет прямого выхода в океан. Поэтому у ВМФ РФ нет возможностей для господства на океанских просторах, да и нет для этого необходимости, США всегда будут превосходить их по количеству кораблей. Исходя из этого обстоятельства, больше внимания уделяется развитию боевых возможностей береговых систем, сил подводного флота в сочетании с развитием группировок разнородных сил ВМФ на воде, под водой и в воздухе.

В настоящее время оснащённость ВМФ новым вооружением и техникой составляет 62,3 %. В его боевой состав принято 14 новых кораблей и боевых катеров, а также 11 судов обеспечения, 4 новейших береговых ракетных комплексов «Бал» и «Бастион». Черноморский флот пополнился 6 самыми малозумными в мире подводными лодками проекта «Варшавянка», которые прозвали в НАТО «черными дырами». На вооружении Новороссийской ракетно-артиллерийской бригады стоят комплексы «Бал» с противокорабельными КР и единственный в мире подвижной артиллерийский комплекс «Берег», боеприпас которого ничто не может отвлечь от цели по всей траектории его полета. На Тихоокеанском флоте вступила в строй бригада подлодок в составе 6 субмарин типа «Варшавянка»²⁵. Нача-

ты испытания подводной лодки проекта «Борей-А», отличающейся повышенной скрытностью и надёжностью по сравнению с иностранными аналогами. Особое внимание уделяется развитию вспомогательного флота, который к 2027 г. году будет пополнен 176 морскими и рейдовыми судами²⁶.

Пристальное внимание уделяется развитию *воздушно-десантных войск* (ВДВ), где доля современного ВВТ составляет 63,7 %. В эти войска в 2019 г. было поставлено более 300 новых образцов ВВТ и свыше 11 тысяч комплектов средств десантирования личного состава, вооружения и грузов. А в целях сбалансированного развития всех компонентов ВДВ — реализуется комплексная целевая программа обновления этих войск. Этому способствует разработанные в российских НИИ элементы программно-аппаратной платформы, которая позволит создать новую автоматизированную систему боевого управления ВДВ.

Что касается развития *Тыла ВС РФ*, то в 2020 г. он должен решить следующие задачи: обеспечить внедрение современных и перспективных технологий во все сферы материально-технического обеспечения войск (сил), а также реализацию приоритетных проектов в рамках программы «Эффективная армия»; повысить эффективность создания, поиска и внедрения прорывных технологий для создания нового вооружения и техники; улучшить всестороннее взаимодействие и информационного обеспечения при решении задач обороны страны. Однако программа внедрения прорывных технологий для полного перевооружения ВС РФ в том числе за счет «импортозамещения», пока полноценно не работает. ВПК России не может одномоментно восстановить свои возможности после введенных Западом и Украиной санкций. Поэтому сегодня ВПК сталкивается с рядом проблем.

Первая из них — основной объём импортозамещения приходилась на продукцию, производимую на Украине, где было налажено производство газотурбинных двигателей для кораблей ВМФ РФ и турбореактивных установок для самолётов ВВС. В этой области российского ВПК главная задача состоит в том, чтобы поставлять в войска их аналоги, разработанные на новом технологическом уровне. И с задачей ВПК успешно справляется. В России уже налажено

производство вертолётных и корабельных газотурбинных двигателей. Следующая задача ВПК — замещение более высокотехнологичных систем, которые до 2014 г. Россия импортировала из ряда западных стран (например, из Франции импортировались тепловизоры для прицелов ночного видения). При этом введенные Западом санкции — это предоставляемый ВПК своеобразный шанс для разработки собственной высокотехнологической продукции, обеспечивающий выход из «заколдованного круга», в котором ВПК сейчас находится в виду определенного дефицита новых идей (к примеру, поставляемые в войска самолёты Су-30 и Су-35 — это развитие ещё советского истребителя Су-27).

Другой проблемой является наращивание на мощностях военных предприятий производства продукции двойного назначения. Это сложный процесс, который требует и от компаний ВПК, и от государства в целом больших инвестиций и четкой организационной и маркетинговой работы, с которой у ВПК пока не все благополучно. Задачи тут стоят амбициозные — добиться к 2025 г. производства гражданской продукции на 30 % и на 50 % к 2030 г. Есть еще одна проблема ВПК на сегодня — это сложное финансовое положение большого числа предприятий и компаний, их задолженность по кредитам составляет 2 трлн руб. Очевидно, выход из этой проблемы — один: обеспечить более высокую рентабельность заказов Министерства обороны РФ. Причём чем более высокотехнологичная продукция будет поставляться в войска, тем больше должна быть прибыльность предприятий ВПК.

Модернизация видов вооруженных сил Китая

Китайская армия входит в тройку самых сильных ВС в мире, где кроме нее присутствуют ВС США и РФ, несмотря на то, что расходы на военные нужды НОАК почти в 4 раза меньше, чем у США. При этом реформы в китайской армии проводятся при соблюдении двух основополагающих принципов: сохранение абсолютного подчинения в строительстве НОАК Компартии Китая; и рост боевых возможностей армии за счет повышения боевого мастерства ее личного состава. А чтобы адаптироваться к новым реалиям XXI века, *стра-*

тегия «активной» обороны Китая наполнилась новым содержанием, включающим следующие основные требования.

Во-первых, обновление представлений о ведении войны будущего, в которой, с учетом стратегических интересов КНР, армия и флот Китая будут наносить высокоточные удары по всей стратегической и оперативной системе построения войск противника, проводя операции с применением всех видов и родов войск НОАК на суше, в море, воздухе и космосе.

Во-вторых, это установка на победу в войне в условиях информационного противоборства. ВС Китая, понимая суть информационной войны, считают владение информацией ключевым способом удержания лидерства на поле боя. Для этого в НОАК был создан такой вид ВС, как «Силы стратегической поддержки», который отвечает за разработку и введение новых способов ведения сетцентрической войны и противодействие им в ВС других стран, в первую очередь — США²⁷.

В-третьих, учитывая существующие угрозы национальной безопасности, совершенствуется система стратегического планирования, которая включает координацию военных действий на ТВД, распределение ответственности по округам и интегрированное использование сил и средств в ходе будущих операций. При этом уделяется внимание как традиционным сферам борьбы на суше, в море и воздухе, так и новым сферам — в космосе, сети Интернет и принимаются меры по укреплению военного сотрудничества со странами мира, имеющими большое значение для Китая.

Исходя из этих требований, целью строительства ВС КНР является всестороннее повышение качества и эффективности обороноспособности страны за счет переоснащения войск новыми образцами ВВТ и достижений в сфере информатизации армии для значительного повышения ее стратегического потенциала к 2020 г. Особое внимание обращается на развитие науки и технологии как на ядро боеспособности НОАК, стимулируя важнейшие технологические инновации и трансформацию форм боевого управления. Это позволит повысить уровень боеспособности войск за счет трансформации армии из сил «количественного превосходства» в силы «качественного превосходства». Для этого структуры НОАК стали переходить

на сетевую информацию — от общевойсковых объединений к межрегиональным объединениям, а модели развития — от относительного разделения военной и гражданской сфер к их глубокой интеграции²⁸.

Основные мероприятия в рамках модернизации *ядерной триады* Китая направлены на разработку и производство новых твердотопливных БР с улучшенной точностью стрельбы и минимальной уязвимостью. А для парирования угрозы девальвации ядерного потенциала из-за развертывания США стратегической ПРО минобороны КНР приняло программу оснащения МБР разделяющимися головными частями и средствами преодоления ПРО. Для этого разработана МБР «Дунфэн-5Б» с ядерной кассетной головной частью, ведутся работы по модернизации МБР «Дунфэн-31» для оснащения ее средствами преодоления ПРО. В стратегической авиации идет поступление ядерных КР для бомбардировщиков «Хун-6», продолжается модернизация радиоэлектронного оборудования ядерной триады. Боевые возможности морского компонента китайских ракетных войск будут увеличены за счет ввода в состав ВМС атомной подводной лодкой проекта 094 с 16 БР «Цзюлайн-2» с дальностью стрельбы около 8000 км.

Модернизация *ракетных войск* является приоритетным направлением в рамках общей модернизации НОАК. Постоянный рост асигнований, а также темпы развития этой отрасли являются впечатляющими, что вызывает наибольшие опасения у ряда зарубежных государств. Во многом это связано с последними космическими достижениями Китая, а также с разработкой новых видов ядерного оружия. В конце 2016 г. в китайских СМИ были опубликованы данные о том, что НОАК имеет на вооружении примерно 200 МБР (DF-5, DF-31, DF-41), примерно 300 БРСД (DF-21, DF-26), около 1200 тактических баллистических ракет (DF-11, DF-15, DF-16) и до 3 тыс. крылатых ракет семейства ДН-10. Тем не менее пока нет оснований полагать, что ядерный потенциал КНР представляет серьезный фактор, способный повлиять на изменение ядерного баланса сил в мире, пока он слишком мал и технически отстал от США и РФ как для ведения оборонительных действий, так и для нанесения превентивных ударов.

С развитием ядерной триады НОАК тесно связаны *космические программы* КНР, поскольку боевые баллистические и космические ракеты-носители разрабатываются в рамках единой госпрограммы, включающей запуски различных видов спутников разведки, связи, наблюдения и навигации. В настоящее время китайская орбитальная группировка состоит из более чем 100 космических летательных аппаратов различного назначения, и еще 100 спутников могут быть введены в строй к 2020 г.²⁹ А для обнаружения стартов МБР вероятного противника при помощи российских специалистов строится китайская система СПРН.

Китайские специалисты продолжают активно работать над совершенствованием *противоспутниковых систем*. Еще в 2007 г. при помощи ракеты наземного базирования был уничтожен один из старых китайских спутников, находившийся на орбите на расстоянии 900 километров от поверхности Земли. Это испытание продемонстрировало способность Китая наносить удары по участкам околоземного пространства, где находятся спутники-разведчики, а также системы ПРО космического базирования США.

Особую роль в повышении боевых возможностей НОАК будут играть поставки в войска *робототехнических комплексов* (РТК). Согласно концепции «роботизации поля боя», номенклатура китайских робототехнических систем будет представлена двумя типами роботов: «Т-роботс», контрольные функции управления которым сохраняются за оператором, и «F-роботс» — автономными или действующими при минимальном вмешательстве человека. Применение этих роботов повысит боевые возможности частей СВ в ходе проведения операций и частично заменит военнослужащих при проведении ими мероприятий боевого и тылового обеспечения. В то же время концепция создания автономного робота имеет ряд трудно решаемых проблем, связанных с рисками несанкционированного или неправильного применения систем оружия, в том числе против мирного населения, либо своих войск. В связи с этим военное руководство отдает предпочтение разработке Т-роботов для применения их в структурах СВ НОАК. В частности, одной из целей ведущихся сейчас работ является создание «экзоскелета железного солдата», который может поступить на вооружение не раньше 2040 г.³⁰. А програм-

мы по созданию «F-роботов» могут быть реализованы не ранее 2065 г., «Т-роботов» — к 2070 г. Эти комплексы рассматриваются китайскими экспертами в качестве эффективной системы оружия в операциях будущего.

В рамках модернизация *сухопутных войск* НОАК, их общевойсковые армии переходят на структуру механизированных объединений с более высокой ударной мощью и мобильностью. Эти преобразования привели к тому, что сильными сторонами СВ являются наличие большого числа боеготовых дивизий и бригад, содержащихся по штатам военного времени, и гибкая мобилизационная база, опирающаяся на многочисленный обученный резерв. Также проводятся мероприятия по техническому переоснащению войск, по оптимизации видов связи и коммуникаций, что повысило боеготовность и мобильность НОАК за счет совершенствования боевых характеристик ВВТ. Тем не менее недостатками проводимых преобразований продолжают оставаться медленное техническое переоснащение армии, а также невысокий уровень квалификации офицерского состава.

Развитие *военно-воздушных сил* стало одним из главных требований военной модернизации НОАК. В настоящее время в ВВС и морской авиации ВМС НОАК имеется более 220 бомбардировщиков JH-7, более 400 тяжелых истребителей семейства Су-27/30/35С/J-11/15/16, и более 250 легких истребителей J-10. При этом высокими темпами продолжается производство JH-7, J-11В (копия Су-27), J-16 (копия Су-30), J-10 модификаций В и С. При этом Китай обошел Россию в производстве истребителей 5-го поколения. Если российский Т-50 пока не вышел из стадии испытаний, то в 176-й бригаде ВВС НОАК уже имеется не менее 6 серийных J-20 5-го поколения. Кроме того, по сравнению с ВС РФ НОАК имеет весь спектр разведывательных БПЛА, а также несколько типов боевых БПЛА. Техническое переоснащение ВВС идет по двум направлениям: модернизация имеющегося парка авиации и вооружений ПВО, а также подготовка личного состава ВВС к ведению боевых действий на технике нового поколения. Эти мероприятия осуществляются за счет закупок ВВТ за рубежом и за счет производства вооружений на предприятиях Китая. Но, несмотря на растущую с каждым годом

долю военной продукции, выпускаемой в КНР, большинство технологий в ВВС Китая являются безлицензионными российскими копиями. Наряду с приобретением в России ЗРК С-400 в КНР идет разработка собственной ЗРК HQ-9.

Модернизация *военно-морских сил* Китая базируется на положениях Военно-морской доктрины НОАК, предусматривающих создание ВМС и поддерживающих их ВВС, способных не только отразить агрессию со стороны моря, но и предполагающих превентивные удары, в том числе на океанском ТВД. Для этого на первом этапе модернизации (до 2000 г.) были созданы оперативные группировки сил, способные поддерживать операционный режим в пределах зоны, ограниченной «первой цепью островов» (Филиппинские острова и Рюкю, акватории Желтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей). На этом направлении флот количественно обеспечен силами и средствами для создания благоприятного операционного режима в пределах этой зоны, что говорит об успешном выполнении задач первого этапа. На втором этапе (до 2020 г.) планируется усилить ВВТ ВМС, чтобы они могли осуществлять оперативные действия в пределах «второй цепи островов» (Курильские о-ва, о. Хоккайдо, о-ва Нампо, Марианские, Каролинские и о. Новая Гвинея, включая акватории Японского и Филиппинского морей, а также морей Индонезийского архипелага). На третьем этапе (до 2050 г.) предполагается создать флот, способный решать поставленные задачи в любом районе Мирового океана.

В настоящее время ВМС КНР сохраняют структуру, ориентированную на действия в прибрежной и ближнеморской операционных зонах, тем не менее в начале XXI в. ему удалось существенно увеличить свой военный потенциал присутствия в морской операционной зоне. Атомный подводный флот Китая пока не вышел из стадии строительства кораблей небольшими сериями, что компенсируется наличием крупнейшего в мире (более 55 единиц) флота неатомных подлодок, включая новейшие лодки проектов 039А/В и 043 и российские лодки проекта 636ЭМ. В дополнение к авианосцу «Ляонин» (бывший советский «Варяг») на китайских верфях завершается построение аналогичного по конструкции авианосца. При этом существует дисбаланс в военно-морском строительстве Китая. Это связа-

но с тем, что в течение 90-х годов XX в. происходило значительное сокращение катерных сил с увеличением числа кораблей эскортной группы морской, а затем и океанской зоны, что привело к снижению боевой готовности кораблей прибрежной зоны. Таким образом, в настоящее время ВМС НОАК способны обеспечивать лишь безопасность прибрежной зоны Китая, и они слишком слабы, чтобы противостоять главным морским державами в АТР³¹.

Заключение

Подводя итоги анализа подходов США, России и Китая к развитию их вооруженных сил за счет внедрения новейших технологий, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, совершенствование сил и средств вооружённой борьбы, как в США, так и в России, и Китае идёт непрерывно в соответствии с развитием новейших технологических достижений. Создание и внедрение новых образцов ВВТ, приводит не только к совершенствованию структур их ВС, но и изменению стратегии и тактики ведения боевых действий. Скачкообразное развитие получили информационные системы разведки, связи, управления, обнаружения целей на базе новейших электронных компонентов. В сочетании с качественным совершенствованием других технологий появилась возможность создания новых образцов ВВТ, способных совершить революцию в военном деле. А с учётом развития современных и перспективных наступательных вооружений предсказать момент нападения противника представляется весьма сложным, так как дальность действия современных средств поражения позволяет нападающему нанести внезапный удар из мест базирования или боевого патрулирования его боевыми системами.

Во-вторых, в обозримом будущем СЯС России и Китая с одной стороны, и США — с другой, по-прежнему будут осуществлять сдерживание друг друга с готовностью к нанесению ядерного удара по их военным, промышленным и другим объектам. Также нельзя игнорировать попытки США нивелировать влияние сдерживающего фактора ядерного оружия за счёт развёртывания глобальной ПРО, обеспечивающей уничтожение МБР вероятного противника, к кото-

рым Вашингтон относит Россию и Китай. А с помощью новейших подводных лодок, КР большой дальности, малозаметных бомбардировщиков Пентагон предполагает внезапным ударом до минимума сократить число готовых к старту носителей МБР ВС РФ и КНР. В случае если ответный удар все же будет нанесён, то уцелевшие после первого удара носители ядерного оружия будут уничтожаться на всех этапах их полета лазерами, расположенными на наземных платформах и авиационных носителях, космическими спутниками и противоракетами, стартующими с кораблей и стационарных пусковых установок. Это обуславливает необходимость поддержания и своевременного обновления российской орбитальной спутниковой группировки и наземных постов СПРН.

В-третьих, за последние годы в ряде направлений модернизации НОАК Китая достигнуты немалые успехи. Но по сравнению с модернизацией ВС США и России отставание Китая в этой области пока остается существенным. И, несмотря на то, что главным соперником военные стратеги Китая считают США, в настоящее время практически все виды войск НОАК подготовлены в рамках ведения боевых действий в ближайшем окружении Китая. Кроме того, китайские войска не имеют практического опыта ведения боевых действий в современных локальных военных конфликтах.

В-четвертых, развитие в США неядерного ВТО большой дальности и возможность скрытного внезапного удара с их помощью, ставит под угрозу безопасность России и Китая. В ответ Россия развивает свою систему РКО, дополняя ее новыми элементами наземного и космического базирования, способными вскрыть факт агрессии и нанести поражение противнику с использованием не только СЯС, но и обычными средствами поражения. Для уничтожения низкоорбитальных космических аппаратов противника в рамках создания систем ПВО нового поколения и ПРО ТВД в ВКС России разработаны противоспутниковые комплексы вооружения на базе ЗРК С-400 и С-500, истребителя-перехватчика МИГ-31. Идут испытания гиперзвуковых низколетящих малозаметных КР большой дальности и перспективного многофункционального истребителя пятого поколения. А для временного или полного вывода из строя оптических приборов и высокочувствительной электроники низкоорбитальных

спутников противника прорабатывается возможность применения по ним лазерного оружия, располагаемого на мобильных наземных платформах и в подземных укрытиях. Кроме того, Россия помогает Китаю создать свою СПРН.

В-пятых, в перспективе сухопутные войска США и России по сравнению с СВ НОАК претерпят наиболее радикальные изменения как по задачам, так по составу и тактике ведения боевых действий. Широкое распространение высокоэффективных радиолокационных и тепловизионных средств разведки, высокоточных КР, боеприпасов с кассетными самоприцеливающимися боевыми элементами и БПЛА не позволит осуществлять в будущем полномасштабные наземные операции в их традиционном понимании. Любое скопление бронетехники и живой силы с высокой вероятностью будет выявлено и уничтожено. В этих условиях СВ ВС РФ придётся наряду с ВВС и ВМФ по-новому решать задачу разгрома вооружённых сил агрессора, разрушения его объектов инфраструктуры и уничтожения живой силы. А высокая вероятность возникновения локальных конфликтов низкой интенсивности в регионах мира требует присутствия в составе ВС РФ подготовленных частей и подразделений, ориентированных на уничтожение незаконных вооружённых формирований с применением новейших средств вооруженной борьбы.

В-шестых, в войне будущего соединения и части ВВС становятся одним из главных звеньев, как в обороне, так и в нападении. От успешности ведения ими боевых действий в воздушно-космическом пространстве зависит успешность действий и сухопутных сил, и военно-морского флота. Поэтому приоритетными задачами ВВС России, Китая и США считаются контроль воздушного пространства, обеспечение господства в воздухе, нанесение ударов на большую глубину ядерными и высокоточными неядерными средствами поражения по наземным и надводным целям. Прослеживается тенденция перехода авиации на большие (свыше 15 км) и сверхмалые (до 50 м) высоты, увеличивается средняя скорость их полёта и боевой радиус действий. В обозримой перспективе для ведения боевых действий на сверхмалых высотах в основном будут применяться беспилотные и дистанционно-пилотируемые летательные аппараты.

В-седьмых, тенденции развития ВВТ на военных флотах показывают, что акцент боевых действий на море всё больше смещается под воду, особенно с учётом растущих противоречий между США с Китаем и Россией. Их боевые действия под водой будут отличаться высокой скрытностью, внезапностью и сложностью определения государственной принадлежности нападавшего, что обуславливает разработку в ВМФ РФ новых технических средств опознавания для обеспечения своевременного и адекватного ответа на агрессию.

В-восьмых, исследовательские центры США осуществляют разработку оперативных концепций войн будущего, выделяя информационное воздействие в самостоятельное «поле боя», оказывают существенное влияние на все аспекты боевых действий. Поэтому основной задачей подразделений, предназначенных для организации информационной безопасности ВС РФ, становится защита каналов передачи данных и центров хранения и обработки информации и нарушение информационных коммуникаций противника. Элементы этих действий уже отработаны в России и реализованы в доктрине комплексного информационного противодействия, учитывающую совершенствование компьютерных технологий и оказываемое ими влияние на войска и на страну в целом. А, учитывая определенное отставание в разработке и изготовлении микропроцессорной техники, НИИ РФ уделяют повышенное внимание развитию программно-математического обеспечения ВС РФ, предназначенного для нарушения работы систем управления противника, перехвата и расшифровки данных, обеспечения засекречивания собственной информации.

И, наконец, в-девятых, российским экспертам целесообразно внимательно изучать опыт реформирования военной организации США последнего времени, не копируя все, что сделал Пентагон, в силу того, что военная организация США строится на иных принципах, чем в России. Задача экспертов состоит в том, чтобы правильно понять, какой будет война будущего и гораздо быстрее подготовиться к ней, чем это сделают вероятные противники России. Им также стоит обратить пристальное внимание на ход военного реформирования в США с учетом применения ее вооруженных сил в локальных конфликтах потому, что они увязываются с действиями России на международной арене.

Примечания

¹ AUSA NEWS: Army Hopes to Release New Modernization Strategy in Coming Days. Available at: <https://www.nationaldefensemagazine.org/articles/2019/10/14/army-hopes-to-release-new-modernization-strategy-in-coming-days>

² Информация и космос. 2017. № 3.

³ Global Information Grid (GIG). Available at: <https://www.globalsecurity.org/intell/systems/gig.htm>

⁴ Network Centric Operations: Background and Oversight Issues for Congress. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/natsec/RL32411.pdf>

⁵ Joint Tactical Radio System Programmable, Modular Communications System. Available at: <https://www.globalsecurity.org/military/systems/ground/jtrs.htm>

⁶ Army Future Combat System (FCS) “Spin Outs” and Ground Combat Vehicle (GCV): Background and Issues for Congress. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/weapon/RL32888.pdf>

⁷ Медин А.О. О новой системе планирования строительства вооруженных сил США. Available at: http://nvo.ng.ru/forces/2010-06-18/1_usa.html

⁸ Вечная война. О перспективах развития вооружения. Available at: <https://lenta.ru/articles/2008/07/18/fwar2/>

⁹ Conventional Prompt Global Strike and Long-Range Ballistic Missiles: Background and Issues. Available at: <https://fas.org/sgp/crs/nuke/R41464.pdf>

¹⁰ Щербаков В. Армия США: стратегия многосферного доминирования. URL: http://nvo.ng.ru/forces/2019-10-25/1_1067_usa.html?print=Y

¹¹ U.S. Army Is Bringing Back Land-Based Missiles to an unusual extent in a Post-INF world. Available at: <https://www.forbes.com/sites/sebastienroblin/2019/08/07/army-will-soon-begintesting-precision-strike-missiles-for-a-post-inf-world/#759db6f225e1>

¹² Our Nation's Security Demands Lethal Precision Strike Lockheed Martin Global Vision Center March 26—27, 2019. Available at: <https://www.ndia.org/-/media/sites/ndia/meetings-and-events/2019/march/9ppr/9psar-program.ashx>

¹³ Pica tinny Arsenal reveal details of Army's extended-range artillery system. Available at: <https://defence-blog.com/army/picatinnys-arsenal-reveal-details-of-armys-extended-range-artillery-system.html>

¹⁴ US Army looking for Optionally-Manned Fighting Vehicle. Available at: https://www.armyrecognition.com/weapons_defence_industry_military_technology_uk/us_army_looking_for_optionally-manned_fighting_vehicle.html

¹⁵ Armored Multi-Purpose Vehicle. Available at: https://en.wikipedia.org/wiki/Armored_Multi-Purpose_Vehicle

¹⁶ Robotic Combat Vehicle (RCVS). Available at: <http://www.tadviser.ru/index.php/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BA%D1%82>

¹⁷ US Army triggers design competition for future attack reconnaissance helicopter. Available at: <https://www.defensenews.com/land/2018/10/03/us-army-triggers-design-competition-for-future-attack-reconnaissance-helicopter/>

¹⁸ SUN BLADE(tm) 6000 AND 6048 MODULAR SYSTEMS. Available at: [http://files.ocs.ru/sun/Products/Systems/Niagara/INTEGRATOR/Sun%20Blade%](http://files.ocs.ru/sun/Products/Systems/Niagara/INTEGRATOR/Sun%20Blade%20)

¹⁹ U.S. Army Integrated Air and Missile Defense Capabilities: Enabling Joint Force 2020 and Beyond. Available at: <https://www.ausa.org/sites/default/files/TBNSR-2014-US-Army-Integrated-Air-and-Missile-Defense-Capabilities.pdf>

²⁰ Армия США тестирует очки дополненной реальности с системой ночного видения. Available at: <https://se7en.ws/armiya-ssha-testiruet-ochki-dopolnennoy-realnosti-s-sistemoy-nochnogo-videniya/>

²¹ *Савин Л.* Перспективные перспективные военные технологии в США. Available at: <https://www.geopolitica.ru/article/perspektivnye-voennye-tehnologii-v-ssha>

²² Армия России к 2020 году: высокоточная и защищающая национальные интересы. Available at: <https://ria.ru/20171107/1508348502.html#/main>

²³ Хирургическая точность «Ланцета» // Звезда. 2019. № 23 (237). 5 декабря.

²⁴ Россию накрыли противоракетным «куполом» // Звезда. 2019. № 24 (238). 12 декабря.

²⁵ Спасти «Варшавянку» // Звезда. 2019. № 23 (237). 5 декабря.

²⁶ Итоги работы Министерства обороны РФ в 2019 году. Available at: <https://topwar.ru/163653-itogi-raboty-ministerstva-oborony-rf-v-2019-godu.html>

²⁷ *Храмчихин А.* «Новый облик» по-китайски. Армейский сайт Полевая почта. <https://pochta-polevaya.ru/militaryanalytics/geopolitics/eastazia/659/a316865.html>

²⁸ *Литовкин В.* Пекин делает ставку на стратегию активной обороны. Available at: http://nvo.ng.ru/forces/2017-12-08/1_976_china.html?print=Y

²⁹ *Каукенова Т.* Ключевые аспекты модернизации видов войск вооруженных сил Китая. Available at: www.easttime.ru/analytic/3/8/490.html

³⁰ *Васильев Ю., Кузнецов Р.* Взгляды военно-политического руководства Китая на роботизацию вооружённых сил страны. Available at: http://factmil.com/ru/bl/strana/kitaj/vzglyady_voenno_politicheskogo_rukovodstva_kitaja_na_robotizaciju_voorzuzhjonnykh_sil_strany_2017/59-1-0-1212

³¹ *Никитин С.* Модернизация вооруженных сил КНР в начале XXI. Available at: asiapacific.narod.ru/countries/china/army21/

С.В. Уянаев

«ТРЕУГОЛЬНИК» РФ—КНР—США: СФЕРА РАКЕТНОГО КОНТРОЛЯ И НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ОБЩЕЙ ДИНАМИКИ

Сферы ракетного контроля и перекрестные отношения

Одной из сфер, где рельефно отражаются перекрестные отношения взаимовлияния, определяющие существо политологического треугольника «США—РФ—КНР», сегодня может служить область контроля над вооружениями, в том числе ракетно-ядерными. В частности, именно «китайский сюжет» ряд экспертов, как минимум в дополнение к претензиям в адрес России по ракете 9М729, рассматривает в числе главных мотивов выхода США из американско-российского Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности от 1987 г. (ДРСМД)¹. Такой взгляд (если он верен) в очередной раз высвечивает сложные реалии структуры трехсторонних взаимосвязей и взаимозависимостей, когда казалось бы самостоятельная двусторонняя (в данном случае российско-американская) линия испытала воздействие третьего (китайского) угла треугольника.

Попробуем разобраться, в какой мере изложенный взгляд обоснован и насколько существенным оказалось китайское воздействие? В любом случае, полученные ответы смогут пролить дополнительный свет и на общие тенденции, развивающиеся сегодня в российско-китайско-американском «треугольнике». И для того чтобы

вникнуть в суть вопроса, имеет смысл обратиться к ряду обстоятельств, среди которых наиболее важными видятся следующие: общий подход Китая к вопросам контроля над ракетно-ядерным оружием; состояние китайского ядерного и ракетного потенциала; наконец, позиция, занятая КНР конкретно в отношении судьбы ДРСМД, в том числе в контексте китайской региональной (в АТР) политики.

Следуя такому порядку, напомним, *во-первых*, основные положения китайских официальных подходов к вопросам ограничения вооружений.

В части ядерного оружия, согласно правительственным документам, Китай, подписавший «Договор о нераспространении ядерного оружия», «последовательно выполняет обязательства, предусмотренные этим договором, выступает против распространения ядерного оружия, не поощряет и не занимается распространением ядерного оружия, а также не помогает другим странам в развитии ядерного оружия»².

Далее в официальных документах, в частности, в выпускаемых с 1998 г. Белых книгах по оборонной политике, руководство КНР подчеркивает, что «Китай последовательно выступает за всестороннее запрещение и окончательное уничтожение химического, биологического и ядерного оружия, обещает никогда и ни в коем случае не применять ядерное оружие первым». Также КНР обязуется «не применять или угрожать применением ядерного оружия против безъядерных стран и безъядерных зон». Ключевым является следующее положение: Китай «считает, что государства с наибольшими ядерными арсеналами, которые несут особую и главную ответственность за ядерное разоружение, должны первыми пойти на значительное сокращение ядерных арсеналов и уничтожить сокращенное ядерное оружие»³.

С точки зрения такой «очередности», аналогичен подход и к вопросу собственно ракетного контроля. С одной стороны, Китай практически не связан какими-либо международными договоренностями в данной сфере, да их собственно и немного. А с другой — руководство страны ставит задачу, как подчеркнуто на 19 съезде КПК, «создать мощные модернизированные сухопутные войска, воен-

но-морской флот, военно-воздушные силы, ракетные войска и войска стратегической поддержки». В ближайшие три десятилетия предусматривается «осуществить модернизацию национальной обороны и армии, превратить ее в вооруженные силы передового мирового уровня». Примечательно, что военные задачи прямо увязываются с основополагающими установками общего развития Китая, отмечается необходимость твердо стоять «на позиции единства наращивания экономического и военного потенциала страны»⁴. Как было подчеркнуто в этой связи в Белой книге, выпущенной Министерством национальной обороны весной 2015 г., армия Китая призвана обеспечить «прочные гарантии достижения стратегической цели — осуществления Китайской Мечты о великом возрождении Китайской нации»⁵. Причем многие эксперты обратили внимание на присутствие в этом документе небывалой ранее задачи «защиты расширяющихся интересов Китая за рубежом»⁶. Имеются свидетельства и оценки ведущейся в этом направлении серьезной практической работы, позволившей НОАК совершить в последние полтора десятилетия значительный технологический и модернизационный рывок, уже приблизивший ее к армиям наиболее передовых держав.

Не случайно поэтому, что Пекин, поддерживая малореальное пока «всеобщее запрещение и полное уничтожение ядерного оружия» и существенное «сокращение обычных вооружений», воздерживается от инициативной роли или участия в каких-либо конкретных мерах в этих областях, включая сферу различных ракетных систем в их ядерном и неядерном оснащении. «Те державы, чье ядерное и обычное оружие превосходит всех по количеству, несут особую ответственность за контроль над вооружениями и разоружение», — такова, повторим, принципиальная позиция Пекина, который на деле весьма избирательно и с оговорками относится к мировой разоруженческой повестке, в том числе в части ее ракетной тематики⁷.

Так, в одной из Белых книг говорится, что Китай выступает против распространения не только оружия массового поражения как такового, но и «средств его доставки». Но при этом авторы документа, в частности, особо подчеркивают те опасности, за которые «несут ответственность» другие, «соответствующие государства», нацеленные на создание систем ПРО ТВД в Северо-Восточной Азии. Ука-

зывается, что это «приведет к распространению передовой ракетной техники, не будет благоприятствовать миру и стабильности в Азиатско-тихоокеанском регионе»⁸.

Иными словами, достаточно очевиден де-факто отказ КНР от участия в реальных разоруженческих и прочих международных программах, из которых вытекал бы контроль и за китайским оружием. Причем на экспертном уровне в Китае уже не первый год указывают на тот факт (уже сегодня, весьма спорный), что «дипломатические возможности Китая вообще и его ядерная дипломатия, в частности, все еще недостаточно развиты»⁹. В любом случае понятно, что общий подход Пекина к разоруженческой тематике, в том числе в ракетной сфере, продиктован тем, как КНР видит здесь свои национальные интересы.

Во-вторых, хотя бы кратко, коснемся сегодняшнего ядерного и ракетного потенциала КНР. Долгое время политика Китая в сфере ракетно-ядерных программ основывалась на доктрине «минимального сдерживания» — наличия сравнительно ограниченного потенциала, способного, однако, «удержать» потенциального агрессора. В упомянутой Белой книге (2015 г.) такая доктрина не отвергалась, однако уже определенно говорилось не просто о стратегическом ядерном сдерживании, но и об «обеспечении гарантированного ответного удара». Это позволяет некоторым наблюдателям говорить о возможных конечных интенциях Китая по достижению стратегического паритета с США и РФ. При этом специалисты указывают, в частности, на «планы усиления возможностей стратегического сдерживания», выдвинутые руководством Ракетных войск НОАК. [3, р. 36] Обращается внимание и на то, что ныне «Китай — единственный постоянный член СБ ООН, явно наращивающий число ядерных боеголовок на стратегических носителях»¹⁰.

Тем не менее, по общему числу ядерных боеголовок и средств их доставки к концу 2010-х годов Китай, согласно доступной информации, находится на 4-м месте, не только значительно уступая США и РФ, но и несколько отставая от Франции. Существуют различные оценочные данные ракетно-ядерного потенциала КНР, представляемые, в частности, в ежегодных докладах Пентагона Конгрессу США¹¹, в исследованиях таких международных экспертных струк-

тур, как «Инициатива по устранению ядерной угрозы» (Nuclear Threat Initiative, NTI, Washington)¹² и другие¹³. Если попытаться выделить последние и наиболее комплексные источники («Бюллетень атомной информации» — Bulletin of the Atomic Scientist, Chicago), то, говоря о китайских ракетах только в ядерном оснащении (не о ракетном арсенале в целом), эти источники фиксируют сегодня максимально (максимум?) 280 ядерных боеголовок/боезарядов на двух с небольшим сотнях носителей наземного, подводного и воздушного базирования¹⁴ (табл. 1).

Таблица 1. Ядерные силы КНР-2018¹⁵

Тип	Обозначение в НАТО	Кол-во пусковых установок	Дальность, км	Боеголовка, килотонн	Количество боеголовок
Назем. балл. ракеты					
DF-4	CSS-3	~5	5,500+	1 x 3,300	~10
DF-5A	CSS-4 Mod 2	~10	13,000+	1 x 4,000—5,000	~10
DF-5B MIRV	CSS-4 Mod 3	~10	~13,000	3 x 200—300	30
DF-15 SRBM	CSS-6	?	600	1 x ?	? ^b
DF-21 MRBM	CSS-5 Mods 2, 6	~40	2,150	1 x 200—300	~80 ^c
DF-26 IRBM		16 (+16?)	4,000+	1 x 200—300	16 (+16 ?)
DF-31	CSS-10 Mod 1	~8	7,000+	1 x 200—300	~8
DF-31A	CSS-10 Mod 2	~32	11,000+	1 x 200—300	~32
F-31AG ^d	(CSS-10 Mod 3?)	(16)	11,000+?	(1 x ?)	
DF-41 MIRV	CSS-X-20	(10-?)	~13,000?		(10—30 ?)
Subtotal(max)		121 (137 ?)			~186 ^e (212?)
Балл. ракеты на ПЛАРБ					
JL-2; 4 JIN-class CC	CSS-N-14	48	7,000+	1 x 200—300	48

Окончание табл. 1

Тип	Обозначение в НАТО	Кол-во пусковых установок	Дальность, км	Боеголовка, килотонн	Количество боеголовок
Рак. в ВВС					
H-6 ⁹	B-6	(~20)	3,100+	1 x bomb	(~20)
Крылатые ракеты					
CJ-20 LACMs air-launched?	?	?	2000+	20 to 90 kT	?
Всего		187(215)			~254 (280) ^j

Источник: URL: <https://thebulletin.org/2018/06/chinese-nuclear-forces-2018>

Из этих (приближающихся к тремстам) ядерных боеголовок, свыше половины приходится на наземные стратегические межконтинентальные носители (МБР в российской или ICBM в западной классификации). Согласно устойчиво встречающимся подсчетам, 50 боеголовок размещено на 25 ракетах DF-4, DF-5A и DF-5B шахтного базирования (последняя — с разделяющимися головными частями индивидуального наведения — РГЧ ИВ), еще 40 боеголовок — на уже находящихся на подтвержденном дежурстве твердотопливных мобильных ракетных комплексах DF-31 и DF-31A. Итого — 90 боеголовок на 65 МБР.

Но потенциально эти цифры могут быть выше (в табл. 1 находятся в скобках со знаком вопроса). При учете находящихся в «доводке» комплексов DF-31AG (порядка 16 носителей) и DF-41 (здесь очевидно речь идет о 10—12 ракетах с РГЧ ИВ)¹⁶ можно говорить о 135—145 боеголовках на 90—95 наземных носителях. Собственно говоря, как раз похожие оценки, а именно упоминание о 75—100 китайских ICBM (МБР) как стратегических носителях наземного базирования, чаще других подобных цифр встречаются в наиболее полных западных источниках¹⁷. Далее, к межконтинентальным средствам доставки ядерного оружия относятся 48 боеголовок подводного пуска, размещенных на таком же количестве пусковых установок (радиус свыше 7000 км), которыми оснащены четыре подводных атомных ракетноносца класса Jin.

В итоге, с учетом порядка 75 наземных и примерно полусотни подводных межконтинентальных китайских носителей, в Пентагоне говорят сегодня о «125 ядерных ракетах Китая, потенциально угрожающих США»¹⁸. Подсчеты показывают, что это число стратегических носителей способно размещать примерно 150—160 ядерных боеголовок¹⁹. Остальные ядерные заряды КНР (из общего, напомним, примерного числа 280) служат для оснащения носителей средней и меньшей дальности (РСМД).

80 боеголовок размещены на 40 ракетных комплексах средней дальности DF-21 (радиус до 2150 км), от 16 до 25 боеголовок — на таком же числе усовершенствованных ракет DF-26 (до 4000 тыс. км), еще 20 — на бомбардировщиках Н-6 с радиусом 3100 км. Наконец, определенное число зарядов может размещаться, по ряду сведений, на ракетах меньшей дальности DF-15 (725—850 км). Всего речь идет о том, что на примерно 90—100 наземных и воздушных носителях среднего и малого радиуса действия (попадающие под условия Договора по РСМД от 1987 г.) могут размещаться порядка 120—130 ядерных зарядов.

Как приведенные цифры выглядят на фоне ракетно-ядерных потенциалов США и РФ?

Напомним, что по Договору СНВ-3, заключенному между США и РФ, каждая из стран с февраля 2018 г. обязывалась иметь в развернутом состоянии не более, чем по 1550 боеголовок на своих стратегических наступательных носителях. Похоже, условия Договора в целом соблюдаются, хотя данные по количеству носителей, а также по общему числу развернутых и неразвернутых у РФ и США стратегических боеголовок часто выглядят неоднозначно²⁰.

Что же касается общего ядерного арсенала (с учетом не только стратегических, но и нестратегических/тактических, а также неразвернутых/резервных ядерных зарядов), то у России он оценивается в 4200 единиц; у США — в 4670 единиц²¹. Это без учета еще примерно 2000 единиц для каждой стороны, которые пока не ликвидированы, но сняты и «ждут демонтажа». Иными словами, соотношение между общими ядерными арсеналами КНР с ее, как указывалось выше, менее чем 300 боеголовками, с одной стороны, и США и Россией — с другой, составляет, примерно, 1/17 и 1/15 соответственно²².

Похожая картина и при сопоставлении отдельно взятых стратегических ядерных арсеналов: по боеголовкам (имея в виду ограничители по СНВ-3 для РФ и США) соотношение в обоих случаях составляет 1/12, по носителям — колеблется в пределах 1/4—1/5. Однако (и здесь мы подходим к сфере, затрагиваемой Договором по РСМД), помимо ракет в ядерном оснащении, КНР располагает большим количеством ракет с обычными (неядерными) зарядами, причем главным образом среднего и малого радиуса действия. (табл. 2).

Таблица 2. Ракеты среднего и меньшего радиуса с неядерными зарядами

Наимен. /Тип	Класс. в НАТО	Дальность	Кол-во
DF 11	CSS7	300—600	Approx. 1,200 SRBMs ²³
DF15 nuc/conv	CSS6	725—850	
DF 16 high acc.	CSS11	700++	
DF 21 nuc/conv	CSS 5	1700—2000	200—300 Conv.MRBMs ²⁴
DF 21—5 anti-ship	CSS 5 Mod 5	2000	
DF 26 nuc land atac/conv anti-ship	—	4000	
Крылатые ракеты			
Chang Jian10 GLCM		1500	200 to 300 air-and ground-launched LACMs
LACMs, air-launched	YJ-63	200km	
LACMs air-launched CJ-	CJ-20	2000	
Всего			1600—1800

Источник: URL: <https://thebulletin.org/2018/06/chinese-nuclear-forces-2018>

К ним относятся неядерные модификации упомянутых выше ракет средней и меньшей дальности — DF-15 и DF-21, ракеты малого радиуса DF-11 (до 600 км), DF-16 (свыше 700 км, высокоточная) и другие. Причем некоторые ракеты имеют многоцелевой характер, в частности, DF-21 используется и в качестве крылатой (противоко-

рабельной) ракеты²⁵. Также китайские ракетные войска располагают несколькими сотнями крылатых ракет DF-10 дальностью около 2000 км²⁶. Всего по различным источникам число ракет средней и меньшей дальности, включая крылатые ракеты наземного базирования, может варьироваться от 1200 до 2300 единиц²⁷. По другим данным, Китай имеет примерно 1200 ракет меньшей дальности, 200—300 ракет средней дальности, столько же крылатых ракет наземного и воздушного пуска, включая модификации с радиусом до 1500 км²⁸.

В любом случае речь идет о весьма внушительных цифрах, особенно на фоне того, что для США и России/СССР этот класс ракет по двустороннему ДРСМД от 1987 г. был запрещен. Повторим, что некоторые типы китайских РСМД (DF-15, DF-21, DF-26, всего их порядка 100) могут оснащаться как обычными, так и ядерными зарядами. Это говорит о том, что, пока все еще кардинально уступая США и России и в части стратегических (межконтинентальных) ракетно-ядерных сил (порядковая разница в боеголовках, а в ряде случаев и качественное отстававшие), в еще большей степени проигрывая двум лидерам по общему объему ядерного арсенала, Китай сегодня оказался в позиции очевидного локального преимущества в конкретной области — в сфере ракет средней и меньшей дальности (РСМД), как в ядерном, так и неядерном их оснащении²⁹.

С учетом изложенного, *в-третьих*, попробуем осветить вопрос о позиции КНР непосредственно по поводу Договора по РСМД. Официальная оценка нынешнего положения с американо-российским Договором была обнародована представителем китайского МИД Гэн Шуанем, который заявил 2 февраля с.г., что «Китай выступает решительно против одностороннего выхода Соединенных Штатов из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности и призывает стороны урегулировать разногласия путем их обсуждения»³⁰. Но еще более показателен ответ представителя МИД КНР на конкретный вопрос о том, будет ли Китай согласен обсуждать новый, многосторонний Договор по РСМД, взамен прежнего. «Китай выступает против многостороннего характера такого Договора. Настоятельной задачей является сохранение и выполнение существующего Договора, а не разработка нового», — четко и недвусмысленно заявил представитель МИД КНР. На еще более весомом уровне эту

позицию подтвердил куратор китайской дипломатии в Госсовете КНР Ян Цзечи, который, возглавляя делегацию КНР на 55-й Мюнхенской конференции по безопасности, отказался от предложения канцлера Германии Ангелы Меркель присоединиться к ДРСМД³¹. А еще ранее (октябрь 2018 г.) Китай достаточно твердо в таком же духе отреагировал на заявление Дональда Трампа о том, что «Китай должен быть включён в ДРСМД»³².

Принимая во внимание текущие военно-политические задачи КНР, состояние и структурные характеристики ее ракетно-ядерного арсенала, такой подход вполне предсказуем.

Во-первых, еще раз подчеркнем, что в балансе мировых и региональных ракетных сил, который сложился на текущий момент, Китай, намного отстающий от двух мировых лидеров в стратегических ракетно-ядерных силах, в конкретном и важном сегменте ракет средней и меньшей дальности оказался в преимущественном положении. И вряд ли Пекин захочет его потерять, подписав некий новый вариант Договора по РСМД. Тем более, что, как, по-видимому, (?) полагают в Китае, его оппоненты, выйдя из ДРСМД, окажутся способными данный пробел для себя быстро восполнить. Оценим вопрос и шире. Как отмечают эксперты, присоединившись к Договору «КНР лишится 95 % баллистических и крылатых ракет»³³. Понятно, пойти на это Китай просто не может, прежде всего по соображениям собственной безопасности. Напротив, сохраняя прежнюю позицию «неучастия» в международных соглашениях по контролю или ограничению ракетно-ядерных вооружений, Китай может легитимно развивать любые их классы.

Во-вторых, обладание РСМД, часть из которых уже сегодня имеет ядерное оснащение, Китай не может не рассматривать в контексте обостряющегося соперничества с США в юго-западной части тихоокеанского бассейна, включая Южно-китайское море (ЮКМ). Китайские ракеты малой и особенно средней дальности способны достигать соответствующих целей в радиусе (по геостратегической классификации) не только «первой», но и «второй группы островов», включая о-в Гуам с расположенной там стратегически важной для США военной базой. С тихоокеанского побережья КНР до нее менее 4 тыс. км, в связи с чем неоднократно упоминавшуюся выше

китайскую ракету средней дальности с ядерной боеголовкой DF-26, перекрывающую такой радиус, нередко называют не иначе, как «Убийцей Гуама»³⁴.

В-третьих, как часть ракетных войск, РСМД полностью попадают в спектр задач по модернизации и усилению НОАК, которые китайское руководство сегодня с возрастающей настойчивостью не только декларирует, но и практически реализует.

Таким образом, становится достаточно очевидным, что в происходящей ныне ревизии Договора по РСМД (или полном от него отказе), китайский фактор играет далеко не последнюю роль. Предпринимая инициативные шаги по выходу из Договора, Белый дом и Пентагон, как об этом сегодня открыто говорят американские (и не только американские) официальные лица и эксперты, основывались не только на традиционных претензиях к России, но и учитывали ракетную мощь Китая. Напомним, что в действующей Стратегии национальной безопасности США Китай был упомянут (наряду с РФ) в качестве «ревизионистской» державы и «противника», бросающего глобальный и региональный вызов американским «ценностям и интересам»³⁵.

Еще в конце апреля 2017 г. глава Тихоокеанского Командования ВС США (U.S. Pacific Command) адмирал Гарри Гаррис на слушаниях в Сенате официально заявил, что США «возможно, стоит пересмотреть договор РСМД» в связи с тем, что «налагаемые им запреты ограничивают возможности США перед лицом Китая», который, в частности, развивает программы ракет DF-21 и DF-26, «угрожающие в регионе американским базам и авианосцам»³⁶. Эти оценки позже были практически продублированы и ясно подчеркнуты, в частности, в очередном, ежегодном «Обзоре по ракетной обороне», опубликованном Пентагоном в ноябре 2018 г.

«Китай стремится сместить Соединенные Штаты в Индо-Тихоокеанском регионе и изменить существующий здесь порядок в свою пользу», — говорится в документе. При этом, упомянув о 125 китайских ядерных ракетах, которые «могут угрожать США», авторы Обзора указали на «ключевой компонент военной модернизации Китая», а именно — его «арсенал обычных баллистических ракет», в том числе «растущее число баллистических ракет средней дальности».

сти» (включая их противокорабельные и противовоздушные варианты). Речь идет об арсенале, который, согласно Обзору, предназначен для «ограничения возможностей США оказывать поддержку региональным союзникам», для поражения таких региональных целей, как базы США и их военно-морские объекты»³⁷.

Сходным образом «сложную» для США региональную ситуацию, связанную с участием страны в Договоре РСМД от 1987 г., в США оценивают в СМИ и на экспертном уровне. «Пекин ставит на вооружение ракеты, которым, как считают в Вашингтоне, пока нельзя ничего противопоставить из-за ограничений, накладываемых Договором», — отмечалось в одном из комментариев «Голоса Америки» со ссылкой на бывшего высокопоставленного сотрудника американского оборонного ведомства. Причем подчеркивалось, что как раз «выход США из этого договора, заключенного в эпоху «холодной войны» с Россией, может дать Пентагону новые возможности для противостояния достижениям Китая в ракетной сфере, позволит США развернуть ракеты с неядерными боеголовками на подвижных пусковых установках, которые легче скрыть в таких местах, как Гуам и Япония»³⁸.

Пусть и в несколько иной тональности, но по существу похожим образом о расстановке сил в АТР высказываются и влиятельные российские эксперты, считающие, что «Штатам, чтобы развязать себе руки по развертыванию в АТР той или иной ракетной группировки против Китая, не нужен Договор по РСМД, который не дает им такой возможности». При этом выражаются сомнения такого рода, что «вряд ли кто-нибудь из союзников США в этом регионе пойдет на размещение на своей территории таких американских ракет; это отнесится, в частности, к Японии и Республике Корея»³⁹.

В данном контексте шанс привлечь Китай к столу переговоров по РСМД весьма призрачен. Официальные заявления Пекина на этот счет лишь закрепляют те его резоны, которые связаны с представленной выше асимметрией ракетно-ядерного баланса между КНР и другими ядерными игроками, с серьезными задачами, возлагаемыми Китаем на этот вид вооружений. Хотя, если гипотетически возможным будущим Договором будут охватываться не только наземные, но и корабельные, а также воздушные крылатые ракеты (не охватывав-

шиеся соглашением от 1987 г.), то, как считают эксперты, возможны определенные варианты, способные заинтересовать Пекин.

После того, как президент США Д. Трамп, как уже говорилось, в октябре 2018 г. заявил, что Китай должен быть включён в Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, в российских СМИ стали появляться некоторые намеки, что «Россия призвала Китай к участию в Договоре РСМД». Никаких официальных материалов на этот счет с тех пор встретить не удалось, хотя некоторые политики и эксперты высказались в пользу консультаций с КНР по данному вопросу⁴⁰.

Как бы то ни было, как минимум косвенное влияние китайского фактора на судьбу договоренностей России с США видится в данном случае достаточно ясным. Но это, пожалуй, не все. Ракетно-ядерный арсенал КНР (по меньшей мере, теоретически) не может не учитываться не только в США, но и в стратегическом военном планировании РФ, невзирая на нынешний высокий уровень межгосударственных российско-китайских отношений. Однако столь же очевидно, что именно этот уровень позволяет сторонам в двустороннем формате конструктивно обсудить сложившуюся ситуацию, обостряемую односторонними действиями США, выработать к ней скоординированный подход, при этом найти взаимоприемлемые пути эффективной защиты национальных интересов РФ и КНР.

Договор по РСМД и отношения Россия—США—Китай

Как на фоне ситуации с Договором по РСМД (которая подчеркивает непростой характер российско-китайско-американских взаимозависимостей) выглядят сегодня главные тенденции, присутствующие в данной треугольной политологической конфигурации в целом? И как эти тенденции преломляются в контексте российских интересов? Ответы могли бы выглядеть следующим образом.

1. Не будет лишним напомнить, что «треугольник» РФ—КНР—США был актуализирован в конце 2000-х годов, когда РФ после 10—15 лет державного безвременья стала возвращаться на мировую арену в качестве влиятельного игрока. Ныне, как это традиционно про-

исходит в подобных геополитических построениях (США—КНР—Индия; Индия—КНР—Япония)⁴¹, каждая из стран данного треугольника, так или иначе нацелена на прагматичное маневрирование для обеспечения оптимальных собственных международных позиций. Оно носит сложный характер.

2. США в рамках банальной формулы «разделяй и властвуй», продолжают давний курс на разрыв китайско-российской связки; ведя сегодня, по сути, «войну на два фронта», США, тем не менее, лишь усиливают попытки провоцировать ситуации, ставящие РФ и КНР в положение политического и экономического выбора, требующего жертв на китайско-российском треке (пример — прямой шантаж китайских банков, проводящих транзакции по российским платежам). Россию, показавшую свою мощь в Сирии, США хотели бы вернуть к ослабленному и подчиненному состоянию первых лет после развала СССР; в отношении Китая усиливается политика «сдерживания», проявляющаяся и в торговых войнах, в давлении военно-политического характера (рейды американских эсминцев в ЮКМ). В конечном счете, даже при разных толкованиях тезиса «Америка прежде всего», Вашингтон по-прежнему преследует цель гарантировать безоговорочное американское лидерство.

3. Цели и политика Китая и России носят в «треугольнике» схожий между собой характер: и та, и другая сторона пытаются использовать тесные двусторонние связи в качестве выигрышного аргумента в отношениях каждой из них с США. При этом и Пекин, и Москва, чтобы не «пропустить» негативных для себя моментов, внимательно наблюдают за диалогом друг друга с Вашингтоном. Очевидной особенностью американской политики КНР на протяжении уже целого ряда лет является стремление Пекина пройти по тонкой грани между двумя противоположностями. С одной стороны — это уход от лобовой конфронтации, получение максимума дивидендов от экономического и технологического сотрудничества, с другой — попытка «жестко отстаивать» принципы своей «независимой» политики, де-факто претендующей на несомненный сильный державный статус. Последние два-три года такая прагматичная двухслойная игра испытывает очевидные вызовы, связанные с уже сточившейся реакцией Белого дома. Но, похоже, китайское руково-

дство не намерено отступать от прежнего курса, и рассчитывает перегруппировать силы и вновь «договориться». В этих условиях, несмотря на то, что параллельное давление Вашингтона и на Москву, и на Пекин диктует, казалось бы, естественное усиление российско-китайской координации по фактору США, на деле она пока имеет свои пределы.

4. Несмотря на все сложности отношений с США после украинского кризиса, для России оптимальным курсом на американском направлении треугольника по-прежнему, как это было и до 2014 г., служит задача выстраивать максимально ровный и конструктивный партнерский диалог. Разумеется, не жертвуя при этом отношениями стратегического партнерства с Пекином, и — не за счет базовых национальных интересов РФ в сфере ее внутренней или внешней политики в целом (формы и методы управления, отношения с партнерами и союзниками и т. п.). В этом смысле в треугольнике Москве по-прежнему необходимо добиваться предельно возможного прагматичного баланса. В условиях практически замороженного к 2019 г. диалога с США, эта задача смотрится сегодня практически невыполнимой. Но ее решению не видится разумной альтернативы, поскольку постоянное ухудшение в последние пять лет российско-американских отношений в конечном итоге ставит РФ в невыигрышное, стесненное международное положение в целом, в том числе и в рамках «треугольника» снижает возможности маневрирования на двустороннем треке с Китаем.

5. При любом варианте развития событий в треугольнике в интересах независимой России — продолжать объективно сложившуюся в целом линию на дальнейшее поступательное развитие российско-китайских отношений. В многопрофильном диалоге с Пекином целесообразно опираться на те сферы, где имеет место не декларативная, а подлинная близость/совпадение национальных интересов РФ и КНР (региональный мир, прежде всего на совместной границе, взаимовыгодные варианты энергетического сотрудничества и т. п.). В части международной повестки взаимодействия должны акцентироваться области, где возможны если не высоко скоординированные шаги (такие, как совместные акции и документы по полицентричному миропорядку, системе азиатской безопасности, ЯПКП и т. п.), то,

по меньшей мере, параллельные действия обеих стран (по Ближнему Востоку, Афганистану, санкциям со стороны США и др.).

Вместе с тем, нужна трезвая оценка и понимание того, что в ряде случаев тезисы о «координации, сочетаемости и совпадении интересов» в отношениях РФ и КНР все еще нуждаются в серьезном практическом наполнении (Центральная Азия и сопряжение ЕА-ЭС-ИПП, инвестиционное, приграничное сотрудничество и т. п.). На этом фоне для РФ тем более востребована максимально возможная диверсифицированная политика, в том числе в треугольнике «РФ—КНР—США», какой бы сложной не выглядела здесь ее реализация.

Примечания

¹ *Кашин В.Б.* Как Китай развалил договор о ракетах средней и меньшей дальности // Ведомости. 2018. 19 ноября; *Уянаев С.В.* Слом Договора по РСМД: фактор Китая // Азия и Африка сегодня. 2019. № 6.

² Белая книга: Китай готов содействовать мировому процессу ограничения вооружений и разоружения. URL: http://russian.people.com.cn/200212/10/rus20021210_69398.html

³ Там же.

⁴ Полный текст доклада, с которым выступил Си Цзиньпин на 19-м съезде КПК. 2017-11-03 // Жэньминь жибао. URL: http://russian.news.cn/2017-11/03/c_136726299.htm

⁵ Full Text: China's Military Strategy// The State Council Information Office of the People's Republic of China. May 2015, Beijing. URL: http://eng.mod.gov.cn/Press/2015-05/26/content_4586805.htm

⁶ Цит. по: China-military Power. US Department of Defence Annual Report to Congress. August 16, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-china-military-power-report.pdf>. P. 7.

⁷ Китай: контроль над вооружениями и разоружение (Белая книга) // Китайский информационный интернет-центр. URL: http://russian.china.org.cn/government/archive/baipishu/txt/2002-06/10/content_2032909.htm

⁸ Russia—China. URL: cn/government/archive/baipishu/txt/2002-06/10/content_2032909.htm

⁹ *Хань Хуа.* Китай и разоружение: три главных вопроса // Бюллетень атомной информации. 2016. 28 декабря.

¹⁰ *Кашин В.Б.* Перерыв подходит к концу? // Россия в глобальной политике. 2018. № 6 (Vasily Kashin. 2018. Is the Break Coming to an End?// Russia in Global Affairs. № 6.

¹¹ China-military Power. US Department of Defence Annual Report to Congress. August 16, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/Aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018>

¹² Nuclear Disarmament China. February 13, 2017 // The Nuclear Threat Initiative... URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/china-nuclear-disarmament/>

¹³ 2019Missile-Defense Review // Office of the Secretary of Defense. Department of Defence. USA. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf

¹⁴ *Hans M. Kristensen & Robert S. Norris* (2018) Chinese nuclear forces, 2018 // Bulletin of the Atomic Scientists, 2018, Vol. 74. No. 4. 289—295, DOI: 10.1080/00963402.2018.1486620. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00963402.2018>

¹⁵ Подсчеты автора на основе таблицы в Bulletin of the Atomic Scientists. 2018, Vol. 74. No. 4. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/00963402.2018>. 1486620

¹⁶ Там же. Р. 290.

¹⁷ China-military Power. US Department of Defence Annual Report to Congress. August 16, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-china-military-power-report.pdf>.36 (accessed 05.12.2018).

¹⁸ 2019Missile-Defense Review // Office of the Secretary of Defense. Department of Defence. USA. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf. р. III

¹⁹ При имеющемся разбросе в оценках, что часто связано с неясностью состояния текущих ракетных проектов (напр. DF-41, DF-31АГ), максимальное число межконтинентальных носителей всех типов базирования (в случае постановки на боевое дежурство упомянутых комплексов) может быть определено цифрой 140, с числом боеголовок — до 190. Минимальные (полностью подтвержденные) цифры — соответственно порядка 110 и 140. Как среднее арифметическое от этих цифр видятся как раз 125 стратегических ракет, «потенциально угрожающих США». В настоящей статье базовыми показателями решено считать 150—160 боеголовок на 125—130 (75—80 наземных и 48 подводных) стратегических межконтинентальных носителей. (*Прим. авт.*).

²⁰ Наряду с приведенными данными по ядерным арсеналам США и РФ, имеются также следующие цифры: 1654 боеголовки на 930 развернутых и неразвернутых носителях у США и, соответственно, 1480 и 816 — у России (*прим. авт.*). См.: СНВ-III (New START (Strategic Arms Reduction Treaty) В других источниках применительно к РФ говорится о 1420 стратегических боеголовках на 517 носителях(*прим. авт.*). См.: *Hans M. Kristensen & Matt Korda* (2019) Russian

nuclear forces, 2019 // *Bulletin of the Atomic Scientists*, 75:2, 73—84, DOI: 10.1080/00963402.2019.1580891

²¹ Nuclear Disarmament Russia. April 6, 2017 // The Nuclear Threat Initiative. URL: [https://www.nti.org/analysis/articles/russia-nuclear-disarmament/Nuclear Disarmament United States](https://www.nti.org/analysis/articles/russia-nuclear-disarmament/Nuclear%20Disarmament%20United%20States). February 13, 2017 // The Nuclear Threat Initiative. URL: <https://www.nti.org/analysis/articles/united-states-nuclear-disarmament/>

²² Реализация китайских ракетных программ по двум-трем видам МБР, двум—четырем РСД и РМД, одной программе подводного пуска, считают эксперты, должна к началу следующего десятилетия неизбежно привести к существенному росту числа развернутых китайских ядерных боеголовок — до 500—600 единиц. (*прим. авт.*). См. *Кашин В.Б.* Развитие ядерных сил Китая: начало глубокой трансформации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-yadernyh-sil-kitaya-nachalo-glubokoy-transformatsii>

²³ Military and Security Developments Involving the People's Republic of China 2018. P. 63. URL: <https://books.google.ru/books?id=Jk8CXr5GSrIC&pg&f=false>

²⁴ URL: <https://www.taiwannews.com.tw/en/news/3508977>

²⁵ China-military Power. US Department of Defence Annual Report to Congress. August 16, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-china-military-power-report.pdf>. P. 36.

²⁶ *Кашин В.Б.* Как Китай развалил договор о ракетах средней и меньшей дальности // *Ведомости*. 208. 19 ноября. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/11/19/786779-dogovor-o-raketah>

²⁷ *Кашин В.Б.* Как Китай развалил договор о ракетах средней и меньшей дальности // *Ведомости*. 208. 19 ноября.

²⁸ China-military Power. US Department of Defence Annual Report to Congress. August 16, 2018. URL: <https://media.defense.gov/2018/aug/16/2001955282/-1/-1/1/2018-china-military-power-report.pdf>. p. 63—64 .

²⁹ Отставание может быть заметно сокращено в обозримые годы, констатировали в 2017 г. эксперты Центра воздушно космической разведки ВВС США, поскольку Китай продолжает оставаться страной с самой активной и диверсифицированной программой развития баллистических ракет.] (*Прим. авт.*). Hans M. Kristensen & Robert S. Norris (2018) Chinese nuclear forces, 2018//, *Bulletin of the Atomic Scientists*, 2018. VOL. 74. NO. 4. 289—295.

³⁰ Foreign Ministry Spokesperson Geng Shuang's Remarks on the US Suspending INF Treaty Obligations and Beginning Withdrawal Process // Ministry of Foreign Affairs of PRC. 02.02.2019. URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/xwfw_665399/s2510_665401/2535_665405/t1635268.shtml

³¹ Китай отказался от нового договора по ракетам средней и малой дальности (China Rejected a New Treaty on Medium and Short-Range Missiles). URL:

<https://ekd.me/2019/02/kitaj-otkazalsya-ot-novogo-dogovora-po-raketam-srednej-malaj-dalnosti/>

³² В МИД КНР ответили на требование Трампа включить Китай в Договор о РСМД // Информационный портал Life.ru

³³ URL: <https://ekd.me/2019/02/kitaj-otkazalsya-ot-novogo-dogovora-po-raketa-m-srednej-malaj-dalkitaj/>

³⁴ Китай показал пуск «убийцы Гуама» // Информационный портал Korrespondent.net. URL: <https://korrespondent.net/world/4057751-kytai-pokazal-pusk-ubyitsy-huama>

³⁵ National Security Strategy of the United States of America DECEMBER 2017// US Presidential Administration Information Portal. URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2017/12/NSS-Final-12-18-2017-0905.pdf>. P. 25 .

³⁶ *Megan Eckstein*. PACOM: U.S. Should Renegotiate INF Missile Treaty to Better Compete with China. April 27, 2017// USNI News — Maritime News and Analysis. URL: <https://news.usni.org/2017/04/27/pacom-u-s-should-renegotiate-inf-treaty-tha-t-limits-conventional-mid-range-missiles>

³⁷ 2019 Missile-Defense Review // Office of the Secretary of Defense. Department of Defence. USA. URL: https://www.defense.gov/Portals/1/Interactive/2018/11-2019-Missile-Defense-Review/The%202019%20MDR_Executive%20Summary.pdf. P. III—IV.

³⁸ Выход США из договора о РСМД: фактор Китая. 24 октября 2018// Информационный портал радиостанции «Голос Америки». URL: <https://www.golos-ameriki.ru/a/inf-treaty-pullout-seen-to-be-driven-by-chinese-threat-as-well/4626886.html>

³⁹ *Андрей Кокошин*: договариваться с США по ракетам без учета Китая нельзя // Россия сегодня. URL: <https://ria.ru/20190201/1550196676.html>

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Подр. по данным политологическим конфигурациям см.: *Уянаев С.* Россия—Индия—Китай: в контурах многополярного мира М. 2019. С. 85—86, 121—128.

А.Ф. Клименко

ВОЕННЫЙ КОМПОНЕНТ РОССИИ КАК ЭЛЕМЕНТ ЗАЩИТЫ ЕЕ НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ

Основные документы, регламентирующие вопросы обеспечения военной безопасности и защиты национальных интересов России

Как известно, первостепенное значение для функционирования и развития страны имеет реализация национальных интересов государства в различных сферах: экономической, международной, внутривнутриполитической, военной, информационной и т. д. Совокупность внешних и внутренних условий, обеспечивающих состояние защищённости личности, общества и государства от различных угроз, а также реализацию национальных интересов, характеризует уровень национальной безопасности государства.

Для поддержания национальной безопасности на заданном уровне, обеспечивающем удовлетворение национальных интересов страны в различных сферах, в России создана система обеспечения национальной безопасности, включающая соответствующие органы управления, силы и средства. Координацию деятельности элементов системы национальной безопасности осуществляет Совет Безопасности Российской Федерации при Президенте Российской Федерации. Деятельность системы национальной безопасности осуществляется на основе Конституции Российской Федерации, феде-

рального закона от 31 мая 1996 г. № 61 «Об обороне», Стратегии национальной безопасности, Военной доктрины Российской Федерации, других правовых актов Российской Федерации.

Основные источники угроз национальной безопасности Российской Федерации находятся в военной сфере, а также в сфере государственной и общественной безопасности. В связи с этим основными национальными приоритетами национальной безопасности Российской Федерации являются национальная оборона, а также государственная и общественная безопасность. Важным документом, регулирующим отношения в строительстве и совершенствовании военной организации государства является военная доктрина.

В новой военной доктрине России, точнее — новой редакции, одобренной Президентом на совещании с членами Совета Безопасности в марте 2019 г. учтены последние изменения в мире, где возникли новые центры притяжения, и усилилась глобальная конкуренция. Не только экономическая и политическая — речь идет о соперничестве ценностей и моделей развития. И хотя угроза полномасштабной войны против нашей страны снижается, основная внешняя опасность исходит от Североатлантического блока. В уточненной военной доктрине России отмечается «наращивание силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) и наделение ее глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права, приближение военной инфраструктуры стран — членов НАТО к границам Российской Федерации, в том числе путем дальнейшего расширения блока»¹. Такое наращивание военной мощи может использоваться для политического и военного давления на Россию, говорится в доктрине.

Другие внешние опасности — международный терроризм, разрывывание американской ПРО, подрывающей сложившийся ракетно-ядерный баланс, территориальные претензии к России и ее союзникам, очаги напряженности у наших границ. Учтены в этой связи и события на Украине. Опасными признаны перевороты в соседних странах, когда к власти приходят режимы, угрожающие интересам России. Впервые отмечена угроза со стороны иностранных военных наемников, действующих на территории сопредельных государств.

Тенденция последнего времени — угрозы интересам безопасности России смещаются в информационное пространство и внутреннюю сферу. На взгляд неспециалиста они кажутся не военными, но оттого только более опасными. Впервые в военной доктрине упоминаются управляемые и финансируемые извне политические и общественные силы, использующие в своих целях протестный потенциал населения.

«США уже не скрывают, что целенаправленные санкции против России носят в себе скрытый характер — дестабилизировать ситуацию, привести к смене власти. Думаю, что военная доктрина обеспечит готовность общества к такого рода угрозе, обеспечит стабильность», — объясняет Андрей Кошкин, член Ассоциации военных политологов-экспертов².

Наряду с угрозой насильственного изменения конституционного строя и террористической деятельностью, в числе внутренних опасностей отмечены «деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества; провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды».

Актуальные положения доктрины 2014 г. остались в силе. Сохранен ее принципиальный оборонительный характер. Использовать военную силу Россия будет только в том случае, когда все другие меры будут исчерпаны.

Неизменны и принципы применения ядерного оружия: только в качестве ответного удара, если под угрозу поставлено существование государства. Вашингтон, громко упрекающий Россию в якобы агрессивных действиях, задолго до украинского кризиса дал своим военным право на превентивный ядерный удар.

Недопущение ядерной, как и любой другой войны положено в основу военной политики нашей страны. Гарантировать это можно, в том числе, совершенствованием сил ядерного сдерживания. Но в новой редакции российской военной доктрины вводится также понятие «неядерное сдерживание», направленное на предотвращение агрессии против нашей страны без использования оружия массового

поражения. Ключ к этому — в поддержании высокой боеготовности и технической оснащённости российских Вооружённых сил.

В каких же случаях Россия считает правомерным применение своих Вооружённых сил? В военной доктрине говорится что ВС РФ, другие войска и органы будут применены для отражения агрессии против нее и (или) ее союзников, поддержания (восстановления) мира по решению Совета Безопасности ООН, других структур коллективной безопасности, а также для обеспечения защиты своих граждан, находящихся за пределами Российской Федерации, на основании общепризнанных принципов и норм международного права, и международных договоров Российской Федерации.

Следует заметить, что свои задачи ВС РФ выполняют как в мирное, так и в военное время. В мирное время традиционными задачами Вооружённых Сил являются:

- защита суверенитета, территориальной целостности Российской Федерации и неприкосновенности ее территории;
- стратегическое (ядерное и неядерное) сдерживание, в том числе предотвращение военных конфликтов;
- обеспечение воздушно-космической обороны важнейших объектов Российской Федерации и готовности к отражению ударов средств воздушно-космического нападения;
- развертывание и поддержание в стратегической космической зоне орбитальных группировок космических аппаратов, обеспечивающих деятельность Вооружённых Сил;
- охрана и оборона важных государственных и военных объектов, объектов на коммуникациях и специальных грузов;
- защита граждан Российской Федерации за пределами Российской Федерации от вооруженного нападения на них;
- участие в операциях по поддержанию (восстановлению) международного мира и безопасности, принятие мер для предотвращения (устранения) угрозы миру, подавление актов агрессии (нарушения мира) на основании решений Совета Безопасности ООН или иных органов, уполномоченных принимать такие решения в соответствии с международным правом;
- обеспечение безопасности экономической деятельности Российской Федерации в Мировом океане.

Относительно новыми задачами для Вооружённых сил России в мирное время стали такие задачи как:

- борьба с пиратством и обеспечение безопасности судоходства;
- борьба с терроризмом на территории России и пресечение международной террористической деятельности за пределами ее территории;
- участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности;
- участие в ликвидации чрезвычайных ситуаций и восстановление объектов специального назначения;
- участие в обеспечении режима чрезвычайного положения;
- обеспечение национальных интересов России в Арктике.

В военное время основными задачами Вооруженных сил, других войск и органов являются отражение агрессии против России и ее союзников, нанесение поражения войскам (силам) агрессора, принуждение его к прекращению военных действий на условиях, отвечающих интересам России и ее союзников.

Военно-административное деление территории России и создание группировок Вооружённых сил

В соответствии с названными выше доктринальными установками осуществляется подготовка территории страны, и её Вооружённых сил.

Следует заметить, что в период наивысшей военной мощи государства, в 1983 г., функционировало 16 округов и 4 группировки войск в Восточной Европе. В рамках реорганизации вооруженных сил в 2010 г. количество административных округов было сведено до четырех. На основе территориальных общевойсковых соединений были сформированы новые оперативно-стратегические субъекты командования. В 2014 г. для организации обороны арктических участков из состава трех округов началось создание северной группировки (рис. 1).

В соответствии с Указом Президента Российской Федерации, с 15 декабря 2014 г. Северный флот выведен из состава Западного военного округа. Расширена граница ответственности флота. Управле-

Рис. 1. Источник: URL: https://yandex.ru/images/search?pos=1&img_url=https%3A%2F%2F4.

ние СФ реформировано в объединенное стратегическое командование. Объединённое стратегическое командование «Север» (иногда используется термин Арктические войска) предназначено для комплексного обеспечения безопасности арктического региона России и единого управления военными силами и средствами в зоне от Мурманска до Анадыря.

Арктическая зона включает в себя моря и острова, принадлежащие разным государствам, и северные материковые части. Это и самый большой остров — Гренландия, Канадский арктический архипелаг, российские архипелаги Северная Земля, Земля Франца-Иосифа, Новая Земля, остров Врангеля, Новосибирские острова и многие другие.

Как показала практика, укрупнение военных округов отрицательно сказывается на вопросах управления войсками и силами и в мирное и, особенно, в военное время. Не случайно из средств массовой информации стало известно о планах по разукрупнению военных округов России — реорганизации могут быть подвергнуты три из четырёх военно-административных формирований. Об этом сообщает «АиФ-Урал» со ссылкой на источника в армейских кругах³.

Так, Центральный военный округ, штаб которого находится в Екатеринбурге, будет разделён. Планируется, что в течение 2019 г. из него выведут территорию от Омска до Иркутска, составляющую одновременно и часть Восточного военного округа.

Новый округ за Уральским хребтом будет располагаться в границах бывшего Сибирского военного округа. Как он будет называться — пока неизвестно. Естественным образом будут сокращены Восточный военный округ и Центральный военный округ, который является крупнейшим из четырех. Его площадь составляет 7 млн кв. км — это 40 % площади государства и 39 % населения. Военские подразделения, включая две общевойсковые армии и десантно-штурмовую бригаду, дислоцируются в Поволжье, Западной Сибири и на Урале — в 29 регионах трёх федеральных округов.

В европейской части России также планируется разукрупнить Западный военный округ, который будет разделён по «советскому принципу» на условные «Московский» и «Ленинградский» в соответствующих им границах времён СССР или приближенных к ним. Планы по реорганизации округов будут воплощены в 2020 г.

Неизменным окажется самый компактный Южный военный округ — его трансформировать военные власти не собираются.

Территориально-административное деление приведёт к созданию новых или передислокации имеющихся войсковых частей, или соединений. Делается это для того, чтобы в составе каждого из округов были представлены все рода и виды войск, необходимые для выполнения стратегических задач.

Кроме группировок ВС, расположенных на территории России, военное командование РФ разместило за границей еще несколько военных баз и пунктов базирования сил флота.

Ряд военных баз находится в подчинении Южного военного округа. В Юго-Осетинской республике (автономная область?), в городе Цхинвали, который является столицей, расквартировали 4-ю гвардейскую базу. Основой для ее создания стали два мотострелковых полка. Службу несут 4000 человек. В Армении, в городе Гюмри, разместили 102-ю базу. Личный состав представлен 4000 военнослужащими. На базе имеются мотострелковые подразделения, истребители МИГ-29 и комплексы С-300В. В Абхазии в городе Гудаута рас-

квартировали 7-ю военную базу. Сирийский порт Тартус стал местом для размещения базы, задача которой — выполнять техническое и материальное обеспечение Черноморского флота.

В Центральноазиатском регионе, на территории Таджикистана дислоцируется 201-я дважды Краснознаменная база, деятельностью которой ведает Центральный военный округ Российской Федерации. Военнослужащие обеспечивают защиту на границе между Таджикистаном и Афганистаном. А в киргизском Канте — недалеко от одноимённого города в Чуйской области и в 20 км от Бишкека дислоцирована 999 авиабаза, входящая в состав 14 Армии ВВС и ПВО. В её составе проходят службу 250 российских офицеров и прапорщиков и 150 солдат срочной службы. На аэродроме базируются штурмовики Су-25 и вертолёты Ми-8. Авиабаза стала основой объединённой структуры, в состав которой вошли все российские военные объекты в Киргизии.

С целью обеспечить обслуживание российских подлодок Тихоокеанского флота во Вьетнаме сегодня занимаются восстановлением бывшей базы СССР Камрань. Планируется использовать ее совместно с вьетнамскими военнослужащими. Не исключено, также, появление российских военных объектов на Кубе и на территории Венесуэлы. По утверждению специалистов, военные формирования за пределами страны, считаются достаточно эффективными геополитическими инструментами.

Структура и задачи ВС РФ к 2019 году

В состав ВС РФ входят органы центрального военного управления, объединения, соединения, воинские части и подразделения различных видов и родов войск и сил, специальных войск и организаций.

Верховный главнокомандующий — Президент РФ — руководит деятельностью госаппарата по поддержанию ВС в боеспособном состоянии для нейтрализации угроз национальной безопасности. К Центральным органам управления относятся Минобороны, Генштаб и Главкомы видов ВС.

Структура ВС РФ включает ряд видов и родов и сил (рис. 2).

Как показано на этом рисунке, в настоящее время ВС России представлены тремя видами, определяемыми по сферам их дейст-

Рис. 2. Структура ВС РФ.

Источник: URL: <https://yandex.ru/images/search?p=11&text>

вия: на суше, воде, и в воздушно-космическом пространстве, в том числе: Сухопутные войска, Воздушно-Космические силы и Военно-Морской Флот.

I. Сухопутные войска

У сухопутных войск сейчас наибольшая численность военнослужащих среди видов ВС РФ. Первостепенная область действий — континентальные ТВД с задачей разгрома противника и контроль территории. В сухопутные войска включены следующие рода войск⁴.

Мотострелковые войска. При поддержке танковых соединений и частей предназначены для решения следующих задач: в обороне — удержание местности, отражение атак и уничтожение атакующего противника.

В наступательных (контрнаступательных) действиях — преодоление (прорыв) обороны и разгром противника, его преследование и захват выгодных рубежей во взаимодействии с морскими и воздушными десантами.

Танковые войска. Главная ударная сила СВ, которым присуща повышенная проходимость и манёвренность. Наиболее устойчивы к применению ядерного и других видов оружия массового уничтожения. В наступлении способны развивать тактический успех сражения в оперативный, что и является их основной задачей. Могут действовать как самостоятельно, так и совместно с мотострелковыми частями, в том числе для прорыва обороны противника.

В обороне действуют, как правило, во втором эшелоне (резерве) для ликвидации прорвавшегося противника. Танковые войска могут усиливаться: артиллерийскими, мотострелковыми и другими подразделениями и частями.

Ракетные войска и артиллерия. Их главная задача — нанесение огневых и ядерных ударов с целью уничтожения ядерных средств, живой силы, боевой и специальной техники противника. Оснащены реактивной и ствольной артиллерией, в том числе гаубичной, ракетной, противотанковой и миномётами.

Войска ПВО Сухопутных войск. Их основная задача — прикрытие своих войск от ударов с воздуха во всех видах боевых действий. Состав: зенитно-ракетные (ракетно-артиллерийские) и радиотехнические подразделения и части.

Разведывательные подразделения и части — это спецвойска с широким кругом задач. Их назначение — предоставление командованию и штабам сведений о противнике, среди которых:

- намерения противника и возможный характер его действий;
- количественный и качественный состав противостоящих войск и сил;
- наиболее важные цели для ликвидации;
- сведения о характере местности в полосе наступления и др.

Инженерные войска — это спецвойска, призванные выполнять инженерное обеспечение боевых действий, в том числе:

- проводить инженерную разведку прилегающих территорий;
- возведение укрытий;
- устройство заграждающих преград, минирование;
- разминирование местности;
- поддержание в работоспособном состоянии войсковых дорог;
- устройство и содержание водной переправы;
- снабжение чистой водой;
- выполнение маскировки.

Войска радиационной, химической и биологической защиты (РХБЗ). Предназначены для проведения работ по уменьшению воздействия в боевых условиях радиоактивного, химического и биологического заражения личного состава Вооружённых сил.

Основные задачи войск РХБЗ:

- выявление наличия и степени заражения местности и объектов;
- защита войск и сил;
- маскировочные действия;
- нейтрализация заражений.

Войска связи. Ведут работы по созданию систем связи для руководства войсками. В их компетенции находится сопровождение автоматизированных систем и средств пунктов управления войсками и силами.

II. Воздушно-космические силы.

Новейший вид ВС РФ, имеет следующие основные задачи:

- отражение атак с воздуха и защита пунктов военного руководства государства, промышленных, экономических, ценных инфраструктурных объектов и войсковых формирований;

- уничтожение пунктов управления и других важных военных объектов противника;
- ведение разведки космической сферы и определение возможных угроз в этой области, а при их возникновении — нейтрализация;
- запуск космических кораблей, ведение гражданских и военных спутников, получение нужной информации военного характера;
- поддержание системы спутников в необходимом количестве и в работоспособном состоянии.

Состав ВКС:

- 1) Военно-воздушные силы;
- 2) Космические войска;
- 3) Войска противовоздушной и противоракетной обороны.

ВКС представлены несколькими родами: дальней авиацией; фронтовой и военно-транспортной авиацией; зенитно-ракетными и радиотехническими войсками.

Дальняя авиация — *предназначена для ликвидации воздушных и морских целей, пунктов управления и коммуникаций противника.*

Фронтовая авиация — *осуществляет прикрытие и поддержку Сухопутных сил. В её составе: бомбардировочная, штурмовая, разведывательная и истребительная авиация.*

Армейская авиация — *обеспечивает прикрытие Сухопутных войск, осуществляет снабжение тыла и фронта. Оснащена самолётами, боевыми и транспортными вертолётами:*

Военно-транспортная авиация — *десантирует живую силу и технику, осуществляет транспортные перевозки.*

Зенитно-ракетные войска — *прикрывают войска, пункты управления и др. важные объекты от воздушного противника.*

Радиотехнические войска — *ведут разведку и осуществляют контрольно-управленческое сопровождение полётов.*

Космические войска ВКС — обеспечивают безопасность нашего государства в космической сфере. Вооружены спутниками видовой разведки, радиоэлектронного контроля, связи и глобальной системы спутниковой навигации.

Войска противовоздушной и противоракетной обороны ВКС. Образованы в 1914 г. В нынешнем составе имеют бригады ПВО-ПРО и предназначены для противодействия баллистическим и аэродинамическим средствам нападения противника.

III. Военно-Морской флот

Этот вид Вооружённых сил РФ выполняет функции по защите интересов нашего государства в морской и океанской зонах. В ВМФ входят надводные и подводные силы, морская авиация и береговые войска.

Кроме видов войск в ВС РФ существуют такие отдельные рода войск как *Воздушно-десантные войска, и Ракетные войска стратегического назначения РВСН, а также Воинские части и учреждения тыла.*

В последние годы в составе ВС РФ созданы *Военная полиция и Силы специальных операций.*

О начале создания *Сил специальных операций* начальник Генерального штаба Вооружённых сил Российской Федерации В.В. Герасимов объявил 6 марта 2013 года⁵.

Цели и задачи. Силы специальных операций (ССО) — мобильная специально обученная, технически оснащённая, хорошо экипированная армейская группировка сил Минобороны. Предназначены для выполнения специальных задач с целью защиты интересов как внутри страны, так и за рубежом в мирное, и военное время. Находятся в постоянной высокой готовности к применению. 15 марта 2013 г., по сообщениям российских СМИ, в подмосковном посёлке Кубинка-2 началось создание Центра специального назначения Минобороны России, рассчитанного примерно на пятьсот контрактников.

Некоторые из операций Сил специальных операций по защите национальных интересов России:

- борьба с сомалийскими пиратами
- участие в проведении контртеррористических спецопераций на Северном Кавказе
- 2014 год — обеспечение стабильности в Крыму. (После возник риск передачи крымской гавани под базирование военно-морских сил стран Североатлантического блока. Поэтому все стратегические объекты в Крыму были заняты людьми в ка-

муфляжной форме без опознавательных знаков и знаков различия. Они не вступали в разговоры с представителями средств массовой информации, при этом вели себя «очень вежливо» по отношению к местному населению). В последующем совместно с ополчением обеспечили проведение референдума о вхождении Крыма в состав России

- с 2015 г. подразделения Сил специальных операций ВС РФ используются в военной операции России в Сирии для наведения российской авиации на цели, а также для уничтожения руководителей незаконных вооружённых формирований в тылу противника. (Весной 2017 г. в провинции Алеппо группа ССО из 16 человек, занималась разведкой объектов, удерживаемых противником, его опорных пунктов, бронетехники, складов с боеприпасами и маршрутов передвижения. Вся информация передавалась для корректировки авиаударов. Группа была обнаружена и приняла бой против 300 боевиков. Боевики уничтожены без потерь с нашей стороны. Старший группы был удостоен звания Героя России, ещё три офицера награждены орденами)

К силовым структурам, не входящим в виды Вооружённых сил Российской Федерации и рода войск относятся Российская гвардия (в её состав вошли преобразованные Внутренние войска Министерства Внутренних Дел), Пограничные войска Федеральной службы безопасности и Войска Гражданской обороны.

Некоторые перспективные системы вооружений для стратегического сдерживания потенциальных противников от агрессии против России

Это обширная тема, в которой есть множество новостей. В открытой печати сведений о них мало. Кратко остановимся только на некоторых из известных новинок 2019 г., о которых упоминал Президент России В.В. Путин в своем послании Федеральному собранию Российской Федерации⁶.

Боевой лазер «Пересвет». Ставится на колесное шасси. Способен поражать как воздушные, так и наземные цели. О нём пока мало что известно.

Гиперзвуковой авиационно-ракетный комплекс воздух—воздух «Кинжал». Включает самолёт-носитель и гиперзвуковую ракету. Боевая⁷ часть ракеты комплекса «Кинжал» может быть оборудована как обычным боевым зарядом, так и ядерным. Максимальная скорость полёта ракеты порядка 12250 км/ч позволяет преодолевать ПВО и ПРО. Ракета с боевой частью может осуществлять маневрирование на любых участках местности, что делает её полёт незаметным. Уже несет опытные боевые дежурства в Южном военном округе.

«Сармат» — ракетный комплекс 5-го поколения с тяжелой МБР шахтного базирования. Может доставлять боевые части (БЧ) на дальность до 15—16 тыс. км. Как вариант — оснащается управляемым боевым гиперзвуковым летательным аппаратом с возможностью несения ядерного заряда. Может развивать скорость до нескольких км/сек., маневрировать по курсу и самостоятельно наводиться на указанную цель. За счет улучшенной энергетики ракета может обходить стационарные системы ПРО. В сочетании с используемыми средствами прорыва (ложные цели) такая возможность резко снижает эффективность ПРО.

«Авангард» — межконтинентальный гиперзвуковой ракетный комплекс, боевой блок которого способен выполнять планирующий полет в плотных слоях атмосферы на скорости 27 Махов. Способен двигаться с маневрированием во всех плоскостях, обходя зоны ПРО. Управление аппаратом осуществляется через облако плазмы, которое окружает аппарат в полете. Корпус блока выдерживает температуру до 2000 градусов. Всё это сводит на нет усилия по развертыванию ПРО НАТО. Дальность применения Авангарда — до 12 000 км.

«Посейдон», многоцелевой подводный беспилотник, оснащается обычными или ядерными боеприпасами. Способен уничтожать объекты инфраструктуры противника. Может оснащаться ядерной боеголовкой. Боезаряд может быть доставлен беспилотником «на исходные позиции» у побережья противника заблаговременно и находиться там в режиме ожидания сколь угодно по времени.

Вторая боевая задача — уничтожение Авианосных ударных группировок. Для этого беспилотник оснащается проникающей фугасной боевой частью большой мощности. «Транспортные» возможности «Посейдона» позволяют использовать боевые части, масса которых достига-

ет нескольких тонн. Кстати, БЧ современных торпед, весят не более 500 кг.

Третья задача — разведка. Данные «Посейдон» передает, вернувшись на материнскую подлодку. В качестве носителей беспилотников предполагается использовать атомную подлодку проекта «Хабаровск». Вмещает 6 беспилотников. Ее строительство предполагается завершить в 2020 г.

Буревестник — перспективная российская межконтинентальная крылатая ракета с ядерной энергетической установкой, обладающая неограниченной дальностью полёта, способная уклоняться от средств перехвата противника.

Конечно, этим не заканчивается перечень новинок нашего ВПК. Работа в этом направлении продолжается.

Примечания

¹ Москва. 26 декабря. Interfax.ru. Президент России Владимир Путин утвердил новую редакцию военной доктрины РФ. URL: https://www.1tv.ru/news/2014-12-26/31868-novaya_voennayadoktrina_rossii_sohranila_oboronitelnyy_harakter

² Там же.

³ Аргументы и факты. 18:14 04/02/2019. Озвучены планы по реформе армии — Центральный военный округ поделят. URL: http://www.ural.aif.ru/society/situation/ozvucheny_plany_po_reforme_armii_centralnyy_voennyuy_okrug_podelyat?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

⁴ Армия России. 18. 12. 2017. Организационная структура Вооруженных сил РФ (ВС РФ). URL: <https://prizyvnik-soldat.ru/struktura-vooruzhennyh-sil/>

⁵ РИА новости. 6. 3. 2013. Россия решила создать силы специальных операций. URL: <https://ria.ru /20130306/926091973.html>

⁶ Pro-modu.info. 05.12.2018. Вооружение России 2019 года. URL: <https://pro-modu.info/vooruzhenie-rossii-2019-goda/>

⁷ Лузянин С.Г. Россия — Китай: формирование обновленного мира: монография / отв. ред. академик В.С. Мясников. М.: Весь Мир, 2018. С. 141.

А.Ф. Клименко

ПУТИ РАЗВИТИЯ ШОС: ТЕКУЩИЕ ЦЕЛИ И ЗАДАЧИ В КОНТЕКСТЕ ПОСТРОЕНИЯ «БОЛЬШОГО ЕВРАЗИЙСКОГО ПРОСТРАНСТВА»

О некоторых задачах ШОС в контексте построения
Большого евразийского пространства

Как известно, Россия является сторонником и партнёром Китая в реализации выдвинутой председателем КНР инициативы «Пояса и пути» (ОПОП). Она сотрудничает с Китаем и как член ЕАЭС и как страна, которая самостоятельно проводит это сотрудничество, но с учётом своего членства в ШОС.

Расширяя направления сотрудничества ЕАЭС в контексте его сопряжения с ОПОП, президент России выдвинул идею создать Большое евразийское партнёрство. Если обратить внимание на географическую карту, нельзя не заметить, что для успешного строительства Большой Евразии стратегически важным является геополитическое и геоэкономическое расположение стран Шанхайской организации. Расширение ШОС за счет вступления Индии и Пакистана и включение тем самым в фокус её внимания Южной Азии ещё больше нарастило потенциал сотрудничества участников Организации в продвижении евразийской интеграции.

Вместе с тем, по мнению С.Г. Лузянина, партнерство в формате Шанхайской организации может быть эффективно расширено до

более широкого формата (ШОС+). Например, распространить сферу деятельности организации до диалога с региональными блоками (АСЕАН, Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива и др.)¹.

При этом следует согласиться с мнением С.В. Уянаева о том, что «тройка» в лице России, Индии и Китая — это объективное политическое и экономическое ядро ШОС².

В формате РИК наиболее влиятельные участники ШОС могут согласовывать важные, порой деликатные моменты, и их согласованный голос имеет повышенный шанс быть услышанным другими членами организации. С другой стороны, площадка ШОС дает самому трехстороннему формату дополнительные (неформальные) возможности для координации и взаимодействия.

Таким образом, в рамках ШОС Россия, Китай и Индия могли бы стать точками опоры Евразии, которые будут способны обеспечивать баланс внешнеполитических приоритетов участников ШОС и уравнивать разные темпы экономического развития стран Центральной Азии. Но, это возможно лишь при определенных условиях.

Дело в том, что резкое обострение отношений Индии и Пакистана после теракта, совершённого в индийском штате Джамму и Кашмир, которое чуть было не привело к войне между двумя ядерными державами, может негативно сказаться на сотрудничестве в рамках ШОС. И многое зависит от того, станет ли Шанхайская организация сотрудничества реальным механизмом для решения таких кризисов, как этот и другие.

Нет сомнения в том, что привнесение в ШОС индийско-пакистанских противоречий затруднит возможности ее функционирования. Конфликты и нестабильность могут отрицательно сказаться и на реализации проекта Пояса и Пути на отдельных участках, включая процесс его сопряжения с ЕАЭС. Поэтому первоочередной политической задачей ШОС является преодоление подобных и других противоречий между участниками этой организации.

Говоря о позитивных факторах, способствующих интеграции евразийского пространства, нельзя не упомянуть об одном важном итоге Ташкентского саммита (2016 г.): снятии возражений против

принятия в организацию Ирана, который участники саммита в будущем видят обязательным членом ШОС. В результате все транзитные пути из Азии в Европу, за исключением морского пути через Суэцкий канал, могли бы оказаться под её контролем. Это также будет способствовать реализации идеи Большого евразийского партнерства³. Поэтому второй политической и дипломатической задачей ШОС могла бы стать интеграция Ирана в Организацию в качестве полноправного участника.

В экономическом плане среди приоритетных задач по сопряжению на площадке ШОС Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути как важной сухопутной составляющей «Пояса и пути» — содействие созданию ряда зон свободной торговли, развитию инвестиций, упрощению процедур торговли и строительству трансграничных парков. Но здесь существуют различия в приоритетах при осуществлении сопряжения ЕАЭС и ЭПШП.

Так, Китай отдает приоритет упрощению торгового и инвестиционного режима между сторонами. А Евразийская экономическая комиссия рассчитывает на развитие взаимодействия с Китаем и осуществление работы по сопряжению по следующим векторам:

- строительство и модернизация транспортных коридоров в Евразии;
- формирование «дорожной карты», включающей конкретные проекты и мероприятия по сближению экономических интересов ЕАЭС с Китаем;
- заключение всеобъемлющего соглашения о торгово-экономическом сотрудничестве между ЕАЭС и Китаем.

Китайские эксперты уже на протяжении длительного времени указывают на экономическую целесообразность создания зоны свободной торговли в Центральной Азии. Профессор Лю Хуацинь из Китайской академии внешней торговли и экономического сотрудничества при Министерстве коммерции КНР отмечает, что имеющиеся правовые основы развития регионального экономического сотрудничества и существующие рабочие механизмы ШОС обеспечивают необходимые условия для создания ЗСТ.⁴

В своё время бывший Генеральный секретарь ШОС Р.Г. Алимов рассматривал этот вопрос несколько шире, применительно к про-

странству всей Большой Евразии. Оценивая возможность реализации идеи создания ЗСТ в контексте сопряжения ЕАЭС и ОПОП, он подчеркнул, что «данному направлению в ШОС уделяется особое внимание, ибо при развитии свободной торговли на первый план всегда выходят вопросы, связанные с сопряжением автомобильных и железных дорог, авиационного и морского сообщения. А, как известно, развитие коммуникаций на евразийском пространстве является одной из основных задач при реализации китайской инициативы «Пояса и Пути».

Как сообщает Р.Г. Алимов, в ШОС создана «специальная группа, в том числе постоянно действующее совещание заместителей министров транспорта, которые работают над разработкой специальной дорожной карты по совместному развитию дорог». Соответствующее поручение по организации этой работы в указанном формате было получено от Совета глав государств — участников ШОС. На подключение к соглашению по данному вопросу поступила заявка от Белоруссии, интерес к нему также проявляют государства Персидского залива и АСЕАН. На саммите ШОС в Циндао (КНР) был утвержден документ, расширяющий сотрудничество таможенных служб. Общая направленность предпринимаемых мер, по его словам, фокусируется на расширении свободной торговли и организации в масштабах ШОС ее «большой зоны»⁵. А это практически пространство Большой Евразии.

Поэтому перспектива создания ЗСТ трансформируется для ШОС в следующую задачу: поиск новых форматов сотрудничества между экономиками отдельных государств, региональными организациями и интеграционными экономическими объединениями.

Наряду с решением экономических задач при реализации идей Пояса и пути, ЕАЭС и строительства Большой Евразии важной проблемой для ШОС является обеспечение безопасности и стабильности на всём этом пространстве. Не секрет, что сотрудничество России и Китая в этом направлении привлекает особое внимание Вашингтона. Там внимательно следят за эволюцией ШОС. Предметом особого внимания является экономический аспект деятельности организации, а также практические шаги по реализации сопряжения «Пояса и Пути» с ЕАЭС⁶.

США, в первую очередь, интересна сухопутная составляющая концепции «Пояса и Пути» — Экономический пояс Шёлкового пути, так как его создание может повлиять на реализацию их политики в Центральной, Южной Азии и в Афганистане. Представляет интерес для США и вторая часть концепции Китая — Морской Шелковый путь XXI века, так как Вашингтон заинтересован в сохранении своих позиций в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Таким образом, дальнейшее укрепление ШОС может рассматриваться как определенный вызов американской политике на этих направлениях.

Таким образом, США, не являясь географической частью Евразии, но исходя из геополитических интересов, пытаются получить доступ в критические зоны континента, в том числе предоставляя расположенным там странам экономическую помощь и услуги безопасности. Как показывает практика последних лет, качество и политическая направленность этих услуг приводит к дестабилизации и обострению конфликтов в местах пребывания США, а потому противоречит интересам безопасности России и Китая. Этот фактор подтверждает необходимость усиления дееспособности ШОС сфере безопасности.

Вместе с тем, аспект безопасности в зоне ШОС и в Евразии в целом, является недостаточно проработанным, хотя именно с этой стороны возможны наибольшие риски. Не удаётся до конца стабилизировать обстановку на Ближнем Востоке, что является благодатной почвой для развития терроризма в прилегающих к нему регионах. Террористы Исламского псевдогосударства (организация запрещена в России) остаются главной угрозой. Об этом свидетельствует активизация спящих ячеек ИГИЛ в сирийском Идлибе, что привело к расширению зоны влияния террористов на востоке Сирии.

Сеть зарубежных исламских экстремистских организаций и движение ИГИЛ стремительно разрастаются, включая районы приграничные китайскому Синьцзяну. Сохраняется взрывоопасная и неконтролируемая Исламабадом обстановка в зоне афгано-пакистанской границы.

Риски связаны и со сложными отношениями между самими государствами, лежащими вдоль ЭПШП, а также с политической нестабильностью в ряде этих стран. Так, упомянутое выше военное столкновение Индии и Пакистана ставит очень серьезные вопросы, при правильном ответе на которые можно будет говорить о построении более безопасного мира в Евразии. Смысл существования ШОС состоит и в том, чтобы ее участники не только чувствовали себя защищенными от внешней агрессии, но и не допускали вооружённых конфликтов между собой.

Но проблема сегодня состоит не только в террористических и иных угрозах. Общая обстановка в мире, обусловленная причислением Китая, России, Ирана и Северной Кореи к потенциальным противникам США, санкционная политика, направленная против них, выход Вашингтона из Договора по ПРО, развёртывание им систем ПВО по периметру границ РФ и КНР наряду с приостановлением Договора о РСМД, также не способствуют стабилизации системы международных отношений.

Отсюда вытекает главная политико-стратегическая задача ШОС — нейтрализовать присутствие внешних сил в регионе, минимизировать их влияние на страны Центральной и Южной Азии, исключить возможности играть на китайско-индийских, ирано-пакистанских, индо-пакистанских и прочих спорах и противоречиях и сделать так, чтобы страны ШОС сами могли решать существующие в регионе проблемы.

В качестве первоочередной меры участникам ШОС следует, видимо, усилить правовую базу военно-политического сотрудничества. Это будут договоры о взаимопомощи, которые гарантируют неприкосновенность границ, оказание взаимопомощи в случае военной угрозы. Эти договоренности будут давать гарантии безопасности странам Центрально-Азиатского региона, а также станут своеобразной «страховочной мерой» перед надвигающейся внешней угрозой всему пространству ШОС за счёт стратегического сдерживания любых агрессивных действий.

Здесь необходимо кратко пояснить, что понимается в российском военном сообществе под этим термином. Как известно, стратегическое сдерживание — это комплекс взаимосвязанных политиче-

ских, дипломатических, информационных, экономических, военных и других мер, направленных на сдерживание, снижение и предотвращение угроз и агрессивных действий со стороны какого-либо государства (коалиции государств).

Основу стратегического сдерживания составляют: активная упреждающая политико-дипломатическая и информационная деятельность по предотвращению и разрешению конфликтных ситуаций мирными, политическими средствами, в том числе организация эффективного информационного противоборства; укрепление военными средствами политико-дипломатических, экономических, информационных и других акций по обеспечению военной безопасности невоенными средствами; поддержание необходимой боеспособности, боевой и мобилизационной готовности Вооруженных Сил и других войск к выполнению поставленных и внезапно возникающих задач, а при необходимости и демонстрацию их возможностей по срыву любой агрессии; успешное осуществление миротворческих действий и контртеррористических операций; военное сотрудничество с другими странами, а также ряд других мероприятий.

Таким образом, стратегическое сдерживание направлено на пресечение агрессивных действий со стороны любого актора путем ответных мер, исключающих или значительно снижающих возможность таких действий угрозой неприемлемых для него последствий в результате ответных действий.

Как видим, политика стратегического сдерживания, по своей сути, сводится только к предотвращению войны посредством развития эффективных вооружённых сил и поведением не менее эффективного политико-дипломатического и информационного сопровождения. Иными словами, она не предполагает инициативных мероприятий, ориентируется на подготовку к обороне от военного нападения и противоборство в условиях «асимметричного» конфликта, т. е. до формального и публичного старта использования военной силы. Кроме того, важно, что политика стратегического сознательно не обозначает конкретно своего потенциального противника?

Всё это, на наш взгляд, не противоречит Хартии ШОС. Тем более, что с созданием института военных маневров «Мирная миссия»

перечисленные выше мероприятия в рамках ШОС частично реализуются. Но в целом вопрос о формах и способах участия ШОС в обеспечении безопасности на пространстве Большой Евразии, во многом совпадающем с пространством этой организации, сегодня пока еще мало изучен, и не всеми её странами-участницами воспринимается положительно, а посему требует дальнейшего исследования.

В заключение следует заметить, что участникам ШОС нужно наращивать взаимодействие по линии вооруженных сил между собой и с Организацией Договора о коллективной безопасности, в первую очередь, при решении задач антитеррористической борьбы (через центры обмена информацией, мониторинг угроз, совместные учения), а также укреплять операционный потенциал ШОС. Об этом упоминали президент России и другие участники недавно состоявшегося саммита ШОС в Бишкеке.

Конечно, все эти предложения подлежат углубленному анализу. Нам целесообразно активизировать соответствующие исследования совместно с научными организациями Китая, Индии, центральноазиатских государств, а также с иранскими и пакистанскими учеными. Может быть, в рамках обще ШОСовской научной конференции. Общая задача — более четкое определение, обоснование и согласование позиций каждой страны по названным и другим актуальным вопросам в интересах укрепления безопасности и стабильности на всём пространстве Большой Евразии и создания тем самым благоприятных условий для экономического развития всех и каждого участника ШОС, ареал которой практически совпадает с этим пространством. И это может и должно стать ещё одной важной научной задачей Шанхайской организации сотрудничества.

Примечания

¹ Лузянин С.Г. Россия — Китай: формирование обновленного мира: монография / отв. ред. академик В.С. Мясников. М.: Весь Мир, 2018. С. 141.

² Уянаев С.В. Россия—Индия—Китай: в контурах мирового порядка. К 90-летию академика Евгения Максимовича Примакова: монография; отв. ред. В.С. Мясников. М.: ИД «ФОРУМ», 2019. С. 210.

³ URL: <https://www.ritm Eurasia.org/news--2016-06-27--sammit-shanhajskoj-organizacii-sotrudnichestva-rozhdenie-bolshoj-evrazii-24358>

⁴ *Лю Хуацзинь*. Идея создания зоны свободной торговли ШОС: расчеты, проблемы и перспективы // Евразийская экономическая интеграция. 2009. № 3(4). С. 110–116.

⁵ *Алимов Р.Г.* В рамках ШОС создаётся «большая зона свободной торговли». URL: <https://regnum.ru/news/2432538.html>

⁶ URL: <http://mirperemen.net/2018/09/shanhajskaya-organizaciya-sotrudnichestva-yadro-bolshoj-evrazii>

Заключение

Ю.В. Морозов

В результате анализа перспектив развития взаимоотношений России — Китая — США в рамках «стратегического треугольника» авторы данной монографии пришли к следующим умозаключениям и рекомендациям органам власти РФ.

В современных условиях «вершинам стратегического треугольника РФ, КНР, США» приходится считаться с действиями других «вершин» в регионах мира — и соответствующим образом реагировать на их действия. Представляется, что ни Москва, ни Пекин не заинтересованы в обострении идеологической конфронтации с Соединенными Штатами — наоборот, РФ и КНР предпочли бы строить свои отношения с Вашингтоном на началах реализма.

Однако в обозримой перспективе американские правящие круги будут рассматривать свои отношения с Россией и Китаем именно через призму идеологической конфронтации. Как указывается в Национальной оборонной стратегии США 2018 г., «центральным вызовом американскому процветанию и безопасности является восстановление долгосрочного стратегического соперничества со стороны тех, кого стратегия национальной безопасности классифицирует как ревизионистские державы. Становится всё более ясно, что Китай и Россия хотят изменить мир в соответствии со своей авторитарной моделью». Поэтому идеологизация американской политики на российском и китайском направлениях будет способствовать сближе-

нию двух этих стран — причем на антиамериканской основе. Ныне отношения между РФ и КНР в военно-политической сфере ближе, чем отношения каждой из этих двух держав — с Соединенными Штатами. И это — существенное отличие нынешнего «стратегического треугольника» от того, который существовал полвека назад.

Исходя из этого в средне- и краткосрочной перспективе повестка двустороннего взаимодействия *России* и *США* будет ограниченной. Тем не менее, двусторонний диалог по региональным проблемам не теряет своего значения для уменьшения недопонимания и снижения вероятности возникновения непреднамеренного конфликта. Это особенно важно в свете того, что украинский кризис сильно изменил относительную значимость Азиатско-Тихоокеанского региона для внешней политики России. Это обуславливает необходимость активизации двусторонних контактов между Российской Федерацией и Соединенными Штатами на различных площадках разрешения международных проблем.

Одновременно повестка двустороннего взаимодействия *России* и *Китая* будет увеличиваться. Важность стратегического сотрудничества с Китаем будет возрастать. Несмотря на договоренности относительно «сопряжения», усиление позиций КНР в Центральной Азии напрямую затрагивает перспективы евразийской интеграции, так как проекты, которые продвигают Москва и Пекин — ЕАЭС и ЭПШП — направлены на выстраивание региональной архитектуры вокруг собственного интеграционного ядра. Это определяет необходимость продолжения поиска компромиссов между Россией и Китаем при реализации глобальных интеграционных проектов в Евразии. Реализация же США в Центральной Азии собственных экономических и военных проектов подразумевает совместное с Китаем противодействие этим инициативам и блокирование попыток восстановления американского влияния в странах этого региона.

Взаимодействие РФ и КНР в Арктическом регионе рассматривается в контексте сопряжения Инициативы Пояса и Пути и Северного морского пути. Это обуславливает необходимость продолжения взаимовыгодного сотрудничества между Россией и Китаем при реализации проектов освоения Арктики. Пекин может стать союзником Москвы в освоении ресурсов Арктического региона. Для это-

го у обоих государств есть объективная заинтересованность. КНР стремится выйти из-под американского контроля поставок энергоресурсов в страну из нефтедобывающих государств арабского мира. Зависимость от экспорта энергоресурсов и, особенно, нефти — является «ахиллесовой пятой» промышленности КНР, главного соперника США. Альтернативой этому является развитие энергопоставок из России, включая в перспективе и Арктику. РФ может оказать КНР помощь в проведении исследований в Арктике и в развитии флота, предназначенного для плавания в северных широтах. В свою очередь Россия заинтересована в финансовых инвестициях из Китая в развитие инфраструктуры северных территорий. В связи с этим в МИД РФ целесообразно проработать вопрос о перспективе тандема в ООН Москвы и Пекина при решении спорных вопросов в Арктическом регионе.

В Центрально-Азиатском регионе Вашингтон, вторгшись в Афганистан и проведя фрагментарную оккупацию афганской территории, до настоящего времени пытается активно блокировать любые попытки сближения Москвы и Пекина с Кабулом, несмотря на то, что администрация нынешнего президента США Дональда Трампа время от времени заявляет о сворачивании военных действий в Афганистане и возвращении домой американского воинского контингента. Вместе с тем, в Вашингтоне всерьез опасаются, что в случае полного ухода США и их союзников по НАТО из Афганистана, геополитический вакуум в этой стране будет быстро заполнен такими конкурентами как Китай, Россия, Иран и Пакистан, которые практически не разделяют американскую стратегию в Центральной Азии. В связи с этим, практически отсутствуют возможности сотрудничества названных стран с США в Афганистане, ибо американская администрация воспринимает международные взаимоотношения на афганской территории как «игру с нулевой суммой», что означает, на самом деле, «геостратегическое одиночество» США. Одновременно китайское руководство, внимательно отслеживая действия американцев, пытается посредством инициативы «Один пояс, один путь» сформировать в единый евроазиатский транспортный конгломерат многочисленные инфраструктурные проекты стратегической важности. Руководство КНР уже приняло для себя решение само-

стоятельно урегулировать ситуацию в Афганистане, однако, одновременно Пекин не отказывается и от формата урегулирования в составе России, Китая и Пакистана, а также с участием представителей Афганистана, Ирана и Индии.

Как евразийская страна Россия имеет долгосрочные военные, политические и экономические интересы в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР). Суть этих интересов состоит в том, чтобы обеспечить здесь не только безопасность России, но и ее геэкономические позиции, существенно повысить конкурентоспособность страны. Это определяет необходимость продолжения взаимовыгодного военного и экономического сотрудничества между Россией и Китаем при реализации Евразийских проектов, а также выработки единой позиции по разрешению конфликтов в АТР и/или поиску политических компромиссов с США.

Основой внешней политики России в Ближневосточном, на Африканском и в Латиноамериканском регионах мира должно стать осознание своих национальных интересов. При этом реалистичное поведение в процессе принятия внешнеполитических решений подразумевает оценку собственных экономических и военных возможностей нашей страны в ближайшей и дальнейшей перспективе. В своем стремлении усилить собственный военный потенциал и военно-политическое влияние в этом регионе Россия может активизировать сотрудничество не только с региональными акторами, но и с Китаем для комплексного решения сирийской, ливийской и венесуэльской проблем. Это обуславливает возможность поиска условий взаимоприемлемого военного сотрудничества между Россией и Китаем при разрешении вооруженных и/или политических конфликтов в этих регионах мира, а также выработки единой позиции в ходе реализации политических компромиссов с США.

Что касается венесуэльского кризиса, то здесь целесообразно воздержаться от участия в военной фазе операции по защите правительства Н. Мадуро, если таковая станет реальностью. Иначе Россия столкнется с высокими рисками утраты своих имиджевых и репутационных позиций не только в большинстве стран Латинской Америки, но в других частях развивающегося мира. Ибо развивающиеся страны очень болезненно воспринимают вмешательство в их внут-

ренные дела, тем более с применением силовых средств. Их в принципе трудно убедить в необходимости военного вмешательства, какие бы благовидные предлоги для него ни приводились (например, просьба правящих властей). Такова особенность менталитета многих наций, переживших в своей истории периоды колониального или полуколониального правления. К тому же Россия сейчас не в том экономическом положении, чтобы взять на себя сопровождение ситуации в Венесуэле. Глубоко внедрившись в проблему противостояния оппозиции и правительства, Россия может потерять больше, чем она имеет в этой латиноамериканской стране. И США в этом «помогут».

Поэтому целесообразно продолжить практику предоставления гуманитарной помощи народу Венесуэлы, но не на двусторонней основе, а с задействованием механизмов Международного Красного креста и ООН. Этот факт гуманитарного содействия Венесуэле получит большее пиаровское освещение и РФ продемонстрирует миру, что она не осуществляет вмешательства во внутренние дела Венесуэлы под предлогом поставки гуманитарной помощи, как это делают США.

С выходом Вашингтона из Договора о РСМД в мире наступает новая эпоха. Он становится менее предсказуемым и, потенциально, — более опасным, чем мир XX века. Выход США из ДРСМД не просто дал Москве добавить еще один пункт к и без того длинному списку ее претензий в адрес Вашингтона, но и активизировал поиски новых моделей снижения военных рисков и укрепления стратегической стабильности на глобальном и региональном уровнях. Для этого у России есть все необходимые предпосылки — наличие уникального опыта в разработке и использовании перспективных систем вооружения. Кроме того, Россия по-прежнему остается одной из ведущих ядерных сверхдержав. При этом военная программа, которая реализуется в РФ, решает все необходимые вопросы, поэтому России не нужно тратить здесь дополнительные средства.

Параллельно, на место двустороннего, юридически обязывающего, преимущественно количественного «контроля над вооружениями» целесообразно прийти к многостороннему, преимущественно качественному «управлению стратегическими вооружениями».

В этой новой системе координат большую роль будут играть наличие многочисленных линий коммуникаций не только на высшем, но и на других уровнях, оперативный обмен военной информацией, сравнение военных доктрин, представлений об угрозах и планов развития стратегических сил, совместное противодействие распространению ядерного оружия, ядерному терроризму и прочее. Будущие соглашения едва ли станут оформляться в виде традиционных, юридически обязывающих и подлежащих ратификации договоров. Ратифицировать какие бы то ни было международные договоренности сегодня оказывается делом крайне сложным, а во многих случаях — попросту невозможным. Как показывает опыт ДРСМД, равно как и Договора по ПРО, такие гарантии не дают и юридически обязывающие соглашения — из любого такого соглашения можно оперативно выйти, выполнив несложные формальные процедуры. России также, так или иначе, придется принимать во внимание растущие возможности официальных и неофициальных членов «ядерного клуба», помимо США. Соответственно, двусторонний российско-американский формат должен быть тем или иным образом преобразован в формат многосторонний.

В центре будущего контроля над стратегическими вооружениями вряд ли будут находиться количественные параметры ядерных арсеналов договаривающихся сторон. Нет никаких оснований полагать, что количественная гонка вооружений — по типу той, которая велась Советским Союзом и Соединенными Штатами во второй половине прошлого века, повторится в нынешнем столетии. Главной проблемой переговорщиков будут не количественные, а качественные характеристики стратегических арсеналов — таких, как, например, растущее использование в этой области элементов искусственного интеллекта. Допустимо предположить, что из опыта прошлого, в будущем более востребованными окажутся не традиционные двусторонние модели ДРСМД или СНВ-III, а более гибкий многосторонний формат соглашения по иранскому ядерному досье 2015 г. Хотя и этот формат не дает полноценных гарантий выполнения договоренностей, оставаясь заложником внутривосточных сдвигов в одной из ведущих ядерных держав. В частности, борьба за нынешнее геополитическое влияние в Евразии стимулируется сегодня по

большей части не столько объективным соотношением совокупных государственных потенциалов РФ, КНР и США, сколько субъективным ощущением последних в каждый конкретный момент своей некой реальной самодостаточности.

Отсутствие критической взаимозависимости между Россией и Соединенными Штатами делает американское присутствие в рамках евроазиатского пространства абсолютно негармоничным и даже напрямую препятствующим сбалансированности взаимоотношений между другими геополитическими игроками континента. А энергоносители из США вряд ли когда-нибудь в больших объемах станут востребованными в Евразии, и это означает, что роль американского доллара как мировой резервной валюты и универсального средства расчетов будет и далее неуклонно снижаться. Так, по оценкам международных экспертов, Россия в обозримой перспективе способна стать оптимальным поставщиком энергоресурсов одновременно и в Европу, и в Азию, что, скорее всего, объективно приведет к формированию энергетического мега-консорциума в составе России, Германии и Китая. Постепенно будет нарастать тенденция к изменению на Евразийском континенте региональной валютно-финансовой системы, когда основная часть международных расчетов будет осуществляться на основе национальных валют или посредством платежей в евро и юанях.

Одновременно, при любом варианте развития событий в треугольнике, в интересах России — продолжать объективно сложившуюся в целом линию на дальнейшее поступательное развитие российско-китайских отношений. В многопрофильном диалоге с Пекином целесообразно опираться на те сферы, где имеет место не декларативная, а подлинная близость/совпадение национальных интересов РФ и КНР (региональный мир, прежде всего на совместной границе, взаимовыгодные варианты энергетического сотрудничества и т. п.). В части международной повестки взаимодействия должны акцентироваться области, где возможны если не высоко скоординированные шаги (такие, как совместные акции и документы по полицентричному миропорядку, системе азиатской безопасности, и т. п.), то, по меньшей мере, параллельные действия обеих

стран (по Ближнему Востоку, Афганистану, санкциям со стороны США и др.).

Вместе с тем, нужна трезвая оценка и понимание того, что в ряде случаев тезисы о «координации, сочетаемости и совпадении интересов» в отношениях РФ и КНР все еще нуждаются в серьезном практическом наполнении (Центральная Азия и сопряжение ЕАЭС—ИПП, инвестиционное, приграничное сотрудничество и т. п.). На этом фоне для РФ тем более востребована максимально возможная диверсифицированная политика, в том числе в треугольнике «РФ—КНР—США», какой бы сложной не выглядела здесь ее реализация.

Кроме того, России необходимо быть готовой к усилению информационного противоборства по региональным проблемам, играя на опережение оппонентов в этой сфере и не повторяя прошлых ошибок (например, по освещению событий на Кавказе 2008 г.). Важной составляющей российского информационного противодействия недругам РФ должна стать непрерывная научно-аргументированная разъяснительная кампания в зарубежных СМИ. Примером положительного эффекта таких акций может послужить статьи и выступления В.В. Путина о Сирии, опубликованная в зарубежных СМИ. Важным шагом российской внешней политики должно стать укрепление боеспособности Сирийской арабской армии (САА). Столкновения с боевиками ИГ в районе Сирийской пустыни между провинциями Хомс, Дейр-эз-Зор и Ас-Сувейда, показывают, что у сирийских военных сохраняются серьезные проблемы. Им не удаётся противостоять мобильному подполью в условиях ночного времени суток и активного использования боевиками пещер для укрытия. Поскольку невозможно перебросить в район дополнительные силы, которые задействованы в других, не менее важных регионах страны, имеет смысл начать создание специальных подразделений САА. Их задачей должно стать противостояние ночным рейдам боевиков в близлежащие населенные пункты, где джихадисты пополняют свои запасы. У российских инструкторов есть достаточный опыт и военно-технический потенциал для обучения ограниченного числа солдат контрдиверсионной борьбе в ночное время суток. В данных инициативах РФ не может рассчитывать на помощь дру-

гих стран «стратегического треугольника». Тем не менее, она способна осуществить их самостоятельно, не обостряя при этом отношения ни с США, ни с КНР.

В целом, подводя итог умозаключениям и рекомендациям авторов монографии, можно прогнозировать, что Соединённые Штаты продолжат попытки сохранить нынешнее положение и собственную роль лидера; (не нужна запятая) и экспансиониста в мире, а Россия и Китай в ответ предпринимают усилия по изменению существующих условий и установления многополярной структуры в международных делах, бросая при этом вызов США, что свидетельствует о серьёзном соперничестве между ними. Основная часть международных проблем, в которых проявляется конкуренция между Москвой и Вашингтоном, касается стратегического паритета, проекта установления систем ПРО, региональных кризисов в Афганистане, Северной Корее и Сирии, геополитического соперничества в плане расширения НАТО, нынешней дестабилизации ситуации на Украине, а также ряда других вопросов.

Соединённые Штаты и НАТО опасаются возрождения мощи России и стремятся сдерживать ее на международном уровне. Поэтому в ближайшей перспективе введенные ими санкции продлятся, даже когда украинская тема перестанет быть актуальной. Для их отмены потребуются согласие всех членов альянса, которого крайне сложно достигнуть при незаинтересованности в этом США, независимо от того, кем будет их новый президент в 2020 г. Поэтому возрождение России в глобальном масштабе придется реализовывать самостоятельно, с опорой на ее военную мощь и частично — на своих партнеров по ОДКБ, ШОС, ЕАЭС. Для этого на международном уровне ей необходимо усилить свою геополитику с использованием «мягкой силы», реализовывать меры по замещению импорта западных технологий отечественными аналогами, отказавшись от практики «прощения» долгов зарубежным странам, развивая с ними прагматические отношения в торгово-экономической и политической сфере, в целях укрепления своего потенциала в регионах мира.

Китай в американских установках из конкурирующего партнера переводится в разряд геополитических соперников США, противостояние с которым может затронуть не только торгово-экономиче-

скую, но и остальные сферы. И хотя принцип «одного Китая» во взаимоотношениях США и КНР пока сохраняется, налицо усиление противоречий идеологического и гуманитарного свойства по проблемам тоталитаризма, прав и свобод, отсутствия правового государства и т. п. И это главное отличие от подходов предыдущих американских администраций — озвучены новые предложения США о необходимости участия КНР в «разборках» ведущих ракетно-ядерных держав, включая проблему РСМД. Притом, что в американской военной доктрине появилось положение о допустимости ядерных ударов малой мощности в ответ на угрозы в адрес США с применением как ядерного, так и обычного оружия. И, наконец, сохраняется самое важное противоречие, поскольку КНР ратует за многополярность, а США по-прежнему привержены идее однополюсного мира. При этом парадоксально то, что Вашингтон больше не желает единолично нести бремя издержек, сопутствующее роли мирового лидера.

Summary

Morozov Yu. V.

Because of the analysis of the prospects for the development of relations between Russia-China — the United States within the “strategic triangle”, the authors of this monograph came to the following conclusions and recommendations to the authorities of the Russian Federation.

In modern terms “the vertices of the strategic triangle Russia, China, USA” it is necessary to reckon with the actions of other “nodes” in the regions of the world — and to react accordingly to their actions. It seems that neither Moscow nor Beijing are interested in aggravating the ideological confrontation with the United States — on the contrary, Russia and China would prefer to build their relations with Washington on the basis of realism.

However, in the near future, the American ruling circles will view their relations with Russia and China through the prism of ideological confrontation. As stated in the US national defense strategy 2018, “the Central challenge to American prosperity and security is to restore long-term strategic rivalry from those whom the national security strategy classifies as revisionist powers. It is becoming increasingly clear that China and Russia want to change the world according to their authoritarian model.” Therefore, the American policy in the Russian and Chinese directions will contribute to the rapprochement of these two countries on an anti-American basis. Now the relations between Russia and China in the military and political sphere are closer, than with the United States.

Based on this, in the medium and short term, the agenda of bilateral cooperation between Russia and the United States will be limited. Howe-

ver, bilateral dialogue on regional issues is still important for reducing misunderstandings and reducing the likelihood of unintended conflict. This is especially important in light of the fact that the Ukrainian crisis has greatly changed the relative importance of the Asia-Pacific region for Russia's foreign policy. This makes it necessary to intensify bilateral contacts between the Russian Federation and the United States on various platforms for resolving international problems.

At the same time, the agenda of bilateral strategic cooperation between Russia and China will increase. Despite the agreements on “pairing”, the strengthening of China's position in Central Asia directly affects the prospects of Eurasian integration, as the projects promoted by Moscow and Beijing—the EEU and the EPSP—are aimed at building regional architectonics around their own integration core. This determines the need to continue the search for compromises between Russia and China in the implementation of global integration projects in Eurasia. The implementation of the US in Central Asia of its own economic and military projects implies joint opposition with China to these initiatives and blocking attempts to restore American influence in the countries of this region.

The interaction of the Russian Federation and China in the Arctic region considered in the context of the interface of the “Belt and Road Initiative and the Northern sea route”. This makes it necessary to continue mutually beneficial cooperation between Russia and China in the implementation of projects for the development of the Arctic. Beijing can become an ally of Moscow in the development of resources in the Arctic region. Both countries have an objective interest in this. China is trying to get out of American control of energy supplies to the country from the oil-producing States of the Arab world. Dependence on exports of energy resources and, especially, oil—is the “Achilles heel” of China's industry, the main rival of the United States. An alternative is the development of energy supplies from Russia, including in the future from the Arctic. The Russian Federation can assist the PRC in conducting research in the Arctic and in the development of a fleet designed for navigation in the Northern latitudes. In turn, Russia is interested in financial investments from China in the development of infrastructure in the Northern territories. In this regard, the Russian foreign Ministry should consider the prospect of a tandem in the UN of Moscow and Beijing in resolving disputed issues in the Arctic region.

In the Central Asian region, Washington, having invaded Afghanistan and conducted a fragmentary occupation of Afghan territory, is still trying actively to block any attempts to approach Moscow and Beijing with Kabul. Despite the fact that the administration of the current US President Donald Trump from time to time declares the curtailment of military operations in Afghanistan and the return home of the American military contingent. At the same time, Washington seriously fears that in the event of a complete withdrawal of the United States and competitors such as China, Russia, Iran and Pakistan, which practically do not share the American strategy in Central Asia, will quickly fill its NATO allies from Afghanistan, the geopolitical vacuum in this country.

In this regard, there is almost no possibility of cooperation between these countries and the United States in Afghanistan, because the American administration perceives international relations on Afghan territory as a “zero-sum game”, which means, in fact, “geostrategic loneliness” of the United States. At the same time, the Chinese leadership, closely monitoring the actions of the Americans, is trying to form numerous infrastructure projects of strategic importance into a single Eurasian transport conglomerate through the “one belt, one road” initiative. The Chinese leadership has already decided to resolve the situation in Afghanistan on its own, however, at the same time; Beijing does not refuse the format of a settlement consisting of Russia, China and Pakistan, as well as with the participation of representatives of Afghanistan, Iran and India.

As a Eurasian country, Russia has long-term military, political and economic interests in the Asia-Pacific region (APR). The essence of these interests is to ensure not only Russia's security here, but also its geo-economic position, and significantly increase the country's competitiveness. This determines the need to continue mutually beneficial military and economic cooperation between Russia and China in the implementation of Eurasian projects, as well as to develop a common position on conflict resolution in the Asia-Pacific region and/or search for political compromises with the United States.

The basis of Russia's foreign policy in the Middle East, Africa and Latin American regions of the world should be the awareness of its national interests. At the same time, realistic behavior in the process of making foreign policy decisions implies an assessment of our country's own econo-

mic and military capabilities in the near and future. In its desire to strengthen its own military potential and military-political influence in this region, Russia can intensify cooperation with not only regional actors, but also with China for a comprehensive solution to the Syrian, Libyan and Venezuelan problems. This makes it possible to find conditions for mutually acceptable military cooperation between Russia and China in resolving armed and/or political conflicts in these regions of the world, as well as to develop a common position in the course of implementing political compromises with the United States.

As for the Venezuelan crisis, it is advisable to refrain from participating in the military phase of the operation to protect the government of Maduro, if it becomes a reality. Otherwise, Russia will face high risks of losing its image and reputation positions not only in most Latin American countries and in States of the developing world. For developing countries are very sensitive to interference in their internal affairs, especially with the use of force. In principle, it is difficult to convince them of the need for military intervention, no matter what plausible pretexts given for it (for example, the request of the ruling authorities). In addition, Russia is not in the economic position to take on the support of the situation in Venezuela. Deeply embedded in the problem of opposition and government, Russia may lose more than it has in this Latin American country; and the US will “help” in this. Therefore, it is advisable to continue the practice of providing humanitarian assistance to the people of Venezuela, but not on a bilateral basis, but with the involvement of the mechanisms of the International Red Cross and the UN. This fact of humanitarian assistance to Venezuela will receive more PR coverage and the Russian Federation will demonstrate to the world that it does not interfere in the internal Affairs of Venezuela under the pretext of delivering humanitarian aid, as the United States does.

With Washington's withdrawal from the RMSD Treaty, a new era begins in the world. It is becoming less predictable and potentially more dangerous than the world of the twentieth century. The us withdrawal from the INF not only allowed Moscow to add another point to its already long list of claims against Washington, but also intensified the search for new models to reduce military risks and strengthen strategic stability at the global and regional levels. To do this, Russia has all the prerequisites—a unique experience in the development and use of advanced weapons systems. In

addition, Russia remains one of the leading nuclear superpowers. At the same time, the military program that implemented in Russia solves all the necessary issues, so Russia does not need to spend additional funds here.

In parallel, in place of bilateral, legally binding, mainly quantitative “arms control”; it is advisable to come to a multilateral, mainly qualitative “management of strategic arms”. In this new coordinate system, an important role will be played by the presence of numerous lines of communications not only in higher but also at other levels, the rapid exchange of military information, a comparison of military doctrines, perceptions of threats and development plans strategic forces, joint counter-nuclear proliferation, nuclear terrorism and so on. In parallel, in place of bilateral, legally binding, mainly quantitative “arms control”, it is advisable to come to a multilateral, mainly qualitative “management of strategic arms”. In this new coordinate system, an important role will be played by the presence of numerous lines of communications not only in higher but also at other levels, the rapid exchange of military information, a comparison of military doctrines, perceptions of threats and development plans strategic forces, joint counter-nuclear proliferation, nuclear terrorism and so on. The quantitative parameters of the nuclear arsenals of the Contracting parties are unlikely to be at the center of future strategic arms control. There is no reason to believe that a quantitative arms race — as if the one waged by the Soviet Union and the United States in the second half of the last century—repeated in the present century. The main problem for the negotiators will be not quantitative, but qualitative characteristics of strategic arsenals — such as, for example, the growing use of artificial intelligence elements in this area.

It is acceptable to assume that from experience in the future more demand will be not the traditional bilateral model of the INF Treaty or Start-III, and a more flexible multilateral agreement on the Iranian nuclear dossier 2015. Although this format does not give full guarantees of implementation of agreements, while remaining hostage to internal political developments in one of the leading nuclear powers. In particular, the struggle for geopolitical influence in Eurasia stimulated today for the most part, not as an objective ratio of total state potentials of Russia, China and the United States as the subjective feeling of the last at any given time it is some real self-sufficiency.

The absence of critical interdependence between Russia and the United States makes the American presence in the Eurasian space inharmonious and even directly impeding the balance of relations between other geopolitical players on the continent. And energy resources from the United States are unlikely to ever be in high demand in Eurasia, and this means that the role of the us dollar as the world's reserve currency and universal means of payment will continue to decline steadily. Thus, according to international experts, Russia in the near future is able to become the best supplier of energy resources to both Europe and Asia, which is likely objectively lead to the formation of an energy mega-consortium consisting of Russia, Germany and China. Gradually, there will be a growing trend towards changes in the regional monetary and financial system within the continent of Eurasia, when the main part of international payments made based on national currencies or through payments in Euros and Yuan.

At the same time, in any scenario in the “triangle”, it is in Russia's interests to continue the objectively established overall line for the further progressive development of Russian — Chinese relations. In a multidisciplinary dialogue with Beijing, it is advisable to rely on those areas where there is not a declarative, but a genuine proximity/coincidence of national interests of the Russian Federation and China (regional peace, primarily on the joint border, mutually beneficial options for energy cooperation, etc.). The international agenda of interaction should focus on areas where it is possible, if not highly coordinated steps (such as joint actions and documents on the polycentric world order, the Asian security system, etc.), then at least parallel actions of both countries (on the Middle East, Afghanistan, us sanctions, etc.).

At the same time, it is need a sober assessment and understanding of the fact that in some cases the theses about “coordination, compatibility and coincidence of interests” in relations between Russia and China still need serious practical content (Central Asia and the EEU-IPP interface, investment, cross-border cooperation, etc.). Against this background, the Russian Federation is all the more in demand for the maximum possible diversified policy, including in the triangle “Russia-China-USA”, no matter how difficult its implementation looks here.

In addition, Russia needs to be ready to strengthen the information confrontation on regional issues, playing ahead of opponents in this area

and not repeating past mistakes (for example, covering the events in the Caucasus in 2008). An important component of the Russian information counteraction to the enemies of the Russian Federation should be a continuous scientifically reasoned explanatory campaign in foreign media. An example of the positive effect of such actions can serve as articles and speeches of Vladimir Putin about Syria, published in foreign media. An important step in Russian foreign policy should be to strengthen the combat capability of the Syrian Arab army. Clashes with militants and Police in the area of the Syrian Desert shows that the Syrian military still has serious problems. They are not able to resist the mobile underground in the conditions of nighttime and active use of caves by militants for shelter. Since it is impossible to transfer additional forces to the area that are involved in other, equally important regions of the country, it makes sense to start creating special units of the CAA. Their task should be to resist the night raids of militants in nearby localities, where the jihadists replenish their supplies. Russian instructors have sufficient experience and military-technical potential to train a limited number of soldiers in counter-sabotage fighting at night. In these initiatives, the Russian Federation cannot count on the help of other countries of the "strategic triangle". Nevertheless, it is able to implement them on its own, without aggravating relations with either the US or China.

Summing up the conclusions and recommendations of the authors of the monograph, predict that the United States will continue to try to maintain its current position and its own role as a leader and expansionist in the world. Russia and China in response are making efforts to change the existing conditions and establish a multipolar structure in international affairs, while challenging the United States, which indicates a serious rivalry between them. The main part of the international problems in which the competition between Moscow and Washington is manifested concerns strategic parity, the project of establishing missile defense systems, regional crises in Afghanistan, North Korea and Syria, geopolitical rivalry in terms of NATO expansion, the current destabilization of the situation in Ukraine, as well as a number of other issues.

The United States and NATO fear the resurgence of Russia's power and seek to contain it at the international level. Therefore, in the near future, the sanctions imposed by them will continue, even when the Ukrainian topic will no longer be relevant. To repeal them would require the consent

of all members of the Alliance, which is difficult to achieve with the US disinterested in this. Regardless of who will be new American president will be in 2020. Therefore, the revival of Russia on a global scale will implemented independently, relying on its military power and partly on its partners in the CSTO, SCO, and EEU. At the international level, it needs to strengthen its geopolitics with the use of “soft power”, implement measures to replace imports of Western technologies with domestic analogues. In addition, abandoning the practice of “forgiveness” of debts to foreign countries, developing pragmatic relations with them in the trade, economic and political sphere, in order to strengthen its potential in the regions of the world.

China in American settings from a competing partner transferred to the category of geopolitical rivals of the United States, the confrontation with which can affect not only trade and economic, but also other areas. Although the principle of “one China” in relations between the United States and China is still preserved, there is a growing contradiction of ideological and humanitarian properties on the problems of totalitarianism, rights and freedoms, the lack of a legal state, etc. And this is the main difference from the approaches of previous American administrations—new us proposals on the need for China's participation in the “disassembly” of the leading nuclear missile powers, including the problem of INF. Despite the fact that the American military doctrine has a provision on the admissibility of low-power nuclear strikes in response to threats against the United States with the use of both nuclear and conventional weapons. Finally, the most important contradiction remains, because the PRC stands for multipolarity, and the United States remains committed to the idea of a unipolar world. At the same time, it is paradoxical that Washington is no longer willing to bear the cost burden that accompanies the role of a world leader.

Practical achievements of this monograph can find their direct application in the activities of the presidential Administration of the Russian Federation, Security Council of the Russian Federation, profile committees of the State Duma and the Federation Council of the Russian Federation, the Ministry of foreign Affairs, the Ministry of Defense and other state bodies of Russia.

Авторы

Балакин Вячеслав Иванович, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

К его значимым работам последнего времени относятся:

Китайская парадигма восточноазиатской интеграции // Знание. Понимание. Умение. 2017. № 3. М.: МГУ, 2017. С. 193—207.

Зарубежные китайские диаспоры и восточноазиатская интеграционная стратегия // Новая и новейшая история. № 3. Май—июнь. М.: Наука, 2018. С. 74—79.

Диалектика восточноазиатской интеграции // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 3. С. 126—135.

Ситуационное взаимодействие Индии, Японии и Вьетнама против Китая в АТР // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. Т. II. № 3—4 (40—41). М.: ИВ РАН, 2018. С. 36—47.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

Батюк Владимир Игоревич, доктор исторических наук, руководитель Центра военно-политических исследований Института США и Канады РАН. К его научным работам последнего времени принадлежат:

Российско-американская холодная война № 1, и холодная война № 2: роль дипломатии // Дипломатическая служба. 2019. № 1. С. 12—22.

«Холодная война» между США и СССР (1945—1991). Очерки истории: монография. М.: Весь мир, 2018. 336 с.

Смерть контроля над вооружениями // Актуальные проблемы Европы. 2018. № 1. С. 17—37.

США против ИГИЛ: промежуточные итоги // Конфликтология/notabene. 2018. № 3. С. 43—54.

Рецензия на коллективную монографию: Russia and the United States in the evolving world order // Международные процессы. 2018. № 2.

E-mail: ctas@inbox.ru

Гордиенко Дмитрий Владимирович, доктор военных наук, профессор, ведущий научный сотрудник Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН, действительный член (академик) Академии военных наук.

К его значимым работам последнего времени относятся:

Оценка изменения уровня экономической безопасности государств — участников Транстихоокеанского партнерства // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. № 1. Т. 3 (85). С. 3—19.

Американская санкционная политика в отношении России // Экономика и управление: проблемы и решения. 2019. № 1. Т. 5 (85). С. 16—31.

Глобальные интеграционные проекты: изменение уровня экономической безопасности государств мира при их реализации: монография. М.: АРГАМАК-МЕДИА, 2018. 338 с.

Реинтеграция или дезинтеграция. Как защитить национальные интересы: монография. М.: Научная библиотека, 2018. 384 с.

Возможный подход к сравнительной оценке экономической мощи ведущих развитых и развивающихся стран мира / Великие экономисты и великие реформы. К 50-летию «косыгинских» реформ 1965 г.: сборник научных трудов. Т. 1 / кол. авторов; под ред. Д.Е. Сорокина, Р.М. Нуреева, Н.В. Цхададзе. М.: КНОРУС, 2018. С. 94—121.

E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

Давыдов Андрей Сергеевич, кандидат исторических наук, ВРИО главного редактора журнала «Проблемы Дальнего Востока» ИДВ РАН.

К его работам последнего времени относятся:
Транстихоокеанское партнерство — фактор регионального и глобального соперничества США с Китаем и Россией // Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы глобальных и региональных измерений безопасности. М., 2018. С.185—194.

Пекин, Москва и Вашингтон: поиски выхода из «корейского тупика» // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. Т. 23. С. 140—153.

Отношения КНР и США // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. 2017—2018. С. 284—299.

San-Francisco International Order: Security Costs for Asia of the XXI Century. Beyond the San Francisco System: Exploring East Asian Peace and Cooperation System — The Third Symposium on the San Francisco Peace Treaty System. Proceedings. October, 27—28. 2018. Wuhan (China). P.125—132.

E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Евсеенко Андрей Сергеевич, кандидат политических наук, научный сотрудник Центра исследований внешнеполитического механизма США, Ученый секретарь ИСК РАН.

К значимым работам Евсеенко А.С. последнего времени относятся:

Ключевые вызовы американской политики в Ираке // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 2.

Политика США в отношении умеренной сирийской оппозиции // Россия и Америка в XXI веке. 2018. № 3.

Политика США в отношении умеренной сирийской оппозиции (часть вторая) // Россия и Америка в XXI веке. 2019. № 1.

США и курды: взаимоотношения в ходе гражданской войны в Сирии // Россия и Америка в XXI веке. 2019. Спецвыпуск.

E-mail: bubba89@yandex.ru

Клименко Анатолий Филиппович, кандидат военных наук, профессор, заместитель руководителя Центра изучения стратегических проблем Северо-Восточной Азии и ШОС Института Дальнего Востока РАН.

К его значимым работам последнего времени относятся:

Вызовы и угрозы центральноазиатской безопасности и позиция Китая // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2018. № 23. С. 77—91.

«Большая Евразия» и ШОС: миропорядок, безопасность и борьба с терроризмом // Обозреватель — Observer. 2018. № 8 (343). С. 5—22

Военная политика КНР и ее роль в укреплении комплексной мощи государства // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 2. С. 69—85.

Возможные перспективы евро-азиатской интеграции и ее геополитические последствия // Азиатско-Тихоокеанский регион: проблемы глобальных и региональных измерений безопасности. М., 2018. С. 8—15. ISBN 978-5-8381-0334-5.

E-mail: klimenko46@mail.ru

Лузянин Сергей Геннадьевич, доктор исторических наук, профессор.

С 2004 по 2016 г. Лузянин С.Г. был руководителем и участником 7 российских (коллективных) исследовательских проектов и 8 международных по проблематике глобального управления, АТР, ШОС, РИК и региональной безопасности. Автор 163 научных работы, включая 8 монографий. К наиболее значимым его научным работам относятся:

Россия—Китай: формирование обновленного мира; монография. М.: Весь Мир, 2018. 328 с.

Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС. М.: Весь Мир, 2017. 168 с.

Современные российско-китайские отношения / под ред. С.Г. Лузянина (отв. ред.). М.: ДеЛи плюс, 2017. 264 с.

Китай. Глобальное управление: возможности и риски (гл. 2.3): коллективная монография / Глобальное управление и риски. ИМЭМО РАН, 2015.

Российско-китайский диалог: модель 2016: доклад № 25/2016 / руководитель С.Г. Лузянин (с российской стороны), Чжао Хуашэн (с китайской). М., РСМД (2016).

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Морозов Юрий Васильевич, кандидат военных наук, профессор, член-корреспондент Академии военных наук, ведущий научный сотрудник институтов США и Канады и Дальнего Востока РАН.

Научный руководитель проекта РГНФ «Стратегический треугольник США—КНР—РФ: вызовы и перспективы для национальной безопасности России» и отв. ред.-составитель данной монографии.

Является руководителем и участником 6 российских исследовательских и 5 международных проектов по проблематике глобальной и региональной безопасности. Автор более 130 научных работ, в том числе опубликованных в последнее время:

Перспективы многостороннего сотрудничества ШОС с международными структурами в интересах развития стратегии Организации: монография. М., ИДВ РАН, 2019. РИНЦ.

Конфликты низкой интенсивности в американской военно-политической стратегии в начале XXI века: монография. М.: Весь мир, 2018. РИНЦ.

Перспективные направления развития ШОС в Евразии // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2018. Т. 14. № 1 (358). С. 137—152. РИНЦ.

Проблемы, препятствующие реализации интеграционных процессов Китая и России в Евразии // Проблемы и перспективы реализации инициативы «Экономический пояс Шелкового пути» в контексте ШОС. М., 2017. С. 112—133. РИНЦ.

Применение США «мягкосилового арсенала» в современном мире // Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М., 2017. С. 154—160. РИНЦ.

Стратегия Запада в Центрально-Азиатском регионе в начале XXI века: монография. М.: ИДВ РАН, 2017. РИНЦ.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Уянаев Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, заместитель директора ИДВ РАН, руководитель Центра изучения и прогнозирования российско-китайских отношений Института Дальнего Востока РАН.

К наиболее значимым научным работам Уянаева С.В. последнего времени относятся:

О некоторых задачах ШОС в сфере безопасности в контексте китайской инициативы «Один пояс, один путь» // Проблемы обеспечения безопасности на пространстве ШОС. М., 2017. С. 116—128.

Формат РИК в год 20-летия «Инициативы Примакова»: к итогам 16-й трехсторонней академической конференции // Проблемы Дальнего Востока. 2018. № 4. С. 31—37.

XIX съезд КПК о внешней политике КНР // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017—2018. М., 2018. С. 277—284.

Российско-китайские отношения // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура 2017—2018. М., 2018. С. 244—252.

Россия—Индия—Китай в контурах нового миропорядка: монография. М.: ИД «ФОРУМ». 2019. 322 с.

E-mail: svuyav@yahoo.com

Authors

Balakin Vyacheslav Ivanovich, candidate of law, associate Professor, leading researcher of the Center for the study of strategic problems of North-East Asia and the SCO of the Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences.

His significant recent works include:

Chinese paradigm of East Asian integration. “Knowledge. Understanding. The ability to” No. 3 (2017). Moscow: MSU 2017. P. 193—207.

Foreign Chinese Diasporas and East Asian integration strategy. “New and recent history” M: “Science” # 3, May-June 2018. P. 74—79.

Dialectics of East Asian integration. “Problems of the Far East”, No. 3. M: INSTITUTE OF FAR EASTERN STUDIES RAS, 2018. With 126—135.

Situational interaction of India, Japan and Vietnam against China in the Asia-Pacific region. “South-East Asia: actual problems of development”. Volume II #3—4 (40—41). M.: RAS Institute of Oriental studies, 2018. P. 36—47.

E-mail: viacheslavbalakin@rambler.ru

Batiuk Vladimir Igorevich, doctor of historical Sciences, head of the Center military-political researches of the Institute of USA and Canada Studies of the Russian Academy of Sciences. His recent scientific works include:

Russian-American cold war # One, and cold war # Two: the role of diplomacy. Diplomatic service. 2019. No. 1. Pp. 12—22.

The cold war between the United States and the Soviet Union (1945—1991). Essays on history. Monograph. Moscow: the Whole world, 2018. — 336 p.

The death of arms control. // Actual problems of Europe. 2018. No. 1. P. 17—37.

US vs ISIS: interim results. // Conflict studies/nota bene. 2018. No. 3. P. 43—54.

Review of the collective monograph: Russia and the United States in the evolving world order. // International process. 2018. No. 2.

E-mail: ctas@inbox.ru

Gordienko Dmitry Vladimirovich, doctor of military Sciences, Professor, leading researcher of the Center for the study of strategic problems of North-East Asia and the SCO of the Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, full member (Academician) of the Academy of military Sciences. His significant recent works include:

Assessment of changes in the level of economic security of the member States of the TRANS-Pacific partnership // Economics and management: problems and solutions, 2019, no. 1, volume 3 (85). — P. 3—19.

American sanctions policy against Russia // Economics and management: problems and solutions, 2019, No. 1, volume 5 (85). — P. 16—31.

Global integration projects: changing the level of economic security of the world's States in their implementation. Monograph-Moscow: ARGAMAK-MEDIA, 2018. — 338 p.

Integration or disintegration. How to protect national interests? Monograph-Moscow: publishing house “Scientific library”, 2018. — 384 p.

A possible approach to the comparative assessment of the economic power of the leading developed and developing countries of the world / Great economists and great reforms. To the 50th anniversary of the “Kosygin” reforms in 1965: a collection of scientific papers. Vol. 1 / number of authors; edited by D. E. Sorokin, R. M. Nureyev, N.V. Tskhadadze. — Moscow: KNORUS, 2018. — Pp. 94—121.

E-mail: gordienko@ifes-ras.ru

Andrey Sergeevich Davydov, candidate of historical Sciences, Deputy chief editor of journal “Problems of the Far East” Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. His recent works include:

The TRANS-Pacific partnership is a factor of regional and global rivalry between the US and China and Russia. In the collection: Asia-Pacific: problems of global and regional security dimensions. Moscow, 2018. Pp. 185—194.

Beijing, Moscow and Washington: the search for a way out of the “Korean impasse”. In the collection: China in world and regional politics. History and modernity. 2018. Vol. 23. Pp. 140—153.

The relationship between China and the United States. In the Yearbook “People's Republic of China: politics, economy, culture”. 2017—2018. Pp. 284—299.

San-Francisco International Order: Security Costs for Asia of the XXI Century. Beyond the San Francisco System: Exploring East Asian Peace and Cooperation System — The Third Symposium on the San Francisco Peace Treaty System. Proceedings. October, 27—28.2018. Wuhan (China). Pp.125—132.

E-mail: pdv@ifes-ras.ru

Evseenko Andrey Sergeevich, Ph. D. in political science, researcher at the Center for research of the US foreign policy mechanism, Scientific Secretary of the ISC RAS.

Significant works of Evseenko A. S. of recent times include:

Key challenges of the American policy in Iraq // Russia and America in the XXI century. — 2018.

US policy towards the moderate Syrian opposition // Russia and America in the XXI century. — 2018. — No. 3.

US policy towards the moderate Syrian opposition (part two) // Russia and America in the XXI century. 2019. No. 1.

USA and Kurds: relations during the civil war in Syria // Russia and America in the XXI century. 2019. Special issue.

E-mail: bubba89@yandex.ru

Anatoly Filippovich Klimenko, candidate of military Sciences, Professor, Deputy head of the Center for the study of strategic problems of North-East Asia and the SCO of the Institute of the Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. His significant recent works include:

Challenges and threats to Central Asian security and China's position. China in world and regional politics. History and modernity. 2018. Vol. 23. No. 23. P. 77—91.

Greater Eurasia and the SCO: world order, security and the fight against terrorism. Scientific and analytical magazine Observer-Observer. 2018. No. 8 (343). Pp. 5—22

The military policy of the PRC and its role in strengthening the complex power of the state in the Far East. 2017. No. 2. Pp. 69—85.

Possible prospects for Euro-Asian integration and its geopolitical consequences. In sat.: Asia-Pacific: problems of global and regional security dimensions. M, 2018. Pp. 8—15. ISBN 978-5-8381-0334-5.

E-mail: klimenko46@mail.ru

Luzyanin Sergey Gennadievich, doctor of historical Sciences, Professor, Director of the Institute for Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, Head of the Center for the study of strategic problems of North-East Asia and the SCO of the IFES RAS.

From 2004 to 2016 years, Luzyanin S.G. was the head and participant of seven Russian (collective) research projects and eight international ones on the issues of global governance, the Asia-Pacific region, the SCO, the RIK and regional security. Author of 163 scientific papers, including eight monographs. The most significant of his scientific works include:

Russia — China: the formation of a renewed world; monograph-Moscow: Vse Mir publishing House, 2018. 328 pagers.

Problems of ensuring security in the SCO space. — Moscow: Vse Mir Publishing House, 2017. — 168 p.

Modern Russian-Chinese relations / ed. by S.G. Luzyanin (ed. ed.). Moscow: Delhi plus, 2017. — 264 p.

«China. Global governance: opportunities and risks (Chapter 2. 3). Collective monograph / Global governance and risks. — IMEMO RAN, 2015.

“Russian-Chinese dialogue: model 2016”: report no. 25/2016 / head S. G. Luzyanin (from the Russian side), Zhao Huasheng (from the Chinese side). — M., RIAC (2016).

E-mail: lousianin@ifes-ras.ru

Yuri Vasilievich Morozov, candidate of military Sciences, Professor, corresponding member of the Academy of military Sciences, leading researcher of the Institute of USA and Canada and Far Eastern studies. Scientific Director of the project “Strategic triangle of the USA-China-Russia: challenges and prospects for national security of Russia” and the editor author of this monograph. He is the head and participant of six Russian research projects and five international projects on global and regional security. Author of more than 130 scientific papers, including recently published ones:

Prospects for multilateral cooperation between the SCO and international structures in the interests of developing the Organization's strategy. Monograph. Moscow, IFES RAS, 2019.

Low-intensity conflicts in American military-political strategy at the beginning of the XXI century. Monograph. Moscow, the Whole world.

Perspective directions of development of the SCO in Eurasia. National interests: priorities and security. 2018. Vol. 14. No. 1 (358). Pp. 137—152.

Problems hindering the implementation of the integration processes of China and Russia in Eurasia. In the collection: Problems and prospects for the implementation of the Silk Road Economic belt initiative in the context of the SCO Moscow, 2017. Pp. 112—133.

The use of the US “soft power Arsenal” in the modern world. In the collection: Russia: trends and prospects of development Yearbook. Moscow, 2017. Pp. 154—160.

Western strategy in the Central Asian region at the beginning of the XXI century. Monograph. Moscow, IFES RAS, 2017.

E-mail: morozovyury51@yandex.ru

Uyanaev Sergei Vladimirovich, candidate of historical Sciences, Deputy Director Institute of Far Eastern Studies RAS, head of the Center for the study and forecasting of Russian-Chinese relations of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences.

The most significant scientific works of S. V. Uyanaev recently include:

On some of the SCO's security challenges in the context of the Chinese initiative "one belt, one road" in the collection: Problems of security in the SCO space Moscow, 2017. Pp. 116—128.

RIC format in the year of the 20th anniversary of the Primakov Initiative: to the results of the 16th trilateral academic conference / Problems of the Far East. 2018. No. 4. Pp. 31—37.

XIX Congress of the CPC on foreign policy of the PRC in the collection: people's Republic of China: politics, economy, culture 2017—2018 Moscow, 2018. Pp. 277—284.

Russian-Chinese relations/in the collection: People's Republic of China: politics, economy, culture 2017—2018 Moscow, 2018. Pp. 244—252.

Russia-India-China in the contours of the new world order; monograph / Preface. S.G. Luzyanin. Moscow: FORUM publishing house. 2019. 322 p.

E-mail: svuyav@yahoo.com

Научное издание

Взаимоотношения России—Китая—США в рамках стратегического треугольника

Выпускающий редактор *Е.В. Белилина*
Редактор *М.А. Кириченко*
Корректор *М.А. Кириченко*
Компьютерная верстка *С.Ю. Тарасова*
Обложка *Т.В. Иваншиной*

Подписано в печать 24.10.2020.
Формат 60×84/16. Печать офсетная. Гарнитура «Таймс».
Печ. л. 18,0. Бумага офсетная.
Тираж 500 экз. (1-й завод — 100 экз.).
Заказ № 15

Уважаемые читатели!

Электронные версии книг, выпускаемых ИДВ РАН,
размещаются в электронной библиотеке института
со свободным доступом, находящейся
на интернет-сайте ИДВ РАН
www.ifes-ras.ru

Контакты:

по вопросам работы электронной библиотеки —
Отдел наукометрии и информационных
технологий ИДВ РАН,
тел.: +7-499-124-0802 или e-mail: it@ifes-ras.ru.

Почтовый адрес ИДВ РАН:
Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32.